

Посвящается 25-ой годовщине
государственной независимости
Республики Таджикистан

**ГОСУДАРСТВОВЕДЕНИЕ
И ПРАВА ЧЕЛОВЕКА**
Научно-практический журнал

Ба истиқболи 25-умин солгарди
Истиқлолияти давлатии
Ҷумҳурии Тоҷикистон бахшида мешавад

**ДАВЛАТШИНОСӢ ВА ҲУҚУҚИ
ИНСОН**
Маҷаллаи илмӣ-амалӣ

1(01)
выпуск
2016

**ГОСУДАРСТВОВЕДЕНИЕ И ПРАВА ЧЕЛОВЕКА
ДАВЛАТШИНОСӢ ВА ҲУҚУҚШИНОСӢ**

Научно-практический журнал

1(01)

выпуск

2016

ISSN 2414 9217

**Издание зарегистрировано в Министерстве культуры Республики Таджикистан
за № 0249/МЧ от 20 января 2016 года**

Журнал выходит с 2016 года. Издается 4 раза в год.

Учредитель: Таджикский национальный университет

Главный редактор: Азизов У. А., к. ю. н., доцент

Заместитель главного редактора: Диноршоев А. М., д. ю. н., профессор

Ответственный секретарь: Салохидинова С. М

Члены редколлегии:

Имомзода М. С.	академик Академии наук РТ, д. ф. н., профессор
Махмудзода М. А.	академик Академии наук РТ, д. ю. н., профессор
Тахиров Ф.Т.	академик Академии наук РТ, д. ю. н., профессор
Авакьян С. А	д. ю. н., профессор
Ализода З. М.	д. ю. н., профессор
Зоиров Дж. М.	д. ю. н., профессор
Насриддинзода Э. С.	д. ю. н., профессор
Нуриддинов Р.	д. п. н., профессор
Сативалдыев Р. Ш.	д. ю. н., профессор
Золотухин А.	д. ю. н., доцент
Сафарзода Б. А.	д. ю. н., доцент
Рахмон Д. С.	к. ю. н., доцент
Джамshedов Дж. Н.	к. ю. н., доцент
Камолзода И. И.	к. ю. н., доцент
Павленко Е. М.	к. ю. н., доцент

Научное редактирование и корректура:
Холова Н. Р., Нематова М. А.

Содержание

Приветственное слово Ректора Таджикского национального университета, академика Академии наук Республики Таджикистан Имомзода М. С.	<u>5</u>
Сативалдыев Р. Ш. ПРАВА ЧЕЛОВЕКА КАК КРИТЕРИЙ КАЧЕСТВА ЗАКОНА	<u>7</u>
Насриддинзода Э. С., Павленко Е. М. КОНСТИТУЦИОННАЯ КУЛЬТУРА И КОНСТИТУЦИОННОЕ ПРАВОСОЗНАНИЕ В СОВРЕМЕННОМ ОБЩЕСТВЕ	<u>18</u>
Куканов А. З. СТАНОВЛЕНИЕ И РАЗВИТИЕ ПРЕЗИДЕНТСКОЙ РЕСПУБЛИКИ В ТАДЖИКИСТАНЕ	<u>26</u>
Азизкулова Г. С., Афзали М. К. К ВОПРОСУ О СОХРАНЕНИИ ПРАВОВЫХ И СОЦИАЛЬНЫХ ИНСТИТУТОВ В ПЕРИОД АХЕМЕНИДСКОЙ ДЕРЖАВЫ	<u>35</u>
Азизов У. А. НАКАЗАНИЕ В ПРОЦЕССЕ ИСТОРИЧЕСКОГО РАЗВИТИЯ В ДРЕВНИЙ И СРЕДНЕВЕКОВЫЙ ПЕРИОДЫ ТАДЖИКСКОЙ ГОСУДАРСТВЕННОСТИ	<u>41</u>
Тарасова А. В. ОСНОВНЫЕ АСПЕКТЫ СУДЕБНОЙ ЗАЩИТЫ КАК ГАРАНТИИ ОБЕСПЕЧЕНИЯ ПРАВА НА ДОСТУП К КУЛЬТУРНЫМ ЦЕННОСТЯМ	<u>50</u>
Диноршоев А. М. ПРАВОВАЯ ПРИРОДА ПОСЛАНИЯ ПРЕЗИДЕНТА РЕСПУБЛИКИ ТАДЖИКИСТАН	<u>55</u>
Гадоев Б. С. РЕФЕРЕНДУМ КАК ВАЖНЕЙШАЯ ФОРМА НАРОДОВЛАСТИЯ В РТ	<u>61</u>
Салохидинова С. М. ПРЕЗИДЕНТ РЕСПУБЛИКИ ТАДЖИКИСТАН КАК ГАРАНТ ОБЕСПЕЧЕНИЯ КОНСТИТУЦИОННОГО ПРАВА НА ПРЕДПРИНИМАТЕЛЬСКУЮ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ	<u>66</u>
Кодиров Дж. Ш. КОНСТИТУЦИОННЫЕ ОСНОВЫ ОРГАНИЗАЦИИ И ДЕЯТЕЛЬНОСТИ МЕСТНЫХ СТРУКТУР ЦЕНТРАЛЬНЫХ ИСПОЛНИТЕЛЬНЫХ ОРГАНОВ ГОСУДАРСТВЕННОЙ ВЛАСТИ	<u>71</u>
Марифхонов Р. Н. СТРУКТУРА АДМИНИСТРАТИВНОГО ПРОЦЕССА ПО ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВУ РЕСПУБЛИКИ ТАДЖИКИСТАН	<u>78</u>
Рахмон Д. С. ПРИНЦИП НАИЛУЧШИХ ИНТЕРЕСОВ РЕБЕНКА И ЕГО ОТРАЖЕНИЕ В ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВЕ РЕСПУБЛИКИ ТАДЖИКИСТАН	<u>83</u>

Сафарзода Б. А.	ЗАКРЕПЛЕНИЕ ОСНОВНЫХ ПРАВ И СВОБОД ЧЕЛОВЕКА И ГРАЖДАНИНА В КОНСТИТУЦИИ РЕСПУБЛИКИ ТАДЖИКИСТАН И ИХ СООТНОШЕНИЕ С МЕЖДУНАРОДНЫМИ СТАНДАРТАМИ	
Саидов И. И.	К ВОПРОСУ О ПОНЯТИИ И СУЩНОСТИ СВОБОДЫ СЛОВА	<u>103</u>
Саъдизода Дж.	ЗАКОНОДАТЕЛЬНАЯ ПОЛИТИКА В СФЕРЕ ПРАВ ЧЕЛОВЕКА И ЕЕ РОЛЬ В ФОРМИРОВАНИИ КУЛЬТУРЫ ПРАВ ЧЕЛОВЕКА	<u>110</u>
Сафарзода А. И.	РАЗВИТИЕ ЮРИДИЧЕСКИХ ВЗГЛЯДОВ О СООТНОШЕНИИ ПОНЯТИЙ КОРРУПЦИЯ И КОРУПЦИОННАЯ ПРЕСТУПНОСТЬ	<u>115</u>
Сулаймонов Ф. С.	ГРАЖДАНСКО-ПРАВОВАЯ ЗАКОННОСТЬ	<u>122</u>
Бозоров Р. Б.	К ВОПРОСУ О ГОСУДАРСТВЕННЫХ ГАРАНТИЯХ В СФЕРЕ ТРУДОВЫХ ОТНОШЕНИЙ	<u>130</u>
Сохибов М. М.	КОНСТИТУЦИОННО-ПРАВОВЫЕ ОСНОВЫ ЗЕМЕЛЬНЫХ ОТНОШЕНИЙ В РЕСПУБЛИКЕ ТАДЖИКИСТАН	<u>134</u>
Соибов З. М.	МЕСТО ТАМОЖЕННЫХ ОРГАНОВ РЕСПУБЛИКИ ТАДЖИКИСТАН В СИСТЕМЕ ОРГАНОВ ИСПОЛНИТЕЛЬНОЙ ВЛАСТИ СТРАНЫ	<u>142</u>

Приветственное слово Ректора Таджикского национального университета, академика Академии наук Республики Таджикистан Имомзода М. С.

Уважаемые читатели!

Мы находимся на пороге знаменательной даты для таджикского народа – 25-ой годовщины образования Республики Таджикистан как независимого государства. Обретение независимости для таджикского народа далось не просто. В первые годы независимости нам пришлось пройти через гражданскую войну, что к сожалению, отразилось на становлении и развитии различных государственных институтах страны, экономического и социального благополучия нашего общества. Но не смотря на все сложности, которые существовали в первые годы независимости наша страна под чутким руководством Лидера Нации, Основоположник мира и согласия, Президент страны — уважаемого Эмомали Рахмона смогла погасить пламя гражданской войны и приступить к строительству суверенного, правового, демократического и светского государства. Все дальнейшие действия руководства нашей страны были направлены на создание устойчивых государственных институтов, экономического и социального развития общества, формирование институтов гражданского общества и защиту прав и свобод человека. И сегодня Республика Таджикистан является полноправным членом мирового сообщества, осуществляет независимую политику, направленную на защиту своих национальных интересов.

В дни когда наша страна отмечает этот юбилей, в Таджикском национальном университете произошло знаменательное событие. В свет вышел новый юридический журнал «Государствоведение и права человека», учредителем которого является Таджикский национальный университет. Прежде чем предоставить читателю возможность ознакомиться с основным содержанием первого номера журнала, позволим себе сделать несколько предварительных замечаний, имеющих, на наш взгляд, существенное, принципиальное значение для понимания единого, определяющего смысла и концепции нового издания.

При создании данного журнала мы исходили из следующих целей и задач:

Во-первых, основной идеей создания журнала было тематическое объединение на его страницах взглядов ученых и специалистов относительно вопросов построения государства, его функций и задач, ситуации с правами человека, а также решения других проблем в национальной и зарубежной юридической науке в сферах государствоведения и прав человека. На страницах журнала будет системно и комплексно рассмотрен широкий круг вопросов теоретического и практического значения, относящихся к государственно-правовой сфере жизнедеятельности государства и общества. В этой связи в журнале будут публиковаться не только работы ученых-правоведов, но и философов, историков, политологов, словом, представителей всех отраслей обществоведения.

Мы уверены в том, что продвижение новых идей и формулирование теоретических концепций в области государствоведения и сфере прав человека будут способствовать формированию в нашей стране правового и демократического государства. В этом контексте возрастает роль ученых, которые должны активно принимать участие в развитии страны. Именно на решение этих задач обращает внимание Лидер Нации, Основоположник мира и согласия, Президент страны — уважаемый Эмомали Рахмон. В Послании к Маджлиси Оли в 2016 году, в частности, он указывает: «Необходимо и в дальнейшем, направляя весь научный потенциал ученых на выполнение стратегических целей страны, исследовать актуальные проблемы и вносить свой вклад в устойчивое развитие страны».

Во-вторых, на страницах журнала будут изучаться наиболее важные, актуальные и существенные проблемы для современного этапа развития государства и права как в нашей стране, так и за его пределами. При этом при изучении вопросов мы будем отталкиваться от

интересов нашего государства, традиций и обычаев таджикского народа и, исходя из них, формировать новые правовые ценности, которые будут повышать уровень правосознания и правовой культуры народа Таджикистана.

В-третьих, как мы отмечали выше, основным направлением журнала является изучение проблем государственного права. Это обусловлено прежде всего тем, что в юридической науке, в частности, в рамках таких дисциплин, как теория права и государства, конституционное право и многих других, изучению собственно государства и права человека уделяется гораздо меньше внимания. Изданием данного журнала мы попытаемся устранить существующий пробел. Между тем совершенно очевидно, что государство и права человека на сегодняшний день играют важную роль в жизни как общества в целом, так и отдельного индивида. Можно с уверенностью утверждать, что государство и права человека являются неотчуждаемой общечеловеческой ценностью. Данные положения наглядно закреплены в статьях 1 и 5 Конституции Республики Таджикистан.

Помимо этого не вызывает ни малейших сомнений тот факт, что государство и права человека как политико-правовые институты чрезвычайно сложны для изучения. Их сущность и происходящие в них процессы и изменения носят сокровенный, эзотерический характер, который во многом еще только предстоит раскрыть и описать в четких и ясных научных терминах и категориях. Таким образом, обращение к указанной нами тематике более чем оправдано.

В-четвертых, хотелось подчеркнуть, что мы рассматриваем данное издание в качестве широкой трибуны, с которой можно демонстрировать самые передовые идеи и взгляды, предлагать новые трактовки давно устоявшихся и прочно утвердившихся в отечественной и зарубежной юридической науке понятий, давать оригинальные толкования происходящих в современном государстве и праве явлений и процессов, по-новому осмысливать давно существующие, поэтому хорошо известные, равно как анализировать и объяснять лишь недавно возникшие феномены политико-правового бытия. Мы с нетерпением ожидаем от наших авторов не только глубоких теоретических исследований отдельных сторон и проявлений существующей государственно-правовой действительности, но и выверенных, научно обоснованных, значимых предложений о ее должном эволюционировании.

В заключении позвольте выразить искреннюю и глубокую благодарность всем членам редакционной коллегии и совета за отзывчивость и согласие принять участие в деятельности журнала.

Актуальные вопросы теории государства и права**ПРАВА ЧЕЛОВЕКА КАК КРИТЕРИЙ КАЧЕСТВА ЗАКОНА****Сативалдыев Р. Ш.,**

заведующий кафедрой теории и истории государства и права юридического факультета Таджикского национального университета, доктор юридических наук, профессор.

E-mail: www-rustam-tj@mail.ru**Научная специальность:** 12.00.01 — теория и история права и государства, история учений о праве и государстве

Аннотация: В статье предлагается идея «права человека как критерий качества закона», приводятся аргументы в ее научное обоснование, раскрываются аспекты исследуемой идеи, формы ее доктринального и нормативного воплощения, определяются основные подходы и перспективность исследования поставленной проблемы.

Ключевые слова: права человека, качество закона, содержание закона, правовой закон, правовое регулирование.

HUMAN RIGHTS AS THE CRITERION OF QUALITY OF A LAW**Sativaldyev R. SH.,**

Head of the Department of Theory and History of State and Law of the Law Faculty, Tajik National University, Doctor of Legal Sciences, Professor

Scientific specialty: 12.00.01 — theory and history of the law and state, history of the doctrines of the law and state

Annotation: An idea — "human right as the criterion of quality of a law" — is offered in the article. The arguments of its scientific substantiation, aspects of studied idea, the form of its normative and doctrinal incarnation, main approaches and prospects of this problem are considered this article.

Keywords: human rights, quality of a law, content of a law, legal law, legal regulation.

Качество закона, как известно, оценивается на основе определенных критериев. В литературе предлагаются различные критерии качества закона, например, социально-политические критерии, технико-юридические критерии и др. [4, 5, 6, 16, 30] Качество закона не может быть оценено на основе лишь технико-юридических критериев, поэтому в последние годы получил широкое распространение подход к качеству закона, в рамках которого вырабатывается комплекс как общесоциальных, так и технико-юридических критериев качества закона. [32, 33, 41, 44] Такой подход имеет

веские основания, поскольку о качестве закона можно судить комплексно, т. е. на основе его соответствия реальным общественным потребностям, своевременности правового регулирования, всемерного учета в законе социальных потребностей, соблюдения правил юридической техники и т. д.

Одним из критериев качества закона является соответствие закона правам человека. Такой подход можно обосновать тем, что на уровне конституций демократических государств права человека признаны

критерием правового содержания и соответственно качества законов. В соответствии со ст. 14 Конституции Республики Таджикистан права и свободы человека и гражданина определяют содержание законов, деятельность органов законодательной и исполнительной властей, органов местного самоуправления. Иначе говоря, права человека служат обязательным критерием качества принимаемых законов. Учет данного критерия - прямая обязанность законодательного органа Республики Таджикистан, а также иных субъектов правотворчества.

Идея соответствия закона правам человека имеет давнюю историю. Еще во французской «Декларации прав человека и гражданина» (от 20 августа 1789 г.) было закреплено следующее положение: «Цель каждого государственного союза составляет обеспечение естественных и неотъемлемых прав человека. Таковы свобода, собственность, безопасность и сопротивление угнетению». [42, с. 209]

В последующем в рамках естественно-правовых теорий была выдвинута идея о том, что естественное право, разумеется, его неотъемлемая часть — естественные права человека составляют критерий разумности, справедливости издаваемых в государстве законов. Данной идеи придерживались различные естественно-правовые теории Нового времени, в частности, протестантизм, неотомизм, а также Г. Гроций, Дж. Локк, Ш. Л. Монтескье и др. Неотъемлемые права человека как исходное правовое начало позитивного законодательства получают нормативное воплощение в Декларации независимости США, Конституции США, Французской декларации прав человека и гражданина.

Данная идея получает развитие после Второй мировой войны в рамках возрожденной теории естественного права (Штаммлер), концепций неотомистов (Ж. Маритен, Ж. Дабен и др.), неопротестантов (К. Барт, Э. Вольф и др.), естественно-правовых концепций светского направления (Г. Райнер и др.), философ-

ских школ (младогегельянцы, неокантианцы). В указанных теориях естественное право провозглашается как критерий позитивного права. В антропологической естественно-правовой концепции (Й. Месснер, А. Ауэр и др.) выдвигается идея о том, что человеческое достоинство составляет критерий позитивного закона государства.

В конце XX в. и начале XXI в. неотъемлемые права человека и связанные с ними ценности свободы, справедливости, разумности, равенства и др. получают воплощение в международных правовых актах и конституциях. Их воплощение во внутреннем законодательстве (национальном праве) становится обязанностью государств. [35, 36, с. 307-312]

Таким образом, в процессе развития естественно-правовых теорий поэтапно формировалась идея о том, что естественное право (естественные права человека, естественно-правовые требования, социально-нравственные ценности) служит критерием качества законов, законодательства в целом и иных форм позитивного права. На данном этапе данная идея получила нормативное воплощение на уровне международного и национального права. Теперь права человека служат исходно-правовым началом правотворческой деятельности и критерием качества законов.

Права человека как критерий качества закона составляют гуманитарный аспект качества закона наряду с другими аспектами — политический, социальный, технико-юридический и др. Данный аспект качества закона имеет принципиальное, исходно-правовое, определяющее значение для обеспечения социальной ценности человека и всей совокупности его прав и свобод. В Докладе Совета Федерации Федерального Собрания Российской Федерации подчеркивается, что качество закона выступает одним из факторов эффективности государственного управления качеством жизни человека. [13, с. 467]

Гуманизм является одним из постулатов современного цивилизованного правотворчества. [12, с. 106] Гуманистическая

природа права проявляется в разнообразных формах. Одной из форм выражения гуманистической направленности права является правотворчество. Гуманизм является одним из принципов правотворческой деятельности. Данное положение признано на доктринальном и нормативном уровнях, например, закреплено в Законе Республики Таджикистан «О нормативных правовых актах».

Обеспечение гуманитарного аспекта качества закона обусловлено необходимостью выполнения законом функции по защите и гарантированию прав и свобод человека. В соответствии со ст. 5 Конституции Республики Таджикистан человек и его права и свободы являются высшей ценностью, а государство признает, соблюдает и защищает права и свободы человека и гражданина. [19]

В выполнении данной функции государства основная роль отводится праву. Права человека выступают необходимым инструментом правового регулирования. Регулятивный потенциал прав человека выражается в том, что они имеют силу прямого действия. Такая норма закреплена в конституциях многих государств, в том числе в Конституции Республики Таджикистан. Это намного повышает регулятивную способность прав человека. При этом реализация данной конституционной нормы зависит от уровня правосознания и правовой культуры индивидов, государственных органов, институтов гражданского общества, прежде всего от профессионального правосознания правоприменительных органов (суды и др.), поскольку именно они непосредственно занимаются применением права, в том числе прав человека, в силу их прямой обязанности. В реализации регулятивной функции права [1, с. 5. 2; 17, с. 177. 34; 39, с. 72] важную роль выполняют законы. А с учетом обеспечения гуманистического аспекта права повышаются требования к качеству законов. Среди данных требований важное место отводится соответствию закона правам человека.

Более того, практика служит критерием истины. Именно юридическая практика, в частности, правоприменительная (судебная, прокурорская, следственная и др.) воочию показывает, насколько качественными являются применяемые законы. В процессе правоприменительной деятельности наглядно проявляется степень ответственности и эффективности законов. Правоприменительная практика служит также целям практической оценки соответствия применяемых законов правам человека. В то же время реализация качественных законов, отражающих права человека, зависит от профессиональной подготовки правоприменителей.

Гуманистический аспект содержания закона как критерий его качества обусловлен гуманизмом права и предполагает служение закона целям признания, защиты и обеспечения прав человека, его человеческого достоинства, свободной экономической, интеллектуальной, художественной и иной творческой деятельности. Как пишет Л. И. Спиридонов, характеристика права «как меры, сферы, границ свободы всех участников общественных отношений раскрывает его общие ценностные свойства. Личностная ценность права выражает гуманистическую ориентацию права, его способность обеспечивать интересы и цели личности, ее творческое развитие и социальную активность». [40, с. 95]

Потенциал прав человека как критерия качества закона намного повышается благодаря также другому не менее важному факту. Дело в том, что на данном этапе права человека являются не только нормативным воплощением естественно-правовых требований. Права человека на доктринальном уровне признаны источником действующего права. В этом контексте заслуживает поддержки точка зрения В. С. Нерсесянца о том, что естественные права «как источник позитивного права — это официально признанные государством и закрепленные в его конституции и законах естественные, прирожденные и неотчуждаемые права человека и права народов». [28, с. 403] Хотя данная идея пока не

получила всеобщего признания, тем не менее она заслуживает дальнейшей разработки.

Права человека, будучи источником действующего позитивного права, включая законодательство и соответственно законов, выступают критерием правового содержания и качества законодательства, в частности, законов. Естественные права человека как критерий качества законов служат неременным условием их правового содержания. Иными словами, права человека по отношению к законам выполняют две неразрывно связанные функции: 1) они определяют правовое содержание законов; 2) служат критерием их качественности. Следует оговориться, что данная классификация имеет условный и в большей мере познавательный характер, поскольку правовое содержание закона и правовое качество закона неразрывно взаимосвязаны между собой. Тем не менее такая классификация имеет смысл, ибо категории «правовое содержание закона» и «качество закона» можно различить с точки зрения их содержательной характеристики.

Первая из указанных функций получила нормативное воплощение в конституциях. К примеру, по Конституции Республики Таджикистан права человека определяют содержание законов. Вторая функция получает признание на уровне доктрины. Кстати, целью данной научной статьи является научное обоснование идеи прав человека как критерия качества закона. Хотя справедливости ради следует обратить внимание на то, что в литературе данная идея находит различное преломление. Многие авторы, которые занимаются исследованием проблемы качества закона, так или иначе затрагивают гуманистические аспекты данной проблемы. [10, 11]

Возвращаясь к ранее заявленной идее о соотношении правового содержания и качества закона, необходимо подчеркнуть, что указанные категории требуют дальнейшей научной разработки. Она должна быть нацелена на раскрытие понятийной и содержательной характеристик категорий «правовое содержание закона» и «правовое

качество закона». Научный анализ данных категорий требует специального исследования. При этом в качестве предварительных посылов можно отметить, что категория «правовое содержание закона» требует углубленного анализа, поскольку содержание закона не может ограничиваться лишь его правовыми аспектами. Кстати, такой анализ уже осуществляется в отношении категории «качество закона». Большинство современных авторов исходят из того, что качество закона включает социальные, политические, экономические, культурные и технико-юридические аспекты. С такой постановкой вопроса следует согласиться. Не случайно, что выдвинутое в литературе понятие «правовое качество закона» [14; 15, с. 7-12] встречает критическую реакцию многих авторов. И в этом тоже есть определенная доля истины, поскольку категория «правовое качество закона» отодвигает на задний план социальные, политические и иные общесоциальные аспекты качества закона.

Если отвлечься от подробного анализа содержательных элементов права или различных (социальных, политических и др.) аспектов содержания права, поскольку это требует отдельного, специального анализа, то очевидно, что права человека являются неотъемлемым компонентом содержания права. Это вызвано следующими обстоятельствами:

1. Права человека непременно учитываются при издании закона. Нормативно-правовое воплощение прав человека является обязательным требованием разработки любого законопроекта. Обязательность данного требования обусловлена его конституционным закреплением. Конституционная норма, закрепляющая требование по обеспечению правового содержания закона, обладает верховенством во всей системе нормативных правовых актов. В данном контексте под правовым содержанием закона следует понимать воплощение идеи правового закона, т. е. закона, соответствующего правам человека.

Все законы, а также издаваемые на их основе подзаконные нормативные правовые акты должны соответствовать указанному конституционному требованию. Это служит условием качества всех законов и соответственно издаваемых на их основе нормативных правовых актов. В этом смысле требование соответствия законов правам человека выступает как общеобязательное условие качества законов.

2. Права человека входят в число правового инструментария правового регулирования, регламентируют жизнь и деятельность человека в разнообразных общественных отношениях. В отличие от других правовых средств, которые отражаются в тексте закона, естественные права человека на жизнь, на человеческое достоинство, на неприкосновенность личности и др. непосредственно регламентируют как само человеческое поведение, так и саму человеческую жизнь. Поэтому права человека как инструмент правового регулирования имеют социальную ценность. Они призваны обеспечить необходимое качество жизни человека и имеют в этом смысле жизнеутверждающее значение. Более того, права человека в соответствии со ст. 14 Конституции Республики Таджикистан имеют потенциал прямого действия. А данное конституционное (исходно-правовое) положение, в свою очередь, намного повышает роль и значение прав человека как средства прямого правового регулирования в сравнении с другими правовыми средствами, которые закладываются в тексте законопроекта.

3. Права человека формулируются в тексте закона в строгом соответствии с правилами юридической техники. К примеру, прирожденные и неотчуждаемые (естественные) права человека получают нормативно-правовое оформление как права, признанные государством, но не как установленные («дарованные») им. Права человека нормативно оформляются в строгом соответствии с разделением прав человека и прав гражданина. Указанные права человека имеют различное терминологическое

обозначение. Для их оформления используются категории «права человека» и «права гражданина». Терминологическое обозначение прав человека и гражданина имеет принципиальное значение и служит целям их различения. К примеру, для терминологического обозначения прав гражданина используется термин «гражданин».

При технико-юридическом оформлении свободы человека также необходимо исходить из того, что закон как форма права служит мерой свободы человека. Она, разумеется, не может быть безграничной. Реализация свободы человека осуществляется в определенных определяемых законом пределах. В Конституции Республики Таджикистан, а также в других постсоветских конституциях широко применяется такой технико-юридический прием, при котором отдельно с использованием различных терминов оформляются «права человека» и «права гражданина» с учетом их соответственно естественно-правового и позитивистского содержания. Это служит доказательством того, что права человека нормативно оформляются в соответствии с правилами юридической техники, поэтому права человека входят в число свойств технико-юридического качества закона и служат критерием его технико-юридического качества.

4. Права человека являются одним из факторов, наряду с другими определяющих социальную обусловленность закона, которая в свою очередь служит одним из критериев его качества. Таким образом, права человека выступают критерием качества закона.

Естественные права человека обусловлены биологической и социальной его природой и, являясь неременным условием жизнедеятельности, неотделимы от природы индивида как биолого-социального разумного существа. При издании закона неотчуждаемые права человека непременно учитываются законодательным органом. Государство не устанавливает, а признает естественные, заложенные в самой биологической природе права человека.

Социальная обусловленность закона предполагает в этом смысле его связь с наличными прирожденными правами человека. Закон, обусловленный естественными правами человека, издается в соответствии с ними и служит средством их нормативного воплощения и реализации, поэтому права человека характеризуют социальный аспект качества закона.

Предлагая идею о правах человека как критерия качества закона, необходимо обратить внимание на соотношение естественно-правовых и позитивистских теорий. Качество закона, предполагающее его соответствие естественным правам человека, обеспечивается благодаря синтезу естественно-правового и позитивистского правопонимания. Закон (и в целом позитивное законодательство) служит формой нормативно-правового воплощения естественных прав человека. Такое свойство закона, точнее правового закона, которое характеризует гуманитарный аспект его качества, было достигнуто не сразу. Как известно, на протяжении довольно долгого периода времени наблюдалось идеологическое, мировоззренческое, концептуальное противоречия между естественно-правовыми и позитивистскими теориями прав человека. После Второй мировой войны в результате признания естественных прав человека на уровне международных документов и конституций были созданы условия для преодоления такого мировоззренческого дисбаланса на уровне теоретических конструкций, поэтому любые попытки противопоставления естественно-правовой и позитивистских концепций снижают необходимое качество закона. Следует согласиться с С. А. Воробьевой, которая пишет: «Противопоставление концепции естественного права и нормативного правопонимания несет в себе опасные тенденции. Если государство связано правом, то издаваемые им законы не должны противоречить праву и, в частности, тем правам человека, которые в теории называют естественными и неотъемлемыми». [7, с. 9]

Взаимосвязь естественно-правовых и позитивистских концепций обусловлена

тем, что на современном этапе законодательство служит наиболее удобной формой официального, нормативно-правового выражения прав и свода человека. Это стало возможным благодаря качественности законодательства, главным образом, в силу официального признания (на уровне национальных конституций) прав человека критерием правовой сущности законов.

Нормативно-правовое оформление прав человека обусловлено также тем, что право является мерой свободы и справедливости. По словам Гегеля, право «есть вообще свобода как идея». [8, с. 89] Благодаря праву свобода человека вводится в определенные правовые рамки, трактуется не как своеволие индивида, а как уважение свободы и достоинства других людей. В выполнении данной миссии права основополагающую роль играет закон как форма права. О роли закона в нормативном выражении и гарантировании человеческой свободы писали многие мыслители. Так, по словам Дж. Локка, свобода людей «заключается в том, чтобы иметь постоянное правило для жизни, общее для каждого в этом обществе и установленное законодательной властью, созданной в нем». [22, с. 50] Французский мыслитель Ш. Монтескье писал: «В государстве, т. е. в обществе, где есть законы, свобода может заключаться лишь в том, чтобы иметь возможность делать то, чего должно хотеть, и не быть принужденным делать то, чего не должно хотеть». [26, с. 289] Б. Н. Чичерин выступал за принятие «общего закона, определяющего область каждого лица». [43, с. 424]

Права человека служат необходимой предпосылкой любого закона, условием правотворческой деятельности. Еще в Декларации прав человека и гражданина Франции было сформулировано положение о том, что общество, «в котором не обеспечено пользование правами и не проведено разделение властей, не имеет конституции». [42, с. 209] И. Кант утверждал, что право человека «должно считаться священным, каких бы жертв ни стоило это господствующей власти». [20, с. 185] Р. Гнейст

был уверен, что именно парламентское государство призвано регламентировать «сознательность людей в разных кругах владения, заработка, профессии посредством твердых норм». [9, с. 37] По мнению Б. А. Костяковского, правовое государство есть вполне и последовательно развитое конституционное государство, в котором «соблюдаются права и свободы человека». [21, с. 420]

Качество закона — явление динамичное. Его можно трактовать по-разному в рамках различных типов правопонимания. Права человека также неотделимы от правопонимания. В рамках позитивистских, особенно легистских концепций, которые право трактуют как прямой результат «творения» государства, права личности также понимаются как права, «дарованные» государством. В легизме проповедуется концепция октроированных прав личности. Как утверждает В. С. Нерсисянц, в позитивистских теориях права и свободы личности лишаются объективного и самостоятельного смысла и оказываются октроированными, дарованными сверху «благами». [29, с. 104]

В естественно-правовых концепциях права человека трактуются как неотчуждаемые, неотъемлемые, неприкосновенные блага личности, поэтому понимание прав человека зависит от того или иного типа правопонимания. Как отмечает Н. И. Матузов, «десятилетиями в сознание людей внедрялась мысль о том, что права даруются, предоставляются государством, партией, правительством, а то и отдельным лицом (вождем). Теперь признан примат естественных и неотъемлемых прав человека, «пожалованных» ему самой природой». [24, с. 235]

В постсоветское время произошел качественный методологический скачок в понимании прав человека в рамках пересмотра методологических и теоретических основ прежней узкононормативной концепции права. Как утверждает Н. И. Матузов, «в недалеком прошлом юридическая наука исследовала в основном лишь формальные свойства и атрибуты права без

наполнения их реальным «человеческим содержанием», в то время как она должна быть обращена к живому индивиду, его сознанию, воле, интеллекту». [24, с. 223]

На этом фоне в постсоветской юридической литературе активно проводятся идеи приоритета прав человека в государстве, правового самоограничения государства правами человека, выстраивания партнерских договорных отношений между государством и личностью. [3, с. 660; 18, с. 68; 23, с. 178-179; 31, с. 305]

Указанные выше аргументы служат основанием выделения гуманитарного аспекта качества закона. Гуманитарный аспект качества закона — это совокупность свойств, которые определяют степень соответствия закона правам и свободам человека. Гуманитарный аспект качества закона служит целям формирования правового социального государства. Данный тезис подтверждается следующим образом:

Во-первых, отражение в законе прав человека в соответствии с международно-правовыми актами и конституционными нормами в рамках естественно-правовых требований служит целям построения правового государства. Закон, изданный на основе соблюдения прав человека как критерия их правового содержания и требуемого качества, является необходимым признаком правового государства. Верховенство не просто любого закона, а именно правового закона, издаваемого с учетом верховенства прав человека, отличает правовое государство от иных ранее известных исторических типов государства.

Во-вторых, качество закона, проявляющееся в соблюдении прав человека, служит одновременно целям построения социального государства не только в контексте содействия реализации социальных функций государства, но и в плане создания достойных человека социальных условий жизни в целом. Такую функцию могут выполнять, в частности, законы, издаваемые с целью реализации социально-экономических и культурных прав индивида. Социальное государство является одновременно право-

вым государством, поэтому законы, издаваемые в строгом соответствии с целым комплексом личных, политических, социальных, экономических, культурных прав человека и гражданина, обладают необходимым качеством. Именно права человека придают закону необходимое ему качество.

Признавая права человека в качестве требуемого критерия качества закона, необходимо констатировать, что права и свободы человека неразрывно взаимосвязаны с его обязанностями. Права человека в отрыве от обязанностей индивида перед остальными членами общества, коллективом, государством и обществом не могут в полной мере гарантировать его качество. Именно единство прав и обязанностей служит критерием качества закона.

Аналогичное мнение высказывает С. А. Воробьева. Она, в частности, пишет: «Следует помнить, что закон — это не просто текст определенного нормативного содержания, а правовое предписание, которое должно быть благом для человека, обеспечивать, с одной стороны, его права, свободы, законные интересы, с другой — налагать обязанности в целях достижения гармонии отношений в обществе. Именно этим сочетанием определяется его качество». [7, с. 20]

Гуманитарный аспект качества закона проявляется также в его соответствии морально-правовым ценностям. Качественным является закон, который в полной мере отражает ценности свободы, справедливости, равенства, разумности, добросовестности и др. Отражение в законе морально-правовых ценностей является условием его ценности. В таком случае качество закона дополняется таким его свойством как ценность. Качественный закон — это тот закон, который обладает необходимыми качественными ценностями. Такой закон выступает как мера справедливости, свободы и равенства. Закон призван быть качественным в морально-правовом отношении. Качественный закон — это одновременно совершенный (качественный) в нравственно-правовом отношении.

Однако издание законов в соответствии с правами человека еще не гарантирует их качество в полном смысле этого слова. Такого рода законы, если они не будут реализованы практически, будут иметь идеальный, декларативный характер. Критерий реализуемости прав человека, провозглашенных в законе, служит предпосылкой качества закона. Выполнение законом функций по обеспечению социальной ценности человека, его прав и свобод, созданию достойных человека условий жизни позволяет судить, с одной стороны, о том, насколько в результате законотворчества реализованы права человека. С другой стороны, это зависит от практической реализации законов. Качество жизни человека служит исходным критерием определения качества закона.

Качественный закон, принятый в соответствии с правами человека, будет успешно реализован также при условии осознания людьми, которым он адресован, самой сути прав человека. Восприятие, осознание, понимание прав человека, декларируемых в законах, во многом зависят от типа правовой культуры, культурно-цивилизационных устоев общества, сознания, психологии, менталитета местного населения, национальных традиций. Проблема восприятия прав человека приобрела актуальность на нынешнем этапе развития постсоветского общества в силу того, что концепции естественных прав человека, разработанные в рамках греческой и римской философии и юриспруденции, христианских доктрин права (томизм, протестантизм), философских школ (младогегельянцы, неокантианцы), возрожденных и антропологических концепций, являются в основном продуктом западной политико-юридической практики.

При этом необходимо подчеркнуть, что неотъемлемые права человека как идея и концепция были знакомы также восточной политико-правовой мысли. Бурное развитие данная идея получила в эпоху становления и развития исламской цивилизации, в частности, в рамках исламских юридических школ, философии ислама, а также в

различных сферах знания (поэзия, проза и др.). Большую заслугу в разработку идеи прав человека внес Абуханифа Великий Имам — основатель ханафитской школы мусульманского фикха. Не менее ценные идеи о человеческом достоинстве, свободе личности, правах человека высказали восточные перипатетики (Фараби, Ибн Сина), восточные мыслители (Насуриддин Туси, Низам ал-мульк, Джами, Ахмад Дониш и др.). К примеру, таджикский просветитель Ахмад Дониш писал, что государство необходимо представлять в образе некоего живого организма, от которого каждый человек правомочен требовать свои собственные права. [37, 38]

Однако западно-центристы «преуспели» в распространении идеи так называемого превосходства Запада в сфере прав человека. Тем не менее по мере углубления культурно-цивилизационных различий на современном этапе исторического развития реализация универсальных стандартов в сфере прав человека становится проблематичным.

Естественно-правовые концепции как продукт буржуазной мысли были несовместимы также с советской марксистско-ленинской идеологией. Идея естественных прав человека, воплощенная в документах буржуазных революций на Западе, по понятным идеологическим, политическим, классовым соображениям не могла, разумеется, воспроизводиться в советских конституциях. Она была заменена идеей прав советского гражданина и предвосхищена до уровня продукта социалистической революции. Несмотря на это, все же следует признать факт закрепления социально-экономических прав советских граждан. Советское государство достигло немалых успехов и в сфере гарантирования данных прав, например, в сфере бесплатного образования, качественных медицинских услуг и т. д. Данный исторически сложившийся факт не может быть подвергнут сомнению. Об этом пишут многие современные авторы.

Оформленные на Западе (в рамках западных естественно-правовых концепций)

права человека с трудом воспринимаются на уровне сознания граждан постсоветских государств. Как отмечает В. С. Нерсисянц, идеология естественных и неотчуждаемых прав человека порождена «не российской социальной практикой. Более того, они до сих пор должным образом не восприняты массовым и профессиональным правосознанием». [27, с. 720]

Отсюда возникает проблема уживчивости западных концепций прав человека. А это не может не сказаться на качестве закона с точки зрения его практической реализации. Закон, отражающий права человека в соответствии с установленными международными стандартами, не будет реализован эффективно, если он содержит чуждые нашей действительности социальные ценности. Практика западных государств по легализации однополых браков, гей-парадов, защите прав сексуальных меньшинств не совместима с политической и юридической практикой Таджикистана, его культурно-цивилизационными (моральными, религиозными) устоями. Такого рода идеи, проводимые под видом прав и свобод человека на Западе, чужды нашей действительности, поэтому «недопустимо игнорирование культурно-цивилизационного различия, поскольку права человека отражают духовный мир человека, воспринимаются и оцениваются им в рамках его мировоззрения, морали, нравственных убеждений, религиозного, нравственного сознания». [25, с. 91]

Таким образом, права человека служат критерием качества закона. Однако решение данной проблемы, т. е. обеспечение качества закона в рамках его адекватности правам человека, требует приложения немалых усилий, в частности, решения комплекса проблем. Данные проблемы связаны с правопониманием, пониманием прав человека, их осознанием, восприятием, культурно-цивилизационными различиями, уровнем законопроектной работы, совершенствованием юридической техники, гарантированием прав человека и т. д. Иными словами, права человека как критерий качества закона — проблема комплексная. Она

не может быть успешно решена изолированно, в отрыве от уровня доктринальных разработок, юридической практики и эффективности правового регулирования. Это

служит подтверждением того, что данная проблема актуальна и требует дальнейшей научной разработки.

Литература:

1. Алексеев С. С. Механизм правового регулирования в социалистическом государстве. — М., 1986. — С. 5.
2. Алексеев С. С. Право: азбука-теория-философия. — М., 1999.
3. Алексеев С. С. Восхождение к праву. Поиски и решения. — М., 2001. — С. 660.
4. Бектепова З. А. Качество закона: анализ содержательного аспекта / З.А. Бектепова // Журнал Национальной академии наук Республики Казахстан. Серия общественных и гуманитарных наук. — 2015. № 2. — С. 271-275.
5. Белоусов С. А. Качество закона и эффективность его применения: пути преодоления негативных последствий законодательного дисбаланса / С.А. Белоусов // Вестник ПАГС. — 2014. — С. 11-17.
6. Брыжинский А. А., Лукьянов А. А. Техничко-юридические критерии качества законодательного акта / А.А. Брыжинский, А.А. Лукьянов // Государство и право. Юридические науки. — 2011. № 1. — С. 70-74.
7. Воробьева С. А. Качество закона и его роль в обеспечении прав человека (теоретико-правовой аспект): автореферат дис. ... канд. юрид. наук. — Челябинск, 2014. — С. 9.
8. Гегель Г.В. Философия права. — М., 1990. — С. 89.
9. Гнейст Р. Правовое государство и административные суды Германии. — СПб., 1896. — С. 37.
10. Гойман И. В. Теория государства и права: учебник для вузов / И.В. Гойман. — М., 2005. — 465 с.
11. Гойман (Червонюк) В. И. Действие права: методологический аспект: автореф. дис. ... д-ра юрид. наук: 12.00.01. / В.И. Гойман (Червонюк). — М., 1992. — 40 с.
12. Глобализация и развитие законодательства: Очерки / отв. ред. Ю.А. Тихомиров, А.С. Пиголкин. — М., 2004. — С. 106.
13. Доклад Совета Федерации 2008 г. «О состоянии законодательства в Российской Федерации». — М.: Изд-во Совета Федерации Федерального Собрания Российской Федерации, 2009. — С. 467.
14. Игнатенко В. В. Правовое качество закона об административных правонарушениях / В.В. Игнатенко. — Иркутск, 1998. — 43 с.
15. Игнатенко В. В. Правовое качество закона как научная категория / В.В. Игнатенко // Сибирский юридический вестник. — Иркутск, 1998. № 1. — С. 7–12.
16. Иванюк О. А. Качество закона и проблемы юридической техники (обзор научно-практической конференции) / О.А. Иванюк // Журнал российского права. — 2008. № 2. — С. 150–162.
17. Керимов Д. А. Философские проблемы права. — М., 1972. — С. 177.
18. Керимов Д. А. Проблемы общей теории права и государства. Правовое государство. — Т. 1. — М., 2001. — С. 68.
19. Конституция Республики Таджикистан. — Душанбе, 1994.
20. Кант И. К вечному миру. Трактат о вечном мире. — М., 1963. — С. 185.
21. Кистяковский Б. А. Государственное право (общее и русское). Лекции // Философия и социология права. — СПб. 1999. — С. 420.
22. Локк Дж. Избранные философские произведения. — Т. 2. — М., 1960. — С. 50.
23. Лукашева Е. А. Права человека, политика, мораль // Права человека / отв. ред. Е.А. Лукашева. — М., 2001. — С. 178–179.

24. Матузов Н. И. Право и личность // Общая теория права / под общ. ред. В.К. Бабаева. — Нижний Новгород, 1993. — С. 235.
25. Миралиев И. К. Правовое государство и права человека: монография / отв. ред. Р.Ш. Сативалдыев. — Душанбе: Изд-во «Сино». Типография Таджикского национального университета, 2015. — С. 91.
26. Монтескье Ш. Избранные произведения. — М., 1955. — С. 289.
27. Нерсесянц В. С. Постсоциалистическое общество, право и государство в России // Проблемы общей теории права и государства / под ред. В. С. Нерсесянца. — М., 2001. — С. 720.
28. Нерсесянц В. С. Общая теория права и государства: учебник для юридических вузов и факультетов. — М.: НОРМА-ИНФРА, 1999. — С. 403.
29. Нерсесянц В. С. Философия права. — М., 1998. — С. 104.
30. Оносов Ю. В. Техничко-юридическое качество нормативного правового акта как критерий его эффективности / Ю.В. Оносов // Вестник Нижегородской академии МВД РФ. — 2012. — № 18. — С. 37–42.
31. Перевалов В. Д. Теория государства и права. — М., 2005. — С. 305.
32. Поленина С. В. Качество закона и совершенствование правотворчества / С.В. Поленина // Советское государство и право. — 1987. — № 7. — С. 12–19.
33. Поленина С. В. Качество закона и эффективность законодательства / С.В. Поленина; под ред. Я.А. Куник. — М.: Изд-во ИГиП РАН, 1993. — 56 с.
34. Реутов В. П. Функциональная природа системы права. — Пермь: Изд-во Пермского госуниверситета, 2002. — 163 с.
35. Сативалдыев Р. Ш. История политических и правовых учений: учебник для вузов (на тадж. яз.). — Душанбе: «Эр-граф», 2011.
36. Сативалдыев Р. Ш. Теория государства и права: учебник для вузов (на тадж. яз.) — Душанбе: «Империял-Групп», 2014. — С. 307–312.
37. Сативалдыев Р. Ш. Политическая и правовая мысль раннесредневекового мусульманского Востока: монография. — Душанбе: Дониш, 1999.
38. Сативалдыев Р. Ш., Кенджаев Ш. Ю. Учение Джами о праве и государстве. — Изд. 2-е. — Душанбе-Худжанд, 2014.
39. Синюков В. Н. О функциях права // Вопросы теории государства и права. — Саратов, 1991. — Вып. 9. — С. 72.
40. Спиридонов Л. И. Теория государства и права. — М., 1995. — С. 95.
41. Сырых Е. В. Общие критерии качества закона: дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.01. / Е.В. Сырых — М., 2001. — 221 с.
42. Хрестоматия по истории государства и права зарубежных стран. — М., 1984. — С. 209.
43. Чичерин Б. Н. Наука и религия. — М., 1999. — С. 424.
44. Червонюк В. И. Качество закона: современная проблема и проблемы демократизации / В.И. Червонюк // Юридическая техника. Ежегодник: Демократизация правотворчества: доктрина, практика, техника. — 2014. — № 8. — С. 488–491.

КОНСТИТУЦИОННАЯ КУЛЬТУРА И КОНСТИТУЦИОННОЕ ПРАВОСОЗНАНИЕ В СОВРЕМЕННОМ ОБЩЕСТВЕ**Насриддинзода Э. С.,**

профессор кафедры теории и истории государства и права юридического факультета Таджикского национального университета, доктор юридических наук.

E-mail: kafedra.120001tj@mail.ru**Павленко Е. М.,**

заместитель заведующего кафедрой международного права и прав человека по науке юридического института Московского городского педагогического университета, кандидат юридических наук, доцент.

E-mail: evgeniyapavlenko74@gmail.com**Научная специальность:** 12.00.01 — теория и история права и государства, история учений о праве и государстве

Аннотация: В юридической науке на стадии теоретической разработки находятся две важнейшие категории конституционного права — «конституционная культура» и «конституционное правосознание». Интерес к их теоретическому обоснованию подкреплен тенденциями становления государственности и общественного развития, направлением продолжающихся конституционных реформ и оформлением конституционализма, которые наблюдаются сегодня прежде всего в независимых государствах СНГ. Авторы на основе изучения обширного теоретического материала дают свое видение данных категорий.

Ключевые слова: конституционная культура, правосознание, правовая культура, Конституция.

CONSTITUTIONAL CULTURE AND CONSTITUTIONAL SENSE OF JUSTICE IN THE CONTEMPORARY SOCIETY**Nasriddinzoda E. S.,**

Professor of the Department of Theory and History of State and Law of the Law Faculty, Tajik National University, Doctor of Legal Sciences

Pavlenko E. M.,

Deputy of the Head of the Department of International Law and Human Rights of the Law Institute, Moscow City Pedagogical University, Candidate of Legal Sciences, Associate Professor

Scientific specialty: 12.00.01 — theory and history of the law and state, history of the doctrines of the law and state

Annotation: Two main categories of constitutional law — "constitutional culture" and "constitutional sense of justice" — are in the theoretical stages of development in legal science. The interest

of their theoretical rationale backed by the trends of the formation of statehood and social development, the direction of continuing constitutional reforms and the formalization of constitutionalism, which today mainly are observed in the independent states of the CIS. The authors based on extensive theoretical material give their vision of these categories.

Keywords: constitutional culture, sense of justice, legal culture, the Constitution.

В современной юридической науке на стадии теоретической разработки находятся две важнейшие категории конституционного права — «конституционная культура» и «конституционное правосознание». Интерес к их теоретическому обоснованию подкреплен тенденциями становления государственности и общественного развития, направлением продолжающихся конституционных реформ и оформлением конституционализма, которые наблюдаются сегодня прежде всего в независимых государствах СНГ.

Как справедливо отмечает В. Д. Зорькин: «Конституциям, принятым в государствах, ранее бывших республиками СССР, в первой половине 90-х годов прошлого века, принадлежит особая роль в истории этих стран. На их основе государства сумели пройти сложнейшие годы крайне масштабных, воистину революционных трансформаций, не обрушив общество и не потеряв государственность. Совершая действительно историческую революцию, именно в конституциях мы получили тот правовой фундамент, который обеспечил политическую, экономическую, социальную целостность обретших суверенитет стран». [8, с. 22]

Действительно, Республика Таджикистан и Российская Федерация пережили период кардинальной смены правовых устоев жизни государства и общества, сопровождавшийся определенной дезорганизацией государственных структур и противоборством политических сил, экономической нестабильностью и социальной напряженностью. Сегодня обе страны находятся на этапе преобразования нормативных и институциональных элементов правовой системы, поэтому особо значимым фактором поддержки правовых преобразований и их реализации в настоящее время должен

стать высокий уровень правовой культуры и правосознания всех слоев общества.

Так, Диноршоев А. М., рассматривая содержание Конституции 1994 г., отмечает, что современная Конституция Таджикистана является принципиально новым документом, в котором закрепляется гуманная ориентация развития общества. Приоритет отдается личности и общечеловеческим ценностям. [7, с. 48-53]

В связи с этим особую актуальность приобретают вопросы научного исследования новых для конституционной теории и практики категорий — «конституционная культура» и «конституционное правосознание», которые имеют отраслевой характер и тесную взаимосвязь с правовой культурой и правовым сознанием, опираются на демократические конституционные ценности. Концепция конституционной культуры еще не получила должного оформления и обоснования в науке. Среди исследований, посвященных данному явлению общественной жизни, следует отметить работы Г. Н. Андреевой, [1, с. 11-23] Г. Г. Арутюняна, [2] Н. С. Бондаря, [3] И. А. Кравца, [9] В. А. Кряжкова, [11] В. В. Мамонова, [15] В. О. Лучина, Т. М. Пряхиной [13] и других авторов.

Особый интерес в рамках данного исследования представляет первая российская работа, посвященная концепциям современной конституционной культуры, проблемам закрепления и реализации ее универсальных демократических ценностей, особенностям конституционной культуры стран современного мира (Германии, Испании, Италии, Индии, Китая, Мексики, США) — сборник научных трудов «Конституционная культура: универсальные ценности и национальные особенности». [12] Среди достоинств работы можно отметить глубокий анализ новейших тенденций

в исследовании этой темы, активно разрабатываемой за рубежом, реферативный обзор работ ученых стран Европы и Латинской Америки: Н. Вензеля, [21, с. 55-78] А. Веспациани, [15, с. 547-574] М. Л. К. Меса, [23, с. 221-226] К. О. Сантьяго, [24, с. 331-354] Н. П. Сагуса, [25, с. 97-108] П. Хэберле [26, с. 1-59] и других авторов.

Разработчики сборника обращают внимание на то, что формирование научной теории конституционной культуры в Европе относится к началу 80-х годов XX века и связано с осмыслением процессов европейской интеграции. Первое определение конституционной культуры было сформулировано в эти годы немецким профессором Петером Хэберле, [26, с. 1-59] который употреблял словосочетание «конституция как культура» и развил его в своих работах. По его образному выражению, конституция — это «не только юридический текст или сборник правовых норм, но и выражение уровня культурного развития, средство культурной саморепрезентации народа, зеркало его культурного наследия и фундамент его надежд». [27, с. 9]

Понятие «конституционная культура» имеет отраслевую правовую форму, поэтому его невозможно рассматривать в отрыве от содержания и особенностей становления и развития правовой культуры. Правовая культура современного общества представляет собой чрезвычайно сложное и емкое понятие. Ее следует определить как систему материальных и духовных правовых достижений и ценностей, накопленных в процессе организации и развития правовой сферы жизни общества, отражающих уровень ее цивилизационного развития и качественного состояния. [16]

Как часть правовой культуры конституционную культуру рассматривает В. А. Кряжков, который пишет: «Конституционная культура — разновидность общей и, в частности, правовой культуры. Она представляет собой обусловленное социально-экономическим, духовным и политическим строем качественное состояние конституционно-правовой жизни общества, отражающее меру освоения и использования

конституционных ценностей». [11, с. 106] При этом, как отмечает автор, она проявляется в достигнутом уровне развития конституции, степени конституционализации законодательства, правоприменительной практики и правосознания, а также гарантированности непосредственного действия основных прав и свобод человека и гражданина. [11, с. 106]

С точки зрения цивилизационного подхода рассматривает конституционную культуру Г. Г. Арутюнян. По его мнению, конституционная культура может характеризоваться как «исторически сложившаяся, стабильная, целостная, обогащенная опытом поколений и всего человечества определенная ценностная система убеждений, представлений, восприятия правоотношений, правосознания — система, лежащая в основе социального общества, способствующая установлению и реализации основополагающих правил поведения на основе общественного согласия». [2, с. 335] Как отмечает автор, более целостно конституционная культура «проявляется на определенном уровне цивилизации, когда появляется осознанная необходимость в установлении при общественном согласии основных правил поведения как общеобязательных правовых норм...». [2, с. 334]

Следует согласиться с Г. Г. Арутюняном в том, что, во-первых, для конституционной культуры присущ динамизм, во-вторых, она отражает баланс сил в обществе, достижение общественного согласия, в-третьих, любая страна и народ проходят самостоятельный и длительный путь формирования конституционной культуры и конституционализма исходя из собственной ценностной системы.

В настоящее время и в Республике Таджикистан, и в Российской Федерации происходит сложный процесс формирования новой конституционной культуры и конституционного правосознания у индивидов, отдельных социальных групп и в обществе в целом, базирующийся на основополагающих конституционных ценностях, отраженных в действующих конституциях.

Не смотря на специфические черты, присущие правовой культуре в целом и конституционной культуре таджикского и российского обществ, речь идет о базовых ценностях конституционализма.

Под современными конституционными ценностями Н. В. Витрук понимает разнообразные объекты реальной действительности, признанные в качестве основных ценностей и нашедшие свое закрепление и гарантирование в использовании, реализации, охране и защите в Конституции...как основном законе гражданского общества и государства. [6, с. 14] Автор отмечает, что конституционные ценности носят подлинно нравственно-правовой, прогрессивный характер. [6, с. 14] Рассматривая присущую конституционным ценностям иерархичность, он определяет ведущую роль высшей конституционной ценности — человека, его прав и свобод. К основным конституционным ценностям Н. В. Витрук относит: народовластие, государственный суверенитет, безопасность и территориальную целостность, верховенство права, идеологический и политический плюрализм, парламентаризм, разделение властей, федерализм, справедливое правосудие и другие. [6, с. 15]

Интересный подход к конституционным ценностям демонстрирует Г. Б. Ройзман, определяя их как совокупность универсальных и приоритетных социальных принципов (целей, установок), формализованных в Основном Законе и (или) исходящих из результата конституционно-оценочной деятельности судебных органов конституционного контроля, обеспечивающих наиболее оптимальное развитие личности, общества и государства на основе баланса частных и публичных интересов. [20, с. 8] Автор отмечает, что категория конституционных ценностей должна рассматриваться как минимум в двух аспектах: первый — определение места конституционных ценностей в ряду основ конституционного строя, конституционных принципов, норм-целей, закрепленных в Конституции; второй — сущностное содержа-

ние конституционных ценностей, позволяющее государству адекватно реагировать на изменяющиеся условия современного развития мира, сохраняя при этом собственную идентичность. [20, с. 11] Исследование второго, сущностного аспекта приводит к выводу, что категория конституционных ценностей выполняет для развития государственности в условиях глобализационных процессов идентифицирующее значение, позволяя государству функционировать на таких началах, которые обеспечивают сохранение национального единства, суверенности, самостоятельности.

Однако формирование конституционных ценностей также представляет собой длительный процесс, поскольку, являясь идеалом и целью государственно-правового развития, они должны найти реальный отклик в обществе, при этом отражать определенную преемственность исторического развития и современного конституционализма, а также национальную специфику. Как справедливо отмечает Н. С. Бондарь, основная задача в процессе формирования конституционного правосознания граждан состоит в «закреплении определенных всеобъемлющих, общедемократических мировоззренческих ценностей, оказывающих влияние на сознание и поведение людей и в конечном счете способствующих формированию у них демократического мировоззрения, политической и конституционной культуры, социально-правовой активности», [5, с. 74-75] поэтому чрезвычайно важно детально исследовать категорию «правосознание» и его отраслевую форму — конституционное правосознание.

Понятию конституционного правосознания, его специфике, компонентам, месту среди других отраслевых форм правового сознания, функциям, позволяющим охарактеризовать его роль в механизме конституционно-правового регулирования, а также основным направлениям повышения конституционного правосознания в современном обществе в настоящее время в юридической науке уделяется пристальное внимание.

Важнейшее значение для разработки данной категории имеют научные исследования таких авторов, как Э. Э. Баринов, [4] И. А. Кравец, [10] В. В. Никитяева, [17] В. О. Лучин, [13] некоторые аспекты изучения конституционного правосознания представлены в работах Р. С. Байниязова, [3] Н. В. Мамитовой, [14] А. С. Пересыпкина [18] и др. Все они обосновывают необходимость выделения конституционного правосознания как относительно самостоятельной формы правового сознания, имеющей отраслевую природу.

По мнению И. А. Кравца, под конституционным правосознанием следует понимать «особый вид правового сознания, в котором отражаются представления и чувства отдельной личности, социальной группы, общества в целом о конституции, ее роли в правовом регулировании, правах человека, способе справедливого и демократического правления». [10, с. 328] Как отмечает автор, особенностью данного вида правового сознания является его двойственный характер, так как он «формируется на стыке правового и политического сознания, соединяя их компоненты — идеи о власти, власти-отношениях, роли государства в регулировании общественных, в том числе экономических отношений, и идеи о праве, правовом регулировании — в единое целое». [10, с. 328]

Таким образом, конституционное правосознание представляет собой определенный сплав политического и правового сознания индивида, социальной группы, общества в целом. Однако оно не может возникнуть как простое механическое сочетание в сознании личности правовых и политических взглядов, идей и чувств.

Э. Э. Баринов определяет конституционное правосознание как высшую форму правового сознания, представляющую собой совокупность правовых знаний, идей, взглядов, а также проявлений психологического, эмоционально-волевого характера (чувств, эмоций, установок и т. д.), выражающих отношение индивида, коллектива, общества в целом к положениям Конститу-

ции РФ, другим действующим конституционно-правовым нормам, к практике их реализации, а также к желаемым изменениям конституционно-правовых институтов. [4, с. 10] При этом, по его мнению, статус конституционного правосознания как ведущей формы правового сознания обусловлен, в первую очередь, значимостью общественных отношений, опосредуемых и регулируемых нормами конституционного права, составляющими предмет его отражения.

Анализируя взаимодействие конституционного правосознания и позитивного права, Э. Э. Баринов рассматривает конституционное правосознание в качестве: 1) идеального источника формирования конституционно-правовых норм; 2) фактора, оказывающего прямое влияние на эффективность процесса реализации конституционно-правовых норм; 3) результата воздействия последних на индивидуальное и общественное сознание. [4 с. 11]

В. В. Никитяева определяет конституционное правосознание как совокупность идеологических и психологических структурных элементов, включающих взгляды, оценки, установки, представления, отношения личности к целям и принципам конкретного государства и общества, реального состояния основных прав и свобод человека, действующей правовой системы, в том числе органов государственной власти, форм и методов их деятельности. [17, с. 14] Кроме того, автор исследует конституционное правосознание как необходимый элемент в механизме реализации прав и свобод личности в РФ: «Конституционное правосознание является самостоятельным элементом механизма эффективной реализации прав личности, основанного на познании и осознании необходимости прямого действия норм Конституции Российской Федерации в формировании правового пространства России и активного участия граждан в правоприменительном процессе». [17, с. 9]

По мнению В. В. Никитяевой, содержание конституционного правосознания реализуется в двух аспектах: как особый от-

раслевой вид правосознания, основывающийся на реальной потребности реализации требований Конституции РФ, признающих результатом правотворчества формирование правовой системы, в которой высшей ценностью выступают права и свободы человека, и как совокупность идеологических и психологических структурных элементов, посредством которых осуществляется оценка конституционно-правовых отношений, конституционного законодательства, способствующая активизации правовой деятельности органов государственной власти, местного самоуправления по осуществлению прав человека.

Учитывая подходы указанных авторов, следует определить конституционное правосознание как разновидность правового сознания общества, социальных групп и личности, отражающую их знания и отношение к нормам, закрепленным в Конституции и иных конституционно-правовых актах, к практике реализации данных норм, к конституционным институтам и роли Конституции в правовом регулировании. [19]

Конституционное правосознание имеет сложную многоуровневую структуру. Оно отражает представления субъектов об основах конституционного строя, о

сущности, принципах, гарантиях и механизмах реализации и защиты прав и свобод человека и гражданина, о взаимодействии государства и общества, о значении Конституции в урегулировании современных общественных отношений. При этом, по мнению Н. В. Мамитовой, конституционное правосознание следует рассматривать шире, чем отношение личности и общества к конституционным нормам, институтам и Конституции в целом. Специфика конституционного правосознания заключается в отношении населения к тем конституционным традициям, идеям и историческим проявлениям их в практике конституционного строительства, которые формируются в течение длительного периода времени. [14, с. 14] В целом, соглашаясь с Н. М. Мамитовой, следует отметить, что она пишет скорее о генезисе конституционной культуры, которая в свою очередь включает развитое конституционное правосознание.

Таким образом, конституционное правосознание является важнейшим индикатором уровня конституционной культуры и правовой культуры в целом. Обе категории заслуживают самого пристального внимания современных теоретиков и практиков, их разработка имеет важное теоретико-методологическое значение.

Литература:

1. Андреева Г. Н. Значение теории конституционной культуры для России: приглашение к обсуждению / Конституционная культура: универсальные ценности и национальные особенности: Сб. науч. тр. / РАН. ИНИОН. Центр социал. науч.-информ. исслед. Отел правоведения; отв. ред. Алферова Е.В., Андреева Г.Н. — М., 2011. — С.11–23.
2. Арутюнян Г. Г. Конституционная культура: уроки истории и вызовы времени. — Ереван, 2005.
3. Байниязов Р. С. Проблемы правосознания в современном российском обществе. Автореферат диссертации на соискание ученой степени кандидата юридических наук. — Саратов, 1999.
4. Баринов Э. Э. Конституционное правосознание в Российской Федерации. Автореферат диссертации на соискание ученой степени кандидата юридических наук. — Р-н-Д., 2001.
5. Бондарь Н. С. Судебный конституционализм в России в свете конституционного правосудия. — М., 2011.
6. Витрук Н. В. Конституция Российской Федерации как ценность и конституционные ценности: вопросы теории и практики / Конституционные ценности: содержание и проблемы реализации. Материалы международной научно-теоретической конференции 4-6 декабря 2008 г.: в 2-х т. Т.1 / Под ред. Н.В. Витрука, Л.А. Нудненко. — М.: РАП, — 2010. — С. 14.

7. Диноршоев А. М. Сравнительно-правовой анализ закрепления прав и свобод человека и гражданина в Конституциях РФ и РТ / Правовая жизнь. — 2014. — № 2. — С. 48–53.
8. Зорькин В. Д. Роль конституций постсоветских государств в формировании новой государственности и объединении общества // Право и государство. — 2015. — № 23(68). — С. 22.
9. Кравец И. А. Конституционализм в сравнительном изучении и преподавании // Конституционное право и конституционная компаративистика в системе российского юридического образования: Сборник докладов. — М., 2009. — С. 148–167.
10. Кравец И. А. Формирование российского конституционализма (проблемы теории и практики). — М.-Новосибирск, 2002.
11. Кряжков В. А. Конституционная культура в зеркале правосудия Конституционного Суда Российской Федерации // Актуальные вопросы конституционного правосудия (по материалам Журнала конституционного правосудия). — М.: Волтерс Клувер, 2011. — С. 106–117.
12. Конституционная культура: универсальные ценности и национальные особенности: Сб. науч. тр./ РАН. ИНИОН. Центр социал. науч.-информ. исслед. Отел правоведения; отв. ред. Алферова Е.В., Андреева Г.Н. — М., 2011 — 244 с.
13. Лучин В. О., Пряхина Т. М. Социально-психологические факторы реализации Конституции Российской Федерации // Вестник Саратовской государственной юридической академии. — 2013. — № 4(93). — С. 132–139.
14. Мамитова Н. В. Конституционное правосознание в российском обществе как фактор реализации конституционных идей в России // Конституционное и муниципальное право. — 2005. — № 4. — С. 11–14.
15. Мамонов В. В. Конституционная культура — основа российского государства // Вестник Саратовской государственной юридической академии. — 2014. — № 1(96). — С. 55–61.
16. Насурдинов Э. С. Формирование правовой культуры в Республике Таджикистан в условиях углубления культурно-цивилизационных различий: проблемы теории и практики: Диссертация на соискание ученой степени доктора юридических наук. — Душанбе, 2014.
17. Никитяева В. В. Конституционное правосознание: вопросы теории и практики. Автореферат диссертации на соискание ученой степени кандидата юридических наук. — Волгоград, 2002; Лучин В. О. Конституция Российской Федерации. Проблемы реализации. — М., 2002.
18. Пересыпкин А. С. Некоторые аспекты исследования конституционного правосознания // Государство и право. — 2005. № 1.
19. Павленко Е. М. Формирование культуры прав человека и конституционного правосознания в современной России. Диссертация на соискание ученой степени кандидата юридических наук. — М., 2006.
20. Ройзман Г. Б. Ценности в конституционном праве Российской Федерации: автореферат диссертации на соискание ученой степени кандидата юридических наук. — Челябинск, 2012. — С. 8.
21. Wenzel N. From contract to mental model: Constitutional culture as a fact of the social sciences // Rev. Austrian econ. — L., 2010. — Vol.23, № 1. — P. 55–78.
22. Vespaziani A. Comparison, translation, and the making of a common constitutional culture // German law journal — Wash.; Toronto, 2008. — № 5. — P. 547–574.
23. Meza M. L. C. A proposito de la cultura constitucional // Revista derecho del estado. — Bogota (Colombia), 2010. — № 25. — P. 221–226.
24. Santiago C. O. El derecho constitucional en su contexto: El ambito cultural del constitucionalismo // Teoria y realidad constitucional. — Madrid, 2008. — № 21. — P. 331–353.
25. Sagues N. P. Cultura constitucional y desconstitucionalizacion // Anuario de derecho constitucional Latinoamericano. — Montevideo, 2010. — A.16. — P. 97–108.

26. Haberle P. Vom Kulturstaat zum Kulturverfassung (Originalbeitrag 1981) // Kulturstaatlichkeit und Verfassungsrecht / Hrsg. Von P. Haberle. — Darmstadt: Wissenschaftliche Buchgesellschaft, 1982 — S. 1–59. — (Wege der Forschung; Bd. 138).
27. Haberle P. Europäische Verfassungslehre. — 5. Aufl. — Baden-Baden: Nomos Verl., 2008. — S. 9.

**СТАНОВЛЕНИЕ И РАЗВИТИЕ ПРЕЗИДЕНТСКОЙ РЕСПУБЛИКИ В
ТАДЖИКИСТАНЕ****Куканов А. З.,**

доцент кафедры теории и истории государства и права юридического факультета Таджикского национального университета, кандидат юридических наук.

E-mail: ayniddin_kukanov@mail.ru**Научная специальность:** 12.00.01 — теория и история права и государства, история учений о праве и государстве**Рецензент:** Диноршоев Азиз Мусоевич, доктор юридических наук, профессор

Аннотация: Распад СССР в 1991 г., прекращение его существования как единого союзного государства и субъекта международного права, поставили перед Таджикистаном проблему обеспечения самостоятельного государственного существования, задачу становления новой таджикской государственности. Ситуация осложнялась тяжелыми условиями: ликвидацией административно-командной системы, а также кризисом власти, экономики и общества в целом. В связи с этим перед страной встала проблема выбора системы государственного устройства в условиях перехода к рыночной экономике и демократическим методам руководства, создания правовой основы новой таджикской государственности, и Республика Таджикистан, как и некоторые другие постсоветские страны, выбрала президентскую республику.

Ключевые слова: президент, республика, парламент, демократия, общество.

**BECOMING AND DEVELOPMENT OF THE PRESIDENTIAL REPUBLIC IN
TAJIKISTAN****Kukanov A. Z.,**

Assistant Professor of the Department of Theory and History of State and Law of the Law Faculty, Tajik National University, Candidate of Legal Sciences

Scientific specialty: 12.00.01 — theory and history of the law and state, history of the doctrines of the law and state**Reviewer:** Dinorshoev Aziz Musoevich, Doctor of Legal Sciences, Professor

Annotation: Disintegration of the USSR in 1991, discontinuance of its existence as a single union state and subject of international law put before Tajikistan the problem of providing an independent state existence, the task of establishment of new Tajik statehood. The situation was complicated with difficult conditions: liquidation of the administrative command system and, as well as crisis of the power, economy and society as a whole. In this regard, the country faced with the problem of choosing a system of government in conditions of transition to a market economy, and democratic methods of governance, creating legal basis of new Tajik statehood and the Republic of Tajikistan, as some other post - soviet countries, choose presidential form of government.

Key words: president, republic, parliament, democracy, society.

Условия для перехода к новой форме правления начали создаваться в перестроечный период. На данном этапе Конституция Таджикской ССР была подвергнута изменениям и дополнениям, которые внесли существенные изменения в структуру и порядок деятельности высших органов власти. Под влиянием происходивших на данном этапе общественных процессов были созданы также условия для распада Союза ССР.

Изменения Конституции Таджикской ССР происходили под влиянием аналогичных изменений Конституции СССР. На XIX Всесоюзной Конференции КПСС (28 июня — 1 июля 1988 г.) было принято решение об изменении Конституций СССР, союзных и автономных республик. [16, с. 128; 10, с. 128] В июне 1989 года решением Съезда народных депутатов СССР была создана Конституционная комиссия с целью внесения изменений и дополнений в Конституцию СССР.

Изменения и дополнения Конституции Таджикской ССР начались в июле 1989 года. На основе Закона Таджикской ССР от 23 сентября 1989 года «Об изменениях и дополнениях Конституции Таджикской ССР» [20] срок полномочий Верховного Совета был установлен в 5 лет, был образован Президиум Верховного Совета, расширен круг субъектов выдвижения кандидатов в депутаты Верховного Совета, включая альтернативные кандидатуры. Указанным Законом был повышен статус Верховного Совета республики, в частности, он был наделен законодательными, распорядительными и контрольными полномочиями, был расширен круг полномочий данного органа. Численность депутатов Верховного Совета была увеличена до 230 человек. Председатель Верховного Совета республики приобрел статус высшего государственного должностного лица с правом представления Таджикской ССР внутри страны и за ее пределами.

В соответствии с Законом Таджикской ССР от 23 апреля 1990 года «О внесении изменений и дополнений в Конститу-

цию Таджикской ССР» [7] было упразднено положение Конституции о руководящей роли Коммунистической партии Таджикистана в политической системе. Согласно Закону Таджикской ССР от 22 августа 1990 года «О внесении изменений и дополнений в Конституцию Таджикской ССР» [8] были уточнены полномочия Председателя Верховного Совета республики, образованы комитеты, постоянные комиссии Верховного Совета, был образован Комитет конституционного надзора. На основе Закона Таджикской ССР от 7 декабря 1990 года [9] была изменена экономическая основа государства посредством установления собственности граждан, коллективной собственности и государственной собственности.

Законом Таджикской ССР от 26 февраля 1991 года были изменены и дополнены статьи 82, 83, 87, 99, 104, 117, 120, 130, 134 и 140 Конституции, в соответствии с которыми были определены порядок выбора Председателя Верховного Совета, организации Президиума Верховного Совета. Согласно ст. 87 Конституции члены Правительства не могли занимать должности в исполнительных комитетах, судьи не могли быть депутатами тех Советов, которыми они назначены или избраны. Указанными изменениями, по сути, было положено начало осуществлению разделения исполнительной и судебной власти.

В соответствии с Законом Таджикской ССР от 31 августа 1991 года [6] была изменена ст. 1 Конституции республики, на основе которой Таджикская ССР была переименована в Республику Таджикистан. Начиная с этого дня, и по сей день государство Таджикистан именуется Республикой Таджикистан. Данное конституционное изменение имеет также принципиальное значение в сфере изменения формы правления. С этой даты на уровне Конституции был положен конец Советской Социалистической Республике. Таджикистан юридически был провозглашен Республикой Таджикистан, что означало также отход от Социалистической Республики, поэтому юридически,

начиная с 31 августа 1991 года, т. е. незадолго до провозглашения государственной независимости, в Таджикистане началось преобразование Таджикской ССР в Республику Таджикистан. Предыдущие конституционные изменения (изменение политической системы, упразднение руководящей роли Компартии, изменение экономической основы государства, избирательной системы, статуса Верховного Совета, разграничение полномочий исполнительных и судебных органов) подготовили почву для перехода от Советской Социалистической Республики в новую форму правления. Первоначально она была сформулирована шире — Республика Таджикистан. Позднее с провозглашением государственной независимости и принятием Конституции Республики Таджикистан 1994 года была установлена президентская форма правления.

В последующие годы были созданы иные правовые основы для перехода к новой форме правления. Так, 9 сентября 1991 года Законом Республики Таджикистан [6] были изменены Преамбула и ст. 31 Конституции Республики Таджикистан. В ст. 1 Конституции были закреплены существенные характеристики Республики Таджикистан как самостоятельного, демократического и правового государства. [11, с. 32] В соответствии с изменившимися статьями 14, 15 и 16 Конституции был легализован порядок привлечения иностранных инвестиций и создания совместных предприятий. Согласно главе 4 Конституции Республика Таджикистан была провозглашена равноправным субъектом международного права, а также было установлено гражданство республики.

На фоне указанных конституционных изменений обсуждался вопрос о переходе к президентской форме правления. Однако общественность опасалась концентрации всей власти в руках Президента. М. С. Горбачев в своем выступлении на внеочередном Съезде народных депутатов 15 марта 1990 года открыто заявил, что учреждение поста Президента «не таит никакой опасности», поскольку оно гарантировано самой Конституцией, деятельностью Съезда

народных депутатов и Верховного Совета, разделением властей, Президентским советом, демократизмом президентской власти.

В связи с учреждением должности Президента в СССР, других союзных республиках в Конституцию Республики Таджикистан был внесен ряд изменений. Так, Законом Республики Таджикистан от 10 сентября 1991 года ст. 118 Конституции была изложена в следующей редакции: «Гражданин Республики Таджикистан, не моложе 35 лет, постоянно проживающий на территории республики не менее 10 последних лет и обладающий избирательным правом, может быть избран Президентом Республики Таджикистан. Одно и то же лицо не может быть Президентом Республики Таджикистан более двух сроков». В ст. 120 Конституции был определен порядок избрания Президента республики.

Таким образом, должность Президента Республики Таджикистан была установлена по Конституции Таджикской ССР (в новой редакции) 10 сентября 1991 года. С этой даты начинается отсчет времени установления в Таджикистане президентской формы правления. Иными словами, не Конституция Республики Таджикистан 1994 года, а Конституция Таджикской ССР (позднее — Республики Таджикистан) 1978 года в новой редакции учредила должность Президента, поэтому временем учреждения Президентской Республики в Республике Таджикистан является не 6 ноября 1994 года (дата принятия новой Конституции), а 10 сентября 1991 года.

На основе Закона Республики Таджикистан от 25 декабря 1991 года [1] были изменены и дополнены ряд статей Конституции с целью определения соотношения полномочий Верховного Совета и Президента, Председателя Верховного Совета и Президента, создания Президентского совета. В связи с оживлением религиозных организаций была изменена редакция ст. 1 Конституции, согласно которой Республика Таджикистан была провозглашена светским государством.

В соответствии с Законом Республики Таджикистан от 3 января 1992 [2] года были

изменены статьи 99, 113 и 120 Конституции с целью совершенствования деятельности исполнительной власти в условиях перехода к рыночной экономике. Согласно изменениям статей 99, 104, 108, 109, 165 — 168 Конституции, в частности, было установлено, что Генеральный Прокурор республики назначается Верховным советом по представлению Председателя Верховного Совета и с согласия Президента. Законом Республики Таджикистан от 20 апреля 1992 года [3] были изменены статьи 99 и 120 Конституции, на основе которых Президент Республики Таджикистан был объявлен Главнокомандующим Вооруженными Силами республики.

В годы массовых волнений и беспорядков (в 1991–1992 гг.) на основе Закона Республики Таджикистан от 30 апреля 1992 года ст. 99 Конституции была дополнена пунктом 32, который давал право Верховному Совету вводить режим президентского правления в отдельных регионах страны. Был принят также Закон «О форме президентского правления», [4] в соответствии с которым режим президентского правления вводился на срок 6 месяцев, а ряд полномочий Верховного Совета возлагался на Президента.

Гражданская война в Таджикистане (1992–1997 гг.) привела к изменению формы правления. В этих условиях была созвана XVI сессия Верховного Совета Республики Таджикистан не в столице республики — городе Душанбе, где шло военное противостояние, а в административном центре — городе Худжанде в ноябре 1992 года. XVI сессия Верховного Совета имела историческое значение в достижении национального согласия.

На данной сессии были внесены ряд изменений и дополнений в Конституцию республики. Законами Республики Таджикистан от 24 ноября 1992 года [5] были установлены государственные символы — герб и флаг.

Между тем на данной сессии Верховного Совета была приостановлена президентская форма правления, а полномочия Президента были возложены на Верховный

Совет, его Президиум и Совет Министров республики. По этой причине на основе Закона от 27 ноября 1992 года были внесены изменения в ряд статей Конституции. На основе указанного Закона были отменены конституционные положения, подтверждающие факт вхождения Республики Таджикистан в состав СССР, а также касающиеся президентской формы правления. Статья 99 Конституции была изложена в новой редакции и включала 30 пунктов, которые определяли полномочия Верховного Совета. Согласно новой редакции в ст. 106 Конституции была установлена новая структура Президиума Верховного Совета в составе Председателя Верховного Совета, его заместителей, председателей комитетов и постоянных комиссий Верховного Совета. В пунктах 13–18 ст. 108 Конституции были определены новые полномочия Председателя Верховного Совета.

В соответствии с указанными конституционными изменениями был повышен статус Президиума Верховного Совета. Так, он имел право вносить изменения и дополнения в действующие законодательные акты, организовывать и упразднять по представлению Правительства министерства и государственные комитеты, назначать и освобождать членов Правительства по представлению Председателя Совета Министров.

Председатель Верховного Совета приобрел обширные полномочия. Он был Главнокомандующим Вооруженными Силами, гарантом соблюдения прав и свобод граждан, Конституции и законов, представлял республику внутри страны и за ее пределами, подписывал международные соглашения.

Таким образом, президентская республика, введенная в Таджикистане 10 сентября 1991 года, была приостановлена в ноябре 1992 года. Основные полномочия Президента были возложены на Председателя Верховного Совета.

В связи с этим в отечественной литературе полемику вызывает вопрос о форме правления Республики Таджикистан после приостановления президентской формы

правления. А. И. Имомов считает, что в ноябре 1992 года президентская форма правления была упразднена и до принятия Конституции 1994 года была установлена парламентская форма правления с авторитарным режимом. [13, с. 147–151]

В то же время следует отметить, что президентская форма правления в ноябре 1992 года была приостановлена в связи с разгоревшейся в стране гражданской войной. После отставки Президента республики Р. Набиева в условиях военного противостояния, которое охватило многие районы республики, проведение выборов Президента было невозможным. В связи с этим полномочия Президента были возложены на Председателя Верховного Совета, Президиум Верховного Совета и Совет Министров. На XVI сессии Верховного совета не был принят специальный закон об упразднении президентской формы правления. Возложение полномочий Президента на иные государственные органы означало, скорее всего, приостановление президентской формы правления до стабилизации политической обстановки и соответственно выборов нового Президента.

В период с ноября 1992 года по ноябрь 1994 года в Таджикистане устанавливается переходная республиканская форма правления. В этот период продолжали функционировать избранный населением представительный орган — Верховный Совет, а также образованный на законных основаниях Совет Министров. Не были созданы чрезвычайные государственные органы, поэтому черты республиканского правления были сохранены.

Верховный Совет как высший представительный орган государства к тому моменту был еще далек от практики парламентаризма. Верховный Совет формировался без участия политических партий, которые начали создаваться и активно включаться в политическую жизнь на основе Конституции 1994 года, в частности, конституционной нормы о политическом и идеологическом плюрализме. Естественно, политические партии не принимали ника-

кого участия в формировании правительства. Верховный Совет действовал сессионно, в связи с чем были расширены полномочия его Президиума. Профессиональный, постоянно действующий парламент был учрежден в республике позднее. Важнейшие полномочия Президента перешли не на представительный орган, а на Председателя Верховного Совета. Полномочия Президента были возложены не только на высший представительный орган, но и на высший исполнительно-распорядительный орган — Совет Министров. Поэтому в данный период еще не сложились черты парламентаризма, причем полномочия Президента были возложены на указанные органы государства временно, до стабилизации политической обстановки, поэтому в Таджикистане в период с ноября 1992 года по ноябрь 1994 года была установлена переходная республика. Она характеризуется такими чертами, как отсутствие должности Президента, наличие профессионального, постоянно действующего парламента, выполнение президентских полномочий председателем Верховного Совета и Президиумом Верховного Совета, а также Советом Министров. Фактически были воссозданы некоторые черты советской модели правления с полновластием Верховного Совета, концентрацией важнейших президентских полномочий в руках Председателя Верховного Совета, отсутствием разделения властей, вхождением прежней партийной номенклатуры в состав Верховного Совета.

Конституция Республики Таджикистан в редакции, изложенной после решений XVI сессии Верховного Совета, не позволяет дать всеобъемлющую оценку формы правления Республики Таджикистан в период 1992–1994 гг. Лишь анализ фактически складывавшихся в данный отрезок времени отношений дает реальную картину специфики формы правления в данный период. Анализ фактических отношений позволяет сформулировать вывод о том, что в Республике Таджикистан в период с ноября 1992 года по 6 ноября 1994 года была установлена переходная республика с некото-

рыми чертами советской модели правления. Ее применение было обусловлено главным образом сохранившимся опытом советского правления, тем более что между распадом Советского государства в 1991 году и событиями в Таджикистане в 1992 года прошло не так уж много времени.

Вышеизложенное позволяет также сформулировать следующие общие выводы:

1. В исторических условиях той или иной страны могут складываться гибридные, даже особые формы правления, не укладывающиеся в традиционную научную схему классификации форм правления.

2. Сочетание юридического и фактического анализа формы правления служит методологической основой для объективной характеристики специфики формы правления в отдельных странах. Анализ фактических отношений имеет первостепенное значение для характеристики специфики формы правления Таджикистана на всех этапах его исторического развития.

В июле 1994 года Конституция Республики Таджикистан 1978 года была подвергнута последнему изменению. На основе Закона от 20 июля 1994 года [1, с. 294] в ст. 103 Конституции было сформулировано положение о конституционных законах.

Был принят также Закон от 20 июля 1994 года «О конституционной реформе в Республике Таджикистан, порядке принятия и введения в действие Конституции Республики Таджикистан». [1, с. 294] Указанный Закон заново восстановил должность Президента, а также установил дату принятия Конституции и выборов Президента — 25 сентября 1994 года. Закон предусматривал также создание Конституционного суда. Позднее, 23 июля 1994 года, был принят Закон «О выборах Президента Республики Таджикистан», вступивший в силу 21 июля 1994 года.

Однако в силу нестабильной политической обстановки 7 сентября 1994 года был принят новый Закон «О переносе на другое время референдума по принятию Конституции Республики Таджикистан и

выборов Президента Республики Таджикистан, внесении изменений в Закон «О конституционной реформе, порядке принятия и введения в действие Конституции Республики Таджикистан». [4] На основе данного Закона 6 ноября было объявлено днем принятия Конституции и выборов Президента.

Еще в 1989 году по инициативе ЦК Компартии Таджикистана была начата работа по разработке проекта Конституции. Позднее разработкой проекта Конституции начал заниматься избранный в феврале — марте 1990 года Верховный Совет республики. [5] Провозглашенная 24 августа 1990 года Декларация независимости Таджикской ССР [6] содержала положение о необходимости разработки новой Конституции. На основе данной Декларации Верховный Совет республики 23 августа 1990 года принял решение «О создании Комиссии по разработке проекта Конституции Таджикской ССР». [9] Летом 1991 года рабочая группа, созданная Комитетом Верховного Совета по законодательству, праву и обращениям граждан, разработала проект Конституции. Данный проект предусматривал сохранение Социалистической Республики с приданием ей характеристик правового и демократического государства. [12, с. 2–16] Однако работа рабочей группы была прервана под влиянием августовского путча в России и распада СССР.

В этих условиях были приняты Постановления Верховного Совета «О провозглашении государственной независимости Республики Таджикистан» и «О внесении изменений в Декларацию независимости Таджикской ССР». [6] Разработка проекта Конституции республики фактически была начата после присоединения Таджикистана к СНГ и выборов Президента республики. В январе 1992 года была образована новая Комиссия по разработке проекта Конституции. В феврале 1992 года была создана новая рабочая группа. Проект Конституции был опубликован в печати в апреле 1992 года. Однако разразившаяся в стране гражданская война тормозила принятие Конституции. На XVII сессии Верховного Совета

была образована Комиссия по разработке проекта Конституции под председательством Э. Ш. Рахмонова.

В период подготовки проекта Конституции общественность широко обсуждала вопрос о приемлемости президентской либо парламентской республики. На XVIII сессии Верховного совета Председатель Верховного Совета Э. Ш. Рахмонов заявил, что он склоняется к президентской республике. [17, с. 757; 18] Комиссия по разработке проекта Конституции из двух предложенных вариантов проекта Конституции, закрепивших соответственно президентскую и парламентскую республику, на всенародный референдум вынесла проект в пользу президентской республики. Вариант парламентской республики был отвергнут по причине отсутствия традиций парламентаризма, политических партий, неразвитости политического сознания.

В процессе обсуждения проекта Конституции, предусматривающей президентскую форму правления, параллельно со стороны различных политических сил и социальных групп были предложены альтернативные проекты. В апреле 1994 года Р. Х. Зоировым был опубликован инициативный проект Конституции. Коммунистами республики был разработан другой альтернативный проект Конституции, в котором была предусмотрена парламентская форма правления при сохранении социалистического пути развития, полномочия Советов. Летом 1994 года в Горно-Бадахшанской автономной области Таджикистана был подготовлен следующий альтернативный проект Конституции, который предусматривал создание федеративного государства с парламентской формой правления, созданием двухпалатного парламента. [13, с. 188–189]

В итоге 6 ноября 1994 года на всенародном референдуме была принята Конституция Республики Таджикистан, которая предусматривает президентскую форму правления.

Таким образом, распад СССР в 1991 г., прекращение его существования как еди-

ного союзного государства и субъекта международного права поставили перед Таджикистаном проблему обеспечения самостоятельного государственного существования, задачу становления новой таджикской государственности. Ситуация осложнялась тяжелыми условиями: ликвидацией административно-командной системы, а также кризисом власти, экономики и общества в целом. В связи с этим перед страной встала проблема выбора системы государственного устройства в условиях перехода к рыночной экономике и демократическим методам руководства, создания правовой основы новой таджикской государственности. [13]

Республика Таджикистан, как и некоторые другие постсоветские страны, выбрала президентскую республику. Конечно, это было не случайно.

Во-первых, однопартийная система и единое партийное руководство наложили свой отпечаток на государственное правление.

Во-вторых, еще сильно было влияние старого мышления, форм и методов работы коммунистического периода, поскольку руководителями основных звеньев государственного аппарата были бывшие партийные, хозяйственные и советские работники.

В-третьих, президентская власть основательно укрепилась при принятии новых конституций этих суверенных республик. В этих странах президенты, используя свое положение, конституционно усилили президентскую власть, возвели ее до уровня суперпрезидентской республики.

При разработке проекта Конституции 1994 года были подготовлены два проекта — с парламентской и президентской формой правления. Одновременная подготовка сразу двух проектов имела свои причины. С того дня, когда еще в апреле 1992 года был представлен первый проект нового Основного Закона Республики Таджикистан, общественное мнение и противоречия различных социально-политических сил Республики Таджикистан в отношении вопроса выбора формы государственного правления не только излагались по-разному, но и абсолютно противоречили друг другу.

Члены Конституционной Комиссии, осознавая свою историческую ответственность и учитывая отсутствие основных факторов парламентской формы правления в республике, в том числе отсутствие опытных партий, организаций, пришли к единому заключению, что на всенародное обсуждение должен быть рекомендован только тот проект, который предусматривал бы президентскую республику. [19, с. 353]

В-четвертых, экономический, политический и социальный кризис в обществе, гражданская война требовали сильной власти, что привело к созданию президентской республики. Нужно признать, что эта сильная власть выполнила свою историческую миссию: была прекращена гражданская война, страна вышла из кризиса, были восстановлены мир, стабильность и порядок в обществе. [15, с. 9–10] Парламент и другие ветви государственной власти были слабы, а в условиях гражданской войны еще и потеряли свою активность, и все их надежды были возложены на президента страны.

Таким образом, переход от Советской республики к президентской форме правления в Таджикистане был начат в 1988 году в перестроечный период в рамках Конституции Таджикской ССР 1978 года, т. е. гораздо раньше принятия Конституции 1994 года. Данный этап завершился учреждением поста Президента республики и установлением президентской республики в 1991 году.

Со дня провозглашения государственной независимости 9 сентября 1991 года начался второй этап, который продолжался до приостановления президентской формы правления в ноябре 1992 года. На третьем этапе, который продолжался до июля 1994 года, была приостановлена президентская форма правления. С принятием Закона «О конституционной реформе» 20 июля 1994 года начинается четвертый этап, на кото-

ром заново учреждается должность Президента республики. На данном этапе, который продолжался до принятия Конституции 1994 года и выборов Президента, были подготовлены условия для референдума по принятию Конституции и избрания Президента.

Пятый этап начинается с принятием Конституции Республики Таджикистан 6 ноября 1994 года. На данном этапе дважды — в 1999 и 2003 годах — были внесены изменения и дополнения в Конституцию 1994 года. Ими был изменен срок пребывания в должности Президента (с пяти до семи лет), создан двухпалатный профессиональный парламент, скорректированы полномочия высших органов власти.

Четыре из указанных этапов связаны с изменениями и дополнениями Конституции Таджикской ССР, затем — Республики Таджикистан, 1978 года. Несмотря на это, многие отечественные авторы все события, произошедшие в жизни страны, в том числе конституционную реформу, установление президентской формы правления, учреждение совершенно новой системы конституционного контроля и др., всецело связывают с принятием Конституции Республики Таджикистан 1994 года. Такой односторонний, необъективный взгляд на реальную историю государственно-правового развития в большей мере субъективен и не выдерживает критики.¹

Авторы, поддерживающие такое мнение, не учитывают того исторического факта, что условия для последовательной конституционной реформы, перехода к новой форме правления и иных общественных преобразований никак не могут быть созданы самой Конституцией. Такой узконормативный подход к оценке общественных процессов может укладываться лишь в рамки традиционного, советского легизма. Лишь дистанцируясь от легистского подхода, можно оценить степень решающего

¹ В силу того, что такого рода взгляды изложены во многих работах, посвященных различным аспектам жизнедеятельности общества, нет смысла цитировать их. Хотя справедливости ради следует признать наличие противоположного мнения относительно

данной проблемы. Так, А. И. Имомов последовательно подчеркивает, что конституционная реформа была начата в Таджикистане в 1988 году. См.: Имомов А. И. Указ. соч. С. 130–154.

влияния общественных потребностей на конституционную реформу, которая лишь юридически, а не фактически оформила переход к новой форме правления.

Именно фактический анализ сложившихся в Таджикистане общественных отношений в период с 1988 по 1994 годы вочию показывает, что общественные изменения, вызванные распадом СССР, а также объективные потребности общественной жизни, исторические условия Таджики-

стана предопределили переход от Советской Республики к президентской форме правления. Если учреждение должности Президента было обусловлено влиянием аналогичных процессов в Российской Федерации и других постсоветских государствах, то особые исторические условия Таджикистана решительным образом повлияли на многообразие этапов конституционной реформы, а также на учреждение, приостановление и повторное восстановление президентской формы правления.

Литература:

1. Ахбори Шӯрои Олии Ҷумҳурии Тоҷикистон. — 1992. — № 2. — Ст. 8.
2. Ахбори Шӯрои Олии Ҷумҳурии Тоҷикистон. — 1992. — № 5. — Ст. 59.
3. Ахбори Шӯрои Олии Ҷумҳурии Тоҷикистон. — 1992. — № 11. — Ст. 160.
4. Ахбори Шӯрои Олии Ҷумҳурии Тоҷикистон. — 1994. — № 13. — Ст. 193.
5. Ахбори Шӯрои Олии Ҷумҳурии Тоҷикистон. — 1994. — № 13. — Ст. 194.
6. Ахбори Шӯрои Олии Ҷумҳурии Тоҷикистон. — 1994. — № 17–18. — Ст. 298.
7. Ведомости Верховного Совета Таджикской ССР. — 1990. — № 9. — Ст. 141.
8. Ведомости Верховного Совета Таджикской ССР. — 1990. — № 17. — Ст. 284.
9. Ведомости Верховного Совета Таджикской ССР. — 1990. — № 23. — Ст. 381.
10. Гадоев Б. С., Диноршоев А. М., Салохидинова С. М., Сафаров Д. С. Конституционное право Республики Таджикистан. Под ред. Диноршоева А.М. — Душанбе, 2014.
11. Диноршоев А. М. Понятие и признаки принципа светскости и светского государства и их отражение в законодательстве Республики Таджикистан / Правовая жизнь. — 2015. — № 3.
12. Имомов А. Процесс подготовки и принятия новой Конституции Республики Таджикистан // Известия Академии наук Республики Таджикистан. Серия: Философия и право. — 1995. — № 3.
13. Имомов А. И. Роль Конституции в создании национальной государственности таджиков. — Душанбе, 2011.
14. Куканов А. З. Конфедерация как форма межгосударственного устройства / Правовая жизнь. — 2015. — № 2.
15. Курдюков З. Н. Проблемы современного развития политической формы российского государства: Автореф. дис. ... канд. юрид. наук. — Саратов, 1992.
16. Материалы XIX Всесоюзной конференции Коммунистической партии Советского Союза. 28 июня — 1 июля 1988 г. — С. 128.
17. Назриев Д., Сатаров И. Республика Таджикистан: история независимости (хроника событий). Год 1993-й. Т. 3. — Душанбе, 2006.
18. Насурдинов Э. С. Предпосылки становления и перспективы развития правоспитательной политики в Таджикистане / Правовая жизнь. — 2015. — № 2.
19. Основа новейшей государственности / Под ред. М. Убайдуллоева. — М.: Радуница, 2002.
20. Тоҷикистони советӣ (Советский Таджикистан). — 1989. 1 октября.

Страницы правовой истории**К ВОПРОСУ О СОХРАНЕНИИ ПРАВОВЫХ И СОЦИАЛЬНЫХ ИНСТИТУТОВ
В ПЕРИОД АХЕМЕНИДСКОЙ ДЕРЖАВЫ****Азизкулова Г. С.,**доцент кафедры теории государства и права
юридического факультета Таджикского националь-
ного университета, кандидат юридических
наук.

E-mail: kafedra.120001tj@mail.ru

Афзали М. К.,доцент кафедры иностранных языков юридиче-
ского факультета Таджикского национального
университета, кандидат педагогических наук.

E-mail: lingua-law@mail.ru

Научная специальность: 12.00.01 — теория и история права и государства,
история учений о праве и государстве**Рецензент:** Сативалдыев Р. Ш., доктор юридических наук,
профессор

Аннотация: В настоящей статье рассматриваются различные источники правовой и судебной системы Ахеменидского периода. В статье также анализируется правовое положение различных слоев населения, включая иудеев и женщин, а также сохранение правовых и социальных институтов данного исторического периода, кроме того рассматриваются различные интерпретации термина «закон царя», этимология различных слов иранского происхождения.

Ключевые слова: ахеменидский период, царский закон, законодательные распоряжения, указы царя, распоряжения сатрапа, методы управления имением, сбор податей, обращение с рабами, квитанции об уплате податей, долговые расписки, документы о выполнении воинской повинности, протоколы судебных процессов, брачные контракты, арендные договора, Битунская надпись

**ON THE QUESTION OF PRESERVATION LEGAL AND SOCIAL INSTITUTIONS
OF DIFFERENT PEOPLE UNDER ACHAEMENIDS STATE POWER****Azizkulova G. S.,**Assistant Professor of the Department of Theory of
State and Law of the Law Faculty, Tajik National
University, Candidate of Legal Sciences**Afzali M. K.,**Assistant Professor of the Department of Foreign
Languages of the Law Faculty, Tajik National Uni-
versity, Candidate of Pedagogical Sciences**Scientific specialty:** 12.00.01 — theory and history of the law and state,
history of the doctrines of the law and state

Reviewer: Sativaldiev R. SH., Doctor of Legal Sciences, Professor

Annotation: The present article address principally the sources of our knowledge of the judicial and legal systems in the Achaemenids period, as well as the nature of the court system, which persons had standing to sue, and legal procedure. Besides, the article analyzes the status of various classes, including wish and women, maintaining social and legal institutions of that historical period. Various interpretations of the term “royal law“, etymology of some words are given as well.

Key words: the period of Achaemenids, royal law, legislative orders, tsar’s decrees, satrap’s orders, taxes and tribute collections, slaveholding, tribute payment receipts, debt receipts, documents on military conscription fulfillment, marriage contracts, rent treaties, Bitune writing

Iranvaidge — is the country of ancient and highly developed civilization. The inhabitants of this land were among the first to step on the way of historical progress and created its writings and state unity at the beginning of the 3rd century B.C. It is interesting to note that the term “**Persian**” (**parsava-** ancient Iranian) means **wide chested Hercules** (hero) and the word “**Iranians**” (**mada-** ancient Iranian) means **drunk (furies) in the battle**. The etymology of these words goes back to Sanskrit that gives another meaning — “**rya- noble**” or **Aryan-** came to be synonymous with Indo — European. These words became known to European scholars in the 18th century. Some linguists consider that the “Eire” part of the word “**Ireland**” is also assumed by meaning the word “**Aryan**”. The word “**Persian**” is actually Latin used mainly by westerners to describe the region of present day Iran. In truth the rise and fall of the Persian Empire the land was known to its people as “**Aryan am**” which is equated to the current “Iran”. During the reign of the Sassanid’s it became Eran — meaning “land if Aryans”.

The historical mark of the Achaemenids went far beyond its historical legal and military influences. The period of Achaemenids was widely registered by variety of different writing sources. These are: tsar’s inscriptions, historical chronicles, legislative orders and tsar’s decrees, satrap’s orders to the area superiors containing appeals of citizens, official correspondence of Persian authorities and private persons, instructions on methods of estate management, taxes and tribute collections, slaveholding, tribute payment receipts, documents on military conscription fulfillment,

trial records, marriage contracts, rent treaties, debt receipts as well as religious and scientific treatises, narrative literature, ets. Law played an important role in the administrations of empire. The scientists consider Hebrew religious law as “the system of legal standards regulating various aspects of every- day life and believes of Jews. The content of this system in their opinion is formed mainly of “**norms of common law**”, which was greatly respected and observed by Jews all over the world for more than two thousand years. [5]

Various legal systems and institutions, beginning from primitive to highly — developed one had existed in Achaemenids state. It is interested to note that Persian conquest did not lead to break of legal traditions and norms of conquered people. In Babylonian papers there were found such expressions as: “**in accordance with the law of tsar**». In 504 and 506 years in the documents there had been mentioned “**it was necessary to pay customs to the palace in accordance to the law of tsar**”. [5] The same expressions are also met in Bekinstune’s and other ancient Persian writings. Persians had their own primitive law (archaistic law or pre law) based on customs. [6] Royal decision was the last instance and therefore was not subjected to the changes. But tsar had to reign in accordance with traditional norms of Persians, and had to consult with the representatives of seven noble families whose role in legitimate life of the country was huge. In some special cases the tsar gathered the counsel consisting of the representatives of nobility. In the early period of tribal live the Persians had people’s meeting assembly which

settled different important issues. The tsar himself had the right to establish new laws referring to **Ahura Mazda's** will. (Note: **Ahura Mazda** was the god of Achaemenids kings, from whom they received their empire and with whose aid they accomplished all deeds). The basic principles of these laws were stated in Tsar Darius I writing. It has also to be noted that the etymology of the name Darius means "holding kind thought" In Bekinstune's writing he declared: "*The man faithful to me was awarded by me, the man treacherous to me was punished by me. By the grace of Acura-Mazda these countries obeyed all my law, as has been said to them by me, thus they used to act.*" In one document from his twelfth year there is in charge of the law, and the title *data-barais* also attested. In other papers mentioned *sa muhhi datu. The Tsar Darius said: "Acura — Mazda helped me because neither me nor my family was treacherous liar or villain. I acted both justly and fairly. I did harm neither weak nor strongmen*". [6] Darius I sometimes decided trials himself. For more serious crimes the judges were appointed by tsar. Ordinary cases were tried by royal life judges chosen from noble Persians. Their power was hereditary. Besides disputes between Persians they consider laws and customs as well. It is interesting to note that the expression "the king's law/decreed (*data sa sari*)" is attested from Babylonia, but only from the reign of Darius I and latter. The phrase was used in different senses. On one hand, the delivery of barley and other produce and the payment due are the subject, whereas in other instances there are references to trials before a judge whose behavior and decision were to be guided by law. It is thus evident that this law had been newly imposed in Babylonia by the Achaemenids, most probably by Darius I. It was owing to Darius legal reforms or, stated more prudently, to his introduction of a special Persian form of law that many peoples of the empire borrowed the Old Persian term *data*, in semantic contexts obviously extending beyond the native Jewish, Mesopotamian, and other conceptions of law.

Under Achaemenids the Babylonian law reached its best prosperity. Babylonian private law did not change essentially under Persians,

however majority of public institutions were influenced by Persians. Judicial power in Babylon belonged to satrap, judges and peoples' meeting assembly. Under Hailey's tsars began the abolition of such privileges as release from military conscription for citizens of large towns like Babylon, Sinpar, Nippur, and Uruck. During Achaemenids period centuries — old competition between royal judges and community peoples' meeting assembly had been finished. Peoples' meeting assembly obtained jurisdiction to settle property claims and crimes of local character. Sometimes authorities (e.g. Supreme priest in Sippar) obtained substantial powers. Royal court usually consists of board from five to seven people. Sometimes the board of judges was mixed containing of both tsar's judges and eldest of the legitimate citizens. Houses and lands sell was held at temple authorities' presence. Some private law legal documents of 5th century on purchase-sell rent and other issues were held at judge's presence. Especially often was used the expression "*judges of Sinai (god's name) canal*", at presence of them the contracts on land rent and other documents were concluded. Series of legal documents of 5th century noted "*the judge of Gubary gates*" (satrap of Babylon of the late 5th century — Apla). "*The judge of palace gates*" could participate during completing some documents. The documents were often drawn up at commandant of fortress and the head of garrisons' presence. Persian tsars sent to occupied countries their own judges — Persians. In the documents of 5th century there was often used Iranian word "*datavana*" (*data - English-law*) not infrequently during trials the parties promised on oath to the tsar or swore Babylonian Gods and Persian tsars. It's considered to be a synonym of Accad's word *dajanu-judge*.

Members of royal family and majority of Persian nobility possessing either in Babylon and other countries numerous lands had their own judicial departments. For example, tsar Dairy's wife Parisatida had her own judge who was mentioned as "*Parisadid's house judge*". [5] Under Achaemenids in Babylonia the new Babylonian laws continued to be in use. They concerned conclusions on various

cases of every — day life: marriage and divorce, property ownership and other issues. All legal authority ultimately derived from gods, who entrusted it to the tsar. The tsar, therefore, established, maintained and defended justice. He was not above the law but, was rather, an integral part of it. No evidence exists for a legislative body. Judicial administration was under the authority of the king, although Achaemenids kings rarely adjudicated individual classes. The courts were sometimes headed by officials, entitled *sartennu or sukkallu*. A number of texts testify to the existence of a system of court management, all of which contain the phrase *zaballulu*. Violation of orders related to court management would bring upon the offender judicial sanctions. Courts set in panels and were derived from various classes of persons, including judges (*dayyannu*), diverse state officials and various temple and lay assemblies. The court seemed to be divided into two major divisions, each with different jurisdictional powers, secular courts and temple courts, although their available legal procedures seem to be identical. Temple courts hear the cases where they had subject matter jurisdiction. In such cases, at least one temple official and one royal official had to be on the court. Secular courts had broad powers to hear cases, adjudicating all cases that the temple court could not hear. They had, additionally, appellate jurisdiction over temple court decision. Royal officials had standing to sue for the king. Temples had standing to sue in the secular courts regarding their interests and were typically represented by senior temple officials. Women had standing in the cases involving significant inner — family disputes, specifically their dowries, where their legal status or rights were at issue, and, when independent, to protect their business interests just like men

Hammurabi's law was also in use in Achaemenids state, especially the articles of Hammurabi's Code concerning the thirty divisible fine punishments as damage for stolen temple property. Actually, Hammurabi's Code carefully arranged laws aiming at regulating society in clear language. It covered crime, marriage and divorce, slaveholding, theft,

property ownership and even kidnapping. Regulations about taxes and the prices of goods were also taken into consideration in Achaemenids state.

As for Jewish colonists in Elephantine, they had special (brought from their motherland) law which was widely influenced by Babylonian and Egyptian legal opinions. Hebrew law contained in the Book of Exodus in the Bible. Unlike Bible law, the women in the environment of Jewish colonists possessed wide variety of rights, and her position under the law was equal to men's, apart from her marriage status. She obtained her own property and could alienate it. Unlike all ancient oriental laws (except of Egyptian) and Talmud laws, the woman had the right to divorce, losing only the husband's present. Besides in such cases she had to pay divorce payment (about seven sickles of silver). Otherwise, if the wife left her husband without divorce half of her property was given to her husband. If the divorce was initiated by a husband, he had to pay divorce payment and give back wife's dowry. For instance, the Jewish woman Mibtahia [6] married twice. Her marriage and divorce contracts were reserved. For being unfaithful her husband had the right to divorce with her but in accordance with other law the wife (unlike majority of ancient laws where the unfaithful wife considered being a criminal and was severe punished) was not subjected to the punishment. But such kinds of punishment were alien to Egyptian law. Jewish women possessing well-being, to our opinion, are obliged to Egyptian laws influence on their family law canons. However, a woman could not participate in contract conclusions as a witness. During Achaemenids epoch in Egypt, Babylonia and Elam a husband could not to give his wife on pawn. In Egypt a woman had the right to divorce unlike Babylonia, Jewish and other countries, where only a man had such right. As for the father's power over children, unlike Egyptian law, the father couldn't pawn his own children. Father's authorities were limited.

It is interesting to analyze the present document on debt law. In 402 year one Jewish man lend loan a small amount of wheat. If a debtor failed to return loan in time he had to

one *carshu* (10 sickles) of silver; if a debtor died to the time of payment, his children had to return a loan. Otherwise, a creditor could take from debtor house everything he needed to pay off the debt (slaves, coin and iron tools, clothes, grain and even children of the debtor). Property disputes between Jewish colonists consisting of worship community were usually decided by special Jewish court. They were contented with an oath. For example, a certain Mahesh was charged with theft of fish but he rejected his fault. Yet, when he was offered to oath he abstained from it (in all probability being guilty) and agreed to pay the cost of fish.

In Elephantine there were also royal courts dealing with in particular with property claims between colonists. Such courts consist of two royal judges and a chief of garrison who carried out the duties of a chairman. The court admitted party's oaths apart from religious belief. For example, the papyrus dated 464 stated: *"You promise on oath to me in the name of Yahweh (Яхве), the God of Elephantine castle about the lot I have claimed on you before Dimidiate and his colleges of judges, and they impose an oath on you in the name of Yahweh to say that it is not Dargamonous lot... You have promised an oath in the name Yahoo and satisfied my heart. Neither me and my daughter will bring a suit against you"*. [6]

Yet tsar's judges in some necessary cases did not escape factual investigation of the case. It is clearly shown on papyrus dated 410 year. Priests of the temple of Egyptian god Khnoom filled the well that was used by Elephantine garrison warriors. So the latter claimed before satrap: *"If the judges, investigators, informers investigate this case, they would ascertain that the well was filled"*. Judicial power over these warriors belonged to the chief of the garrison — (**fratarak**). He is the one *manumission* (release from slave) is hold before.

Joseph Flavius wrote that Persian tsars permitted Jewish to live in accordance with their laws and this declaration was confirmed

in other sources. [7] In Judea inner cases were settled by civil temple community headed by the council of elders. Women's status was based on Ten Commandments of Bible law. Well — known Commandment "Yes, fear wife her husband..." directly defined the legal status of woman. [7] Nevertheless, woman possessed definite rights after divorce. She had the right to marry twice and possess own steal. In accordance to the Bible law praetor's power was spread not only to debtor and his property but to his children that could be subjected to debt loan as well.

All above — mentioned testify that Achaemenids observe the rights of different communities. One must note, however, that a number of factors give the rise to the question of whether the cuneiform material is truly representative of the law in all geographic regions of the empire across the entire Persian period. These include: 1) the lack of Aramaic legal materials from the center of empire; 2) the Persian administrative policy to continue, in the periphery, the legal and administrative structures in place, adding only a layer of Persian administration; 3) the possible codification and unification of law by Darius I; 4) vagaries of archeology; 5) the fact that large amount of this legal corpus remains unpublished. Nonetheless, the majority of scholars assert that we do currently have a representative sample of law from the Achaemenids period upon which we may make valid legal historical assertions.

Thus, Achaemenids state considered to be the first one in the history to proclaim quite tolerate and benevolent attitude forward other cultural civilized and therefore legal traditions of dozens peoples. This period is characterized by its huge importance in observing peaceful coexistence on the large territories from Egypt to North — Eastern India. Babylonian law reached zenith of its development under this period, and continued to exist up to Selevkids and Parfanian provinces. It goes without saying Achaemenids laws had a deep influence on the formation of Roman law, which is one of the fundamental systems that had ever existed.

The list of used bibliography

1. Ахемениды / Энциклопедический словарь Брокгауза и Эфрона: в 86 т. (82 тидоп.). — СПб., 1890–1907.

2. Б. Г. Гафуров / Таджики. Древнейшая, древняя и средневековая история — Душанбе; Ирфон, 1989. — 379 с.
3. Б. Г. Гафуров / История иранского государства и культуры / Б.Г. Гафуров.: Наука, 1971. — 390 с.
4. История Ирана с древнейших времен до конца XVIII века — Л.: Издательство Ленинградского университета, 1958. — 390 с.
5. М. А. Дандамаев / Культура и экономика Древнего Ирана. — М.: Наука, 1980.
6. М. А. Дандамаев / Политическая история Ахеменидов. — М.: Наука, 1989.
7. М. Н. Марченко / Проблемы теории и права. — М.: 2005.
8. Ю. Б. Юсифов / К вопросу об эламском престолонаследии. — ВДИ, 1963, №2.

НАКАЗАНИЕ В ПРОЦЕССЕ ИСТОРИЧЕСКОГО РАЗВИТИЯ В ДРЕВНИЙ И СРЕДНЕВЕКОВЫЙ ПЕРИОДЫ ТАДЖИКСКОЙ ГОСУДАРСТВЕННОСТИ

Азизов У. А.,
заведующий кафедрой прав человека и сравнительного правоведения юридического факультета Таджикского национального университета,
кандидат юридических наук, доцент.
E-mail: ubaydullo_azizov@mail.ru

Научная специальность: 12.00.01 — теория и история права и государства, история учений о праве и государстве

Рецензент: Тахиров Ф. Т., академик Академии наук Республики Таджикистан, д. ю. н., профессор

Аннотация: Основным видом реагирования на преступления и другие особо важные нарушения порядка общественного покоя во все периоды развития человеческой цивилизации считалось наказание. За весь период развития права разновидности наказания с целью его эффективного противостояния правонарушениям всегда видоизменялись и совершенствовались. В данной статье автором с использованием богатой специальной литературы и учений ведущих мыслителей в области теории и истории права анализируются особенности становления и развития наказания в древний и средневековый периоды таджикской государственности.

Ключевые слова: наказание, преступление, цели наказания, кровная месть, кисас, дийа.

PUNISHMENT IN THE PROCESS OF HISTORICAL DEVELOPMENT IN ANCIENT IN MEDIEVAL PERIODS OF TAJIK STATEHOOD

Azizov U. A.,
Head of the Department of Human Rights and Comparative Law of the Law Faculty, Tajik National University, Candidate of Legal Sciences, Assistant Professor

Scientific specialty: 12.00.01 — theory and history of the law and state, history of the doctrines of the law and state

Reviewer: Tahirov F. T., Academician of the Academy of Sciences of the Republic of Tajikistan, Doctor of Legal Sciences, Professor

Annotation: The main kind of reaction on crime and other special important offences of law and order of public peace in all periods of development of human civilization were considered punishment. For whole period of the development of law, the kinds of punishment with the aim of affective oppose to offences always changed its kind and improved. In the given article the author analyzes the peculiarities of establishment and development of penalty in ancient and medieval periods of Tajik statehood with usage of special rich literature and teachings, thoughts of leading thinkers in the field of theory and history of law.

Key words: punishment, crime, aims of penalty, blood revenge, qisas, diya.

Наказание является одним из наиболее древних правовых институтов — очень сложным правовым институтом, который в различные исторические периоды всегда выступал как основной инструмент борьбы с преступлениями. О правовом регулировании этого института как основного средства воздействия и противостояния общественно опасным деяниям и несправедливым отношениям говорится в исторических, религиозных и правовых источниках. Множество исследований посвящено этому институту в разных направлениях науки, таких как философия, социология, история, юриспруденция и др. и в современный период.

Согласно ст. 46 Уголовного кодекса Республики Таджикистана под наказанием понимается: «Наказание есть мера государственного принуждения, назначаемая по приговору суда. Оно применяется к лицу, признанному виновным в совершении преступления, и заключается в предусмотренном настоящим Кодексом лишении или ограничении прав и свобод этого лица».

Но оно не во все периоды исторического развития характеризовалось таким образом. Оно, исходя из религиозного миропонимания, социально-экономических и политических соображений каждого общества, отличалось от современного его понимания. Менялись понимание наказания и практика его применения в процессе общественно-исторического развития. Например, в авестийские времена особенностью норм, определяющих критерии оценки наказуемых деяний, было то, что в них переплетались мифологические, религиозные, этические, моральные и правовые предписания и, естественно, наказания, применяемые к этим деяниям, приобретали такой же характер. [6, с. 148] Наказание в зороастрийский период вначале означало реакцию общества на преступные деяния, а позднее, после возникновения и формирования государственных структур, оно обрело правовую форму. Вследствие этого преступления и наказания в древних государствах были связаны с обычаями, традициями и религиозными нормами.

Говоря о религиозности применяемых наказаний в древнем обществе, О. М. Косвен отмечает, что: «Любое противоправное деяние в какой-то части затрагивало и религиозные интересы членов древнего общества, и, согласно учениям этой религии, санкции первобытного общества всегда поддерживались религиозными, сверхъестественными силами». [10, с. 72–73]

Как известно, одним из древнейших способов доказывания в судебных разбирательствах было участие божественных сил в разрешении определенных споров, которые возникали на бытовом уровне между людьми.

Ордалия как способ и метод расследования противоправного поведения и один из видов наказания имела место во всех древних обществах, в том числе на территории исторического Таджикистана. Она использовалась для вынесения справедливого решения в случае определенного спора между членами общества.

Способ доказывания виновности через привлечение природных сил упоминается почти во всех исторических памятниках культуры и права таджикского народа. Наши предки в основном использовали два вида ордалии — горячую (огнем, расплавленным металлом) и холодную (водой, священным опьяняющим напитком — хаомой, барсама или другой ядовитой жидкостью). [3, с. 612]

О некоторых видах ордалий упоминается в Авесте, в «Шахнаме», «Шайаст-нашайаст» («Дозволенное — недозволенное») и других источниках литературы и религии нашего народа. Известный исследователь зороастрийского общества и верований Хашим Рази отмечает об использовании 30 видов ордалий, [23, с. 56] а другой исследователь, И. Б. Буриев, говорит о применении 33 ее видов. [12, с. 67]

Другой особенностью наказания в древние времена, в том числе на территории исторического Таджикистана, являлось то, что наказание понималось как возмездие: око за око, зуб за зуб — что и считалось почти мезью за содеянное. В древности

применялось правило талиона, которое исходило из миропонимания и глубоких знаний людей того периода, и оно было противопоставлено безмерному отмщению за совершенное преступление. Необходимо отметить, что кровная месть в древности применялась по отношению к «чужакам» и не разрешалось применение ее за деяние, совершенное внутри рода или племени. Во все периоды применения этого вида наказания оно служило регулятором конфликтных отношений и противостояния излишне агрессивному инструменту разрешения конфликта, исходящего из противоправного деяния члена отдельного общества. [10, с. 72–73]

Суть применения закона талиона заключалась в том, что он имел ограничивающий характер и проявлялся в применении воздаяния, равного совершенному деянию. Древний обычай таджиков, и особенно зороастрийская правовая система, обязывал к соблюдению соразмерности наказания и его последствий с нанесенным ущербом от деяния, и он в основном имел запрещающий характер.

Например, Авеста и зороастризм считали священным делом соблюдение и выполнение предписаний законов, обеспечение правопорядка и совершение правомерных поступков. Соблюдение законности считалось основой правопорядка в обществе и блага людей. Из вышеизложенного следует, что Авеста всегда отдавала предпочтение истине, называя ее наилучшим благом. [4, с. 147]

Карательная политика, в основном в древних государствах таджиков, проводилась на основе принципа неотвратимости наказания за несправедливые деяния. Сам термин «преступление» в данный период не использовался. Под наказуемыми деяниями понимались главным образом поступки, идущие вразрез со справедливостью. При этом справедливость трактовалась как религиозно-нравственная категория. Наказуемость деяния определялась по следующим критериям: «справедливо — несправедливо», «правда — неправда», «правдивость

— лживость», «правдивость — неправдивость». Главным признаком наказуемого деяния выступало причинение вреда. Таким образом, под преступлением в современном смысле этого слова понималось наказуемое деяние, наносящее вред, причем определение степени наказуемости деяния и нанесенного им вреда входило в круг полномочий самого ахеменидского царя. В указанный период вместо термина «наказание» применялся термин «воздаяние». Проводился также принцип «воздаяния в меру причиненного им вреда».

В доказательство указанных суждений можно сослаться на следующее высказывание, запечатленное в исторической надписи на скале Накши Рустам, в которой Дараявауш говорит: «По воле Ахура-Мазды я — такого нрава, что для правдивого я — друг, для несправедливого я — недруг. Не таково мое желание, чтобы слабый терпел несправедливость ради сильного, но и не таково мое желание, чтобы сильный терпел несправедливость ради слабого. Мое желание — справедливость. Лживому человеку я не друг. Я не вспылчив. Когда я во гневе, я твердо держу это в своей душе, я твердо властвую над собой. Человеку, который содействует мне, я воздаю в меру причиненного им вреда. У меня нет желания, чтобы человек вредил, и нет желания, чтобы, если он не вредил, он не был бы наказан». [26, с. 37]

В другом месте Накширустамской надписи говорится: «Каждый, кто нанес своими деяниями вред другому, тот в соответствии с нанесенным вредом наказывался. И не было случая, чтобы лицо за нанесенный вред другому не подверглось наказанию». [26, с. 148]

Такая традиция применения наказания особо узаконивалась в мусульманском праве. Например, именно такой характер имело наказание категории «кисас». Оно содержало систему наказаний за совершение преступлений, имеющих насильственный характер против личности. В основном оно применялось за совершение преступлений: убийство (кетл) и ранение (джерх).

Терминологически понятие слова «кисас» в арабском языке означает «равное» и «преследование». [25, с. 80] Смысл его как наказания заключается в применении к виновному человеку того, что он причинил потерпевшему. Это право принадлежит самому потерпевшему, а в случае невозможности — его родственникам и законным представителям.

Данное наказание получило свое закрепление в самом Коране, где говорится:

И в ней для них Мы предписали:

Душа — за душу, глаз — за глаз, нос — за нос,

Ухо — за ухо, зуб — за зуб.

За (нанесение) ран — отмщения (по равной мере). [18, с. 134]

Из содержания вышеизложенного аята становится ясным, что по своему содержанию наказание «кисас» состоит из двух видов наказаний — смертная казнь за совершение умышленного убийства и нанесение телесных повреждений лицу, совершившему преступление, таким же способом, каким он нанес вред потерпевшему. [8, с. 65–66]

Смертная казнь применяется, согласно Корану, следующим образом:

«О вы, кто верует! Предписано вам право

За смерть (убитых близких) оплатить.

За жизнь свободного — свободный,

И раб — за жизнь раба,

И за жену — жена». [18, с. 46]

Согласно этому аяту смертная казнь применяется за совершение преступлений против жизни. Наказание в виде смертной казни должно осуществляться таким же образом, каким оно было совершено в отношении потерпевшего.

На основе нормы Корана Пророк Мухаммед сказал: «за убитого убийцу надо убивать, и это принадлежит потерпевшим». По требованиям, предусмотренным этим хадисом, назначение, применение или отказ от применения наказания принадлежит потерпевшему и его родственникам.

Одновременно шариат устанавливал все условия, необходимые для применения

наказания кисас. Этих условий было несколько: 1) применялось в случае совершения умышленного преступления; 2) если потерпевший или убитый не был лишен охраны шариата; 3) лицо, совершившее преступление, являлось совершеннолетним; 4) лицо, совершившее преступление, являлось вменяемым; 5) если преступник не был предком убитого; 6) он должен был быть равен или ниже убийцы по степени свободы и религии (свободный и раб, мусульманин и немусульманин). [25, с. 82–83]

В отношении женщин, находящихся в состоянии беременности, применение наказания приостанавливали до рождения ребенка и окончания периода его вскармливания. Поступали в таком случае согласно Хадису Пророка, по которому: «В отношении беременной женщины нельзя применять смертную казнь в случае совершения с ее стороны умышленного убийства. Надо подождать, пока она не родит своего ребенка и не выкормит его. К ней также нельзя применять телесные наказания в состоянии беременности и необходимо подождать, пока она не родит и не выздоровеет». [25, с. 83]

Согласно учениям разных правовых школ способы применения наказания предусмотрены по-разному. Например, ханафиты и ханбалиты считают, что смертный приговор должен осуществляться путем отрубания головы острым мечом, независимо от желания наследников убитого. По мнению представителей других правовых школ (шафииты и некоторые представители ханбалитской школы), наказание кисас надо исполнять таким способом, которым преступник совершил его. И все они единодушны в том, что смертная казнь должна осуществляться таким способом, чтобы как можно меньше принести страданий казнимому. [25, с. 84] Кроме ханифитов, представители всех других правовых школ не считают обязательным в процессе исполнения смертного приговора присутствие наследников.

Доктрина мусульманского права не разрешает, как выше было отмечено, казнь родителей за убийство своего сына. Это обосновывают тем, что лицо, которое дало кому-

либо жизнь, за отнятие ее не должно наказываться смертью, но если сын убивал отца, то в этом случае в отношении его наказание кисас применялось. Также не допускалась казнь мужчины за убийство женщины и мусульманина за убийство немусульманина, что не соответствовало учению ханафитской правовой школы, поскольку они считали, что казнь мусульманина за убийство немусульманина, который жил в мусульманской стране и соблюдал все действующие законы, тоже допустима. Но все правовые школы, кроме шафиитов, исключали применение смертной казни в отношении несовершеннолетних и невменяемых лиц и требовали для них применения наказания в виде возмещения вреда или выкупа. [22, с. 163]

А представители других религиозно-правовых школ считали, что смертную казнь и членовредительские наказания по талиону как наказание можно применять за умышленные преступления. А за все виды преступлений данной категории, совершенных по неосторожности, уплачивается лишь возмещение или выкуп (дийа). [11, с. 146]

Кисас не применяется и в случае совершения преступления в соучастии, поскольку точного исполнителя найти не удастся, а также при совершении убийства, если все участники в нем замешаны. В случае неизвестности убитого наказание кисас тоже не применяется, потому что кисас не применяется при прощении виновного наследниками убитого.

Другой основной причиной неприменения кисаса является прощение преступника наследниками убитого человека. Вину убийце могут прощать полностью или частично. При полном прощении он освобождается от всех видов наказания, а при частичном прощении наказание заменяется другим менее тяжким наказанием. При замене наказаний кисаса более мягким видом наказаний (дийа) ханбалиты и шафииты считают необязательным согласие убийцы. Но согласно учениям Абу Ханифы и Имама Малика замена наказания должна осуществляться с согласия сторон. Согласно единодушному мнению правовых школ му-

сульманского права прощать вину преступника имеют право все, кто имеет право на кисас. Только ограничиваются этим правом несовершеннолетние и слабоумные.

Согласно мусульманскому праву, предусматривающему наказание за причинение вреда здоровью, предусматриваются определенные телесные наказания, а также способы применения и процесс их исполнения. Правовые школы предусматривают различные способы исполнения наказания за нанесение вреда здоровью. Например, рекомендуют, что отсечение части тела должно осуществляться только острым инструментом с меньшими мучениями для осужденного. Но шафииты полагают, что надо исполнять наказание таким образом, чтобы осужденному были нанесены такие же ранения и страдания, какие он нанес потерпевшему. [15, с. 49]

Мусульманское право за совершение некоторых преступлений против здоровья не предусматривает наказание кровной мести, и за них всегда полагался выкуп за кровь. Например, при нанесении ранения мужчиной женщине, мусульманином немусульманину или же в случае невозможности точного повторения нанесенного вреда потерпевшему на теле лица, совершившего преступление (нанесение повреждения черепа, повреждения в области брюшной полости, костей и т. д.).

За совершение преступлений этой категории наказание применяется в виде кисас — кровной мести. Но, согласно нормам шариата, этот вид наказания можно по желанию представителей потерпевшего отменить или по соглашению сторон заменить — дийа. Мусульманские правоведы не единодушны в определении понятия дийа. Например, Халиль Хикмат Хусейн под таким понимает «выдачу виновным в совершении убийства или телесных повреждений определенного размера имущества или суммы денег наследникам убитого или потерпевшему», что в переводе на русский язык понимается как «цена крови». [25, с. 93]

Данный вид наказания в Суре 2 «Корана» аят 178 Корана предусматривается таким образом:

«...О вы, кто верует! Предписано вам право

За смерть (убитых близких) оплатить...

Но тот, кому собратом будет прощено,

Благоденнием разумным должен возместить». [18, с. 46]

Дийа представляет собой такой вид наказания, который от преступника требует выплаты определенного выкупа в денежном или в материальном порядке наследникам убитого или потерпевшему от преступления против жизни и здоровья взамен посягательства на их жизнь или здоровье. Размеры такого наказания определены в источниках мусульманского права, и оно имеет характер принудительного изъятия имущества виновного в пользу потерпевшего.

Наказание дийа — это в некоторых случаях согласованное получение материального или денежного возмещения за совершение преступления категории кисас в случае прощения вины преступника за умышленное убийство. Оно осуществляется на основе заключения мировых соглашений. Стороны могут в своем соглашении предусматривать дийа как меньшего, так и большего размера. Оно может выплачиваться в денежной форме или любым видом не запрещенного в обороте имущества. [9, с. 356]

Как было отмечено, применение наказания «дийа» зависит от формы вины при совершении преступлений, за которые предусмотрены такого вида наказания. Дийа, согласно форме вины, применяется как в качестве основного, так и заменяющего вида наказания.

Основные виды наказаний указаны в Коране или же в Хадисах. В двух случаях они применяются в качестве основного вида наказания: во-первых, за неумышленное убийство и телесные повреждения, во-вторых, за убийство, совершенное несовершеннолетним и душевнобольным. Также они применяются в случаях, которые являются препятствием для применения наказаний «кисас» — оговоренные причины.

Иногда за совершение некоторых преступлений, имеющих очень тяжелый характер, мусульманским правом полагался полный выкуп, который составлял 100 верблюдов. Денежный эквивалент одного полного дийа составлял 1000 золотых динаров. За мужчин полагалось полное дийа, а за женщин уплачивали половину назначенной суммы. Оно применялось за ампутацию органов чувств и таких частей организма, которыми человек обладает в единственном числе. Также применялось полное дийа в случае, если преступник лишит потерпевшего обоих парных органов или частей тела, но в случае потери одного парного органа изымалась половина дийа. Размер взимаемого дийа также зависел от размера нанесенного вреда здоровью. Например, за одну ногу — пятьдесят верблюдов, т. е. половина полного дийа. За один потерянный палец уплачивалась десятая часть дийа, т. е. десять верблюдов, а за один потерянный зуб платили одну двадцатую полного выкупа. [11, с. 154–155]

За выкидыш в результате нанесения вреда здоровью матери уплачивалось полное дийа. Если виновницей выкидыша являлась сама мать ребенка, в таком случае дийа уплачивалось другим родственникам ребенка — его отцу или деду. В двойном размере взималось дийа в случае убийства женщины, находящейся в состоянии беременности. [17, с. 158]

Исследователи мусульманского права все виды уплаты за нанесение вреда здоровью систематизировали следующим образом: 1) за повреждение одного глаза — половина дийа, обоих глаз — полное дийа; 2) за отрезанное ухо — половина дийа; 3) за потерю слуха на одно ухо — половина дийа, за полную потерю слуха — полное дийа; 4) за отрезанный язык, который стал основанием полной потери речи, — полное дийа; 5) за выбитый зуб — одна двадцатая дийа; 6) за ампутированную руку или ногу — половина дийа, за обе (руки или ноги) — полное дийа; 7) за ампутированный палец — одна десятая дийа, за фалангу пальца — одна тридцатая дийа, за фалангу большого пальца — одна двадцатая дийа; 8) за сломанный позвоночник — полное дийа; 9) за

ампутацию молочной железы — половина дийа, обеих — полное; 10) за ампутацию половых органов мужчины — полное дийа; 11) за увечье, повлекшее психическое заболевание, — полное дийа; 12) за повреждение, повлекшее потерю обоняния — полное дийа. [11, с. 156; 17, с. 157; 7, с. 148]

О разновидности наказаний дийа и особенностях их применения в Бухарском эмирате свидетельствуют многочисленные исторические документы. Например, А. Мухторов пишет, что замена кровной мести дийа по обычаям, существующим в Бухарском эмирате, была слишком высока, и имущие люди старались наложить указанную сумму дийа на народ как налоги, что иногда приветствовалось правителями. [21, с. 122–131] О применении многочисленных видов наказаний и особенностях их применения говорится и в других исторических и историко-правовых исследованиях. [2, с. 56; 5, с. 174–182; 14, с. 379–382; 16, с. 273–279]

Но на практике в некоторых местностях из-за сильного влияния обычаев местных народов применялись и такие меры, которые частично не соответствовали или же противоречили мусульманским правовым нормам. Например, на Памире и в некоторых горных регионах Таджикистана нормы обычного права регулировали и определенные правовые отношения, в том числе преступные деяния, за которые санкции определены Кораном и Сунной. Так, по нормам обычного права в качестве хунбахо (дийа) родные убийцы давали землю родственникам или наследникам убитого. Эта земля оставалась во владении последних в течение 10–15 лет, и доходами, полученными от данной земли, покрывалась сумма дийа. Но убийца все это время сторонился родственников потерпевшего. [20, с. 34, 12. 50]

В Бухарском эмирате практически только самый близкий человек, как отец, мать, сын, дочь, брат, сестра и жена, имел право прощать вину преступника или требовать возмездия. Это поддерживалось и правителями, и судьями. [1, с. 82]

Исправительные наказания считаются другим видом наказаний этой категории, которые применяются в мусульманском уголовном праве. В качестве наказания, имеющего исправительный характер, в основном представители разных правовых школ предлагают применять лишение свободы и наказание в виде ударов плетью. Они предлагают эти наказания с целью ужесточения уголовных наказаний. По этому поводу маликиты считают, что независимо от того, получили наследники потерпевшего дийа или нет, надо применять и эти наказания в качестве дополнительного наказания. Сторонники других правовых школ полагают, что исправительные наказания можно применять за совершение преступления категории кисас только за умышленное убийство сына отцом, мусульманином — немусульманина, раба — господином или свободным. [25, с. 96]

Другим видом наказания категорий «кисас» и «дийа» является каффара — искупление. В Коране о применении каффара за неосторожное убийство говорится таким образом:

«...И для того, кто верного по ошибке убьет —
Рабу, уверившему (в Бога), дать свободу...
А кто (раба на выкуп) не найдет,
Тому назначен пост — два месяца отряда,
Как покаяние перед Аллахом.
Поистине, Аллах Всезнающ, мудр!».
[18, с. 112]

Из содержания приведенного аята становится ясно, что каффара применяется в качестве основного и заменяющего наказания за совершение неосторожного убийства. Коран устанавливает, что для искупления вины можно верного раба освободить из рабства у его господина и дать ему свободу. Если виновный не найдет такого раба и не сможет выполнить указанное в Коране, то может два месяца непрерывно держать пост с целью покаяния перед Аллахом.

По мнению некоторых исследователей, «каффара как мера принуждения применяется в качестве альтернативного к дийа

и означает иные формы вины (компенсации), являющиеся последствием негативных поступков виновного». [24, с. 177]

В теории мусульманского права представители всех правовых школ единодушны по поводу освобождения раба и соблюдения поста два месяца непрерывно за совершение неосторожного убийства. Однако мнения представителей правовых школ мусульманского права по поводу применения рассматриваемого наказания за умышленное убийство расходятся. Только шафиитская правовая школа допускает применение такого наказания за совершение умышленного убийства.

Как акцессорное наказание за совершение этой категории преступления также

применяется лишение права на наследство и завещание. Оно применяется в случае, если причиной смерти наследодателя становится наследник. Согласно мусульманскому уголовному праву такого наследника лишают права на наследование и завещание. Этот вид наказания применяется, согласно Хадисам Пророка Мухаммеда, который говорит: «Убийца не наследует». [25, с. 98]. Однако, кроме шафиитской, другие правовые школы единодушно полагают, что если убийство совершается по праву (кисас), то наследник имеет права на наследство и завещание.

Литература:

1. Абдулов А. М. Пенитенциарная система Таджикистана (вторая половина XIX — XX вв.). Ч. 1 / А.М. Абдулов. — Душанбе : Ирфон, 2003. — 116 с.
2. Наршахи Абубакр Мухаммад ибн Джафар. Таърихи Бухоро. = [История Бухары] / Абубакр Мухаммад ибн Джафар Наршахи. — Душанбе, 1979. — 80 с. (На тадж. яз.).
3. Авесто: Кухантарин сурудаҳои Эрони бостон = [Авеста: Старинные гимны древнего Ирана] / гузориш ва пажухиши Чалили Дустхон. — Душанбе : Конуният, 2001. — 792 с. — (На тадж. яз.).
4. Авеста. Избранные гимны / пер. с авестийск. и коммент. проф. И.М. Стеблин – Каменского. — Душанбе: Адиб, 1990. — 176 с.
5. Айни С. Бухара. Воспоминания: в 2-х кн. Кн. 2 / С. Айни. — Душанбе, 1980. — 260 с.
6. Азизов У. А. Становление и развитие институтов преступления и наказания на территории дореволюционного Таджикистана: монография / У.А. Азизов. — Душанбе, 2014. — 200 с.
7. Азизов У. А. Эволюция институтов преступления и наказания на территории исторического и современного Таджикистана: историко-правовое исследование: монография. / У.А. Азизов [отв. ред. Ф.Т. Тахиров]. — Душанбе: Изд-во «Андалеб-Р», 2015. — 368 с.
8. Азизов У. А. Понятие и признаки преступления и наказания в мусульманском уголовном праве / У.А. Азизов // Вестник Педагогического университета им. С. Айни. — Душанбе, 2013. — № 6 (55), ч. 2. — С. 64–68.
9. Амин Саид Хасан. Таърихи ҳуқуқи Эрон. = [История права Ирана] / Саид Хасан Амин. — Тегеран, 1386 х. / 2008. — (На перс.яз.).
10. Апресян Р. Г. Талион и золотое правило: критический анализ сопряженных контекстов / Р.Г. Апресян // Вопросы философии. — 2001. — № 3. — С. 69–76.
11. Артемов В. Ю. Основные институты мусульманского уголовного права: дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.01 / Артемов Владислав Юрьевич. — М., 2008. — 178 с.
12. Буриев И. Б. История государства и права Таджикистана. Т. 1, ч. 1–2 (от древнейших времен до начала XX века) / И.Б. Буриев. — Душанбе: Ирфон, 2007. — 244 с.
13. Буриев И. Б. Действие мусульманского права в дореволюционном Таджикистане (VIII — начало XX вв.) / И.Б. Буриев. — Душанбе, 1999. — 199 с.

14. Гафуров Б. Г. История таджикского народа в кратком изложении. Т. 1: С древнейших времен до Великой Октябрьской революции / Б.Г. Гафуров. — 3-е изд., испр. и доп. — М., 1955. — 544 с.
15. Елаян Г. Ф. Основы мусульманского уголовного права / Г.Ф. Елаян. — Махачкала, 2002.
16. Ишанов А. И. История государства и права Узбекистана: учебник для студентов юрид. учеб. заведений. Ч. 1 / А.И. Ишанов. — Ташкент : Укитувчи, 1965. — 345 с.
17. Керимов Г. М. Шариат: Закон жизни мусульман / Г.М. Керимов. — СПб.: Диля, 1999. — 512 с.
18. Коран. Перевод смыслов и комментарии Валерии Пороховой. — Тегеран, 2004. — 815 с.
19. Косвен М. О. Очерки истории первобытной культуры / М.О. Косвен. — 2-е изд. — М.: Изд-во АН СССР, 1953. — 216 с.
20. Мухиддинов И. М. Особенности традиционного земледельческого хозяйства памирских народностей в XIX–XX вв. / И.М. Мухиддинов. — Душанбе : Дониш, 1984. — 196 с.
21. Мухторов А. Хисор. Очерки таърихи (охири асри XV — ибтидои асри XX). Кит. 1. = [Гиссар. Исторический очерк (конец XV — начало XX вв.). Кн. 1.] / А. Мухторов. — Душанбе, 1995. — 143 с.
22. Назаров А. К. Уголовно-правовые нормы Корана и хадисов и их классификация по институтам уголовного права / А.К. Назаров. — Душанбе: Дакики, 2014. — 207 с.
23. Рази Хашим. Авеста / Хашим Рази. — Тегеран: Изд-во «Бехджд», 1379 х. / 2000. — 321 с. (На перс.яз.).
24. Саидов З. А. Действия норм шариата в Бухарском эмирате / З.А. Саидов. — Душанбе: Ирфон, 2014.
25. Халил Хикмат Хусейн. Система наказаний по мусульманскому уголовному праву: дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.08 / Халил Хикмат Хусейн. — Махачкала, 2008. — 174 с.
26. Хрестоматия по истории Древнего Востока: учеб.пособие: в 2 ч. / под ред. М.А. Коростовцева, И.С. Кацнельсона, В.И. Кузицина. — М., 1980. — Ч. 2.

Конституционное правосудие**ОСНОВНЫЕ АСПЕКТЫ СУДЕБНОЙ ЗАЩИТЫ КАК ГАРАНТИИ ОБЕСПЕЧЕНИЯ ПРАВА НА ДОСТУП К КУЛЬТУРНЫМ ЦЕННОСТЯМ****Тарасова А. В.,**

аспирант кафедры теории государства и права, конституционного права Российского экономического университета имени Г. В. Плеханова.

E-mail: anyatarasova1991@gmail.com**Научная специальность:** 12.00.02 — конституционное право, муниципальное право, конституционное судопроизводство**Научный руководитель:** Павленко Е. М., кандидат юридических наук, доцент**Рецензент:** Диноршоев Азиз Мусоевич, доктор юридических наук, профессор

Аннотация: Статья посвящена анализу юридических гарантий конституционного права на доступ к культурным ценностям в рамках конституционного, административного, уголовного и гражданского законодательства Российской Федерации.

Ключевые слова: конституционные гарантии, юридические гарантии, право на доступ к культурным ценностям, судебные механизмы защиты, суд.

THE MAIN ASPECTS OF THE JUDICIAL PROTECTION AS GUARENTEE OF ENSURING THE RIGTH TO ACCESS TO CULTURAL VALUES**Tarasova A. V.,**

Postgraduate student of the Department of Theory of State and Law, Constitutional law of Plekhanov Russian University of Economics

Scientific specialty: 12.00.02 — constitutional law, municipal law, constitutional proceeding**Research supervisor:** Pavlenko E. M., Candidate of Legal Sciences, Assistant Professor**Reviewer:** Dinorshoev Aziz Musoevich, Doctor of Legal Sciences, Professor

Annotation: The article is devoted to analysis of legal guarantees of the constitutional right to access to cultural values within the constitutional, administrative, criminal and civil legislation of the Russian Federation.

Keywords: constitutional guarantees, legal guarantees, the right to access to cultural values, judicial mechanisms of protection, court.

Права и свободы человека являются высшей ценностью любого демократического государства современного мира. Согласно ч. 1. ст. 17 Конституции РФ «в Рос-

сийской Федерации признаются и гарантируются права и свободы человека и гражданина согласно общепризнанным принципам и нормам международного права и в соответствии с настоящей Конституцией».

Гарантированность государственной защиты прав и свобод личности непосредственно вытекает из обязанности государства признавать, соблюдать и защищать права и свободы человека и гражданина.

До настоящего времени вопрос гарантий прав и свобод является одной из немногих тем, не теряющих своей актуальности на протяжении уже нескольких десятилетий. Исследованию гарантий прав человека посвящены работы ведущих ученых-правоведов в Российской Федерации (С. А. Авакьяна, С. С. Алексеева, Ф. М. Рудинского, Н. И. Матузова, Л. Д. Воеводина, Н. В. Витрука, О. Е. Кутафина) и в Республике Таджикистан (А. М. Диноршоева, Б. С. Сафарова, Р. Ш. Сатывалдыева и многих других).

Основываясь на обширной теоретической базе, разработанной советскими и российскими юристами, автор данной статьи определяет гарантии прав и свобод личности как совокупность созданных государством принципов, условий и средств, обеспечивающих реализацию и защиту демократических прав и свобод всех граждан данного общества.

Классификация гарантий прав и свобод может быть проведена по нескольким основаниям: международно-правовые и внутригосударственные, общие и специальные, прямые и косвенные, государственные и общественные гарантии, однако особое место в системе гарантий права на доступ к культурным ценностям занимают специальные юридические гарантии — правовые средства обеспечения прав и свобод граждан. [3]

Несомненно, одной из важнейших юридических гарантий является право на судебную защиту, закрепленное в п. 1 ст. 46 Конституции РФ. Судебная защита как гарантия означает, с одной стороны, право лица подать жалобу в соответствующий суд и, с другой стороны, обязанность последнего рассмотреть эту жалобу и принять по ней законное и обоснованное решение. В процессе судебного рассмотрения жалоб могут быть предусмотрены особые способы воздействия на исполнительные

органы, поэтому с помощью судебного порядка преодолеваются бюрократизм и иные негативные действия чиновников.

Одним из высших федеральных органов судебной власти является Конституционный Суд Российской Федерации — судебный орган конституционного контроля, самостоятельно и независимо осуществляющий судебную власть посредством конституционного судопроизводства.

Практика Конституционного Суда РФ в области культурных прав человека не так обширна, однако, выступает отправной точкой в установлении основных гарантий защиты прав и свобод человека в области культуры.

Одним из показательных примеров является Определение Конституционного Суда РФ от 15.07.2010 N 931-О-О «По жалобе гражданки Андроновой Ольги Олеговны на нарушение ее конституционных прав положениями статей 39 и 40 Градостроительного кодекса Российской Федерации, статьи 13 Закона Санкт-Петербурга «О градостроительной деятельности в Санкт-Петербурге», статей 7 и 8 Закона Санкт-Петербурга «О порядке организации и проведения публичных слушаний и информирования населения при осуществлении градостроительной деятельности в Санкт-Петербурге». Фабула обращения Андроновой О. О. в Конституционный Суд Российской Федерации связана с предполагаемым строительством небоскреба «Охта-Центр» высотой 396 метров в северной столице России, который мог кардинально изменить внешний исторический облик города, и, как следствие, привести к исключению Санкт-Петербурга из числа городов, включенных ЮНЕСКО в объекты всемирного наследия. Одним из оспариваемых заявителем пунктов был отказ Российской Федерации от исполнения соответствующих международных обязательств, что могло привести к нарушению гарантированного Конституцией Российской Федерации права на доступ к культурным ценностям. Несмотря на то, что Конституционный Суд РФ вынес отказное определение, он указал, что при осуществлении права на доступ к культурным

ценностям охране должны подлежать не только сами памятники, но и все ценные градоформирующие объекты, включая «природный ландшафт и соотношение между различными городскими пространствами». Именно эта позиция ранее активно оспаривалась городскими властями и застройщиками «Охта-центра», заявляющими, что башня строится за пределами охранной зоны исторического центра и никаким образом не повлияет на внешний облик города. Таким образом, вынесенное Конституционным судом определение дало основание в дальнейшем оспаривать строительство «Охта-Центра» по новым основаниям в судах общей юрисдикции.

Анализируя приведенный судебный прецедент, автор настоящей статьи приходит к выводу, что правовыми позициями Конституционного Суда РФ не только корректируются действующие нормы права, но и закладываются основы будущего регулирования судебной защиты прав и свобод граждан, призванные адекватно отразить положения Конституции Российской Федерации.

Особое место в системе механизма защиты права на доступ к культурным ценностям занимает режим охраны культурных ценностей на основе административных норм.

В соответствии с Конституцией Российской Федерации административное и административно-процессуальное законодательство (в том числе и в сфере сохранения, использования и охраны культурных ценностей и объектов культурного наследия) находится в совместном ведении Российской Федерации и ее субъектов. Основная тенденция административного законодательства в области охраны культурного наследия выражается в установлении материально высоких административных наказаний и передаче основного массива дел об административных правонарушениях на рассмотрение в районные суды. В настоящий момент Кодекс об административных правонарушениях Российской Федерации содержит 13 составов административных правонарушений, связанных с защитой и

охраной культурных ценностей и объектов культурного наследия, а именно статьи 7.13–7.16 и ст. 7.33 КоАП РФ. За совершение правонарушений, предусмотренных указанными статьями, Кодекс об административных правонарушениях Российской Федерации в качестве основного наказания устанавливает административный штраф. Лишь ст. 7.15 КоАП РФ «Ведение археологических разведок или раскопок без разрешения» предусматривает в качестве дополнительного наказания конфискацию предметов, добытых в результате раскопок, а также инструментов и оборудования, использованных для разведок или раскопок. Следует отметить, что размеры административных штрафов, определенных Кодексом об Административных правонарушениях Российской Федерации, являются материально высокими в виду вредоносности последствий правонарушений в области культуры для всего населения Российской Федерации. Полагаем необходимым согласиться с мнением А. Н. Панфилова, который отмечает, что большая разница между нижним и верхним пределами штрафа является недопустимой, поскольку создает возможность субъективного усмотрения правоприменителя. [4, с. 1103]

Проведение эффективной государственной политики в области защиты культурных ценностей предполагает широкое использование инструментов правового воздействия, в том числе и уголовно-правового механизма обеспечения.

Действующее уголовное законодательство Российской Федерации выделяет следующие виды преступных деяний, посягающих на культурные ценности: хищение предметов, имеющих особую ценность (ст. 164 УК РФ); невозвращение на территорию Российской Федерации предметов художественного, исторического и археологического достояния народов Российской Федерации и зарубежных стран (ст. 190 УК РФ); незаконное перемещение через таможенную границу Таможенного союза в рамках ЕвразЭС либо Государственную границу Российской Федерации с государствами — членами Таможенного

союза в рамках ЕвразЭС культурных ценностей в крупном размере (ст. 226.1 УК РФ); уничтожение или повреждение памятников истории и культуры (ст. 243 УК РФ); нарушение требований сохранения или использования объектов культурного наследия (памятников истории и культуры) народов Российской Федерации, включенных в единый государственный реестр объектов культурного наследия (памятников истории и культуры) народов Российской Федерации, либо выявленных объектов культурного наследия (ст. 243.1 УК РФ); незаконные поиск и (или) изъятие археологических предметов из мест залегания (ст. 243.2 УК РФ); уклонение исполнителя земляных, строительных, мелиоративных, хозяйственных или иных работ либо археологических полевых работ, осуществляемых на основании разрешения (открытого листа), от обязательной передачи государству обнаруженных при проведении таких работ предметов, имеющих особую культурную ценность, или культурных ценностей в крупном размере (ст. 243.3 УК РФ).

Отличительной особенностью вышеперечисленных преступлений является отсутствие единообразного понимания предмета преступных посягательств. Автору данной статьи видится верным мнение Н. Дзасоховой, утверждающей, что отсутствие на сегодняшний день согласованного между юристами и искусствоведами четкого и единообразного критерия «особой ценности» похищаемого предмета при определенных условиях может поставить под вопрос судебную перспективу уголовных дел, оконченных предварительным следствием и направленных в суд. [2, с.12]

Культурные ценности представляют собой объекты не только духовного, но и материального мира. С утверждением в Российской Федерации рыночной экономики неуклонно увеличивается разнообразие видов экономической деятельности, связанной с культурными ценностями: договоры купли-продажи на антикварном рынке, инвестиционные проекты, обеспечения исполнения обязательств, банкротство

и прочее. [1, с. 16] Интерес к капиталовложениям в предметы искусства растет с каждым годом. В этих условиях в арбитражных судах закономерно увеличивается число исковых заявлений, предметом которых являются культурные ценности.

Одной из категорий исков, затрагивающих права, связанные с культурными ценностями, является банкротство коммерческих юридических лиц, которые были собственниками культурных объектов. В настоящее время в банковской сфере становится все более популярным создание так называемых «корпоративных коллекций» — объектов инвестиций, «банковских капиталовложений» в искусство (картины, скульптуры, иконы и прочее). При банкротстве таких юридических лиц возникает определенная коллизия общественных интересов (сохранение коллекции) и законных интересов кредиторов (максимальная выгода при продаже). Так, в результате банкротства небольшого столичного банка «Московский Капитал» Российская Федерация столкнулась с риском лишиться нескольких десятков объектов историко-культурного наследия, которые должны были быть переданы в счет уплаты долга оффшорной компании. Дабы не допустить утрату столь ценных объектов для Российской Федерации, в спорную ситуацию пришлось вмешаться Федеральному агентству по управлению государственным имуществом.

В заключение автор хотел бы отметить, что с каждым годом количество споров вокруг культурных ценностей, права на доступ к ним неуклонно возрастает, и традиционный механизм их разрешения — судебный порядок — является одной из наиболее эффективных форм их урегулирования. Проведенный автором статьи анализ норм конституционного, гражданского, административного и уголовного законодательства показал, что суды всех уровней, несмотря на имеющиеся недостатки, уже в современных условиях формирования институтов гражданского общества в России являются эффективным правовым средством защиты и обеспечения прав, свобод и законных интересов граждан.

Литература:

1. Александров А. А. Формирование правового режима культурных ценностей и потребности мировой экономики: теория и правоприменительная практика // Вопросы экономики и права, 2014. — № 2. — С. 16–23.
2. Дзасохова Н. Этот рынок сродни музею // Полиция России, 2014. — № 12. — С. 12–15.
3. Диноршоев А. М. Реализация конституционных прав и свобод человека и гражданина по Конституции Республики Таджикистан. — Душанбе 2015. — 144 с.
4. Панфилов А. Н. Административная ответственность за правонарушения в сфере охраны объектов культурного наследия в Российской Федерации // Административное и муниципальное право, 2013. — №12. — С. 1097–1105.

Актуальные проблемы основ конституционного строя. Государственное строительство.

**ПРАВОВАЯ ПРИРОДА ПОСЛАНИЯ ПРЕЗИДЕНТА РЕСПУБЛИКИ
ТАДЖИКИСТАН**

Диноршоев А. М.,
заведующий кафедрой конституционного
права юридического факультета Таджикского
национального университета, доктор юриди-
ческих наук.
E-mail: dinorshoev@gmail.com

Научная специальность: 12.00.02 — конституционное право, муниципальное право,
конституционное судопроизводство

Аннотация: В данной статье автор изучает правовую природу послания Президента Республики Таджикистан. На основе обобщения научной литературы автор определяет понятие и характерные признаки послания Президента парламенту страны.

Ключевые слова: Президент, парламент, послание, признаки, полномочия.

**LEGAL NATURE OF THE ADDRESS OF THE PRESIDENT OF THE REPUBLIC
OF TAJIKISTAN**

Dinorshoev A. M.,
Head of the Department of Constitutional Law of
the
Law Faculty, Tajik National University, Doctor of
Legal Sciences

Scientific specialty: 12.00.02 — Constitutional law, municipal law, constitutional proceeding

Annotation: In this article the author examines the legal nature of the address of the President of the Republic of Tajikistan. On the basis of summarizing the scientific literature the author defines the concept and the characteristics of the address of the President to the Parliament of the country.

Keywords: President, Parliament, the message, signs, powers.

Одним из важнейших институтов современной государственности является институт посланий главы государства парламенту страны. Данный институт предусмотрен в Конституциях большинства стран мира. Институт посланий Президента выступает в качестве связующего звена между главой государства и представительными органами государства и

определяет основные направления развития государства в правотворческой, политической, экономической, социальной, духовной и идеологической сфере. Посредством посланий также реализуется важнейший принцип правового и демократического государства — принцип разделения властей, так как послание главы

государства выступает в качестве основного элемента в системе сдержек и противовесов.

Конституция Республики Таджикистан в статье 55 закрепляет положение, в соответствии с которым Президент Республики Таджикистан на совместном заседании Маджлиси милли и Маджлиси намояндагон выступает с посланием об основных направлениях внутренней и внешней политики республики. Данная норма тесно связана с положениями статей 6 и 69 Конституции Республики Таджикистан, в соответствии с которыми Президент, Маджлиси милли и Маджлиси намояндагон Маджлиси Оли Республики Таджикистана на совместных заседаниях имеют право выступать от имени всего народа Таджикистана, Президент представляет Таджикистан внутри страны и в международных отношениях. Таким образом, ежегодные послания Президента Республики Таджикистан являются важнейшими документами, определяющими развитие страны.

В этой связи возникает вопрос о правовой природе посланий Президента. В данной статье мы рассмотрим понятие, характерные черты и свойства посланий Президента.

В юридической литературе относительно указанных нами вопросов существуют различные точки зрения. Так, в различных словарях под посланием понимают «письменное обращение государственного деятеля (или общественной организации) к другому (или к другой организации) по какому-нибудь важному государственному, политическому вопросу». [15, с. 54]

Среди ученых также существуют различные подходы к определению понятия послание Президента. Так, Н. Ф. Земченков указывает, что «послания являются конституционным актом, позволяющим Президенту намечать основные параметры государственного строительства на среднесрочную перспективу, проводить свою линию». [4, с. 268] В свою очередь,

Е. А. Тихон определяет послание Президента как политико-правовой и государственно-политический акт. Далее он указывает, что «Конституция РФ не определяет статус ежегодного президентского послания и не наделяет его обязательной силой, а лишь упоминает его как основание для совместного заседания палат парламента. Однако практика показывает, что оно носит характер установочного документа как для органов власти и их должностных лиц, так и для общества в целом и каждого человека в частности». [14, с. 34–36] Ф. П. Васильев указывает, что «Президентские послания, затрагивают различные сферы жизни страны, по своей сути являются целостными актами управления. Глава государства в своих посланиях, с одной стороны, обращается к государственным служащим, к исполнительным и законодательным ветвям власти, и даже правоохранительным органам, и одновременно — ко всему народу страны». [4, с. 163]

С. Сапаргалиев, определяя природу посланий Президента Казахстана, указывает, что они относятся к документам идейно-научного характера. В частности, он указывает: «Правовое, демократическое, социальное и светское государство зиждется на веками выработанных общечеловеческих идеях и взглядах. Эти идеи применительно к условиям государства должны найти свое воплощение в программах, концепциях, получить официальное признание и затем служить идейно-теоретической основой практической деятельности соответствующих государственных органов. Поскольку Президент определяет основные направления внутренней и внешней политики государства, в соответствии с Конституцией он выполняет и идеологическую функцию, поэтому Конституция и законы предоставляют ему право принимать документы, определяющие идейно-научную основу деятельности государства. [11, с. 311]

В. И. Кузнецов, обобщив множество формулировок, пришел к выводу, что

послания Президента представляют собой «конституционное полномочие» [12, с. 20] президента, «вид деятельности», [1, с. 21] «средство президентской политики», [5 с. 10] «политико-правовые документы» стратегического назначения, [2, с. 32–41] «акты («жанры») политической коммуникации», [10, с. 4] посредством которых глава государства, осуществляя политическое руководство, обращается к парламенту, государственным органам власти, населению, где рассматриваются вопросы о положении дел в стране, обозначается официальная позиция по отношению к наиболее актуальным проблемам, предлагается свое понимание политической реальности, способы решения проблем, определяется политический курс и основные направления внутренней и внешней. [6, с. 95]

В свою очередь, Т. С. Ляtifова отмечает, что послание к парламенту, являясь конституционной обязанностью Президента, носит регулярный, систематический характер, но не является нормативным предписанием. Реализация положений послания происходит путем принятия нормативных правовых актов по обозначенным Президентом направлениям в подзаконных актах, направленных на выполнение поручений главы государства. [7, с. 163]

Как видно из изложенных точек зрения, в юридической науке нет единого подхода к определению понятия и правовой природы посланий Президента. При этом следует согласиться с тем, что президентские послания имеют огромное значение, поскольку являются не только отражением позиции Президента по всем направлениям государственного развития, внешней и внутренней политики, законотворческой деятельности парламента, но и единственными президентскими актами, отражающими стратегию Президента страны по осуществлению государственно-управленческой деятельности. [3, с. 38–42] Также в Посланиях Президента указываются насущные проблемы общества и указываются пути их

решения. [7, с. 164] Именно посредством посланий происходит восприятие государственной власти гражданами, приходит понимание осуществляемых политических, социально-экономических преобразований и поддержка установленного Президентом страны государственного курса. [7, с. 164]

Также следует согласиться с высказанной в научной литературе точкой зрения о том, что в большинстве постсоветских государствах послания президента специфичны по сравнению с подобными документами в странах с устоявшейся конституционной системой. [10, с. 434] Данная характерная особенность выражается в том, что в своих посланиях президенты постсоветских государств не только обрисовывают основные ориентиры развития страны, но и включают новые, для многих еще непривычные конституционные ценности. Можно констатировать, что послания позволяют бороться за утверждение конституционных начал, а также обеспечивают политическое просвещение народа. [7, с. 164]

В этой связи среди ученых все больше сторонников приобретает идея о правовом закреплении послания Президента. Так, Г. А. Грищенко указывает, что для устранения неопределенности в вопросе о юридической силе посланий главы государства целесообразно принять специальный закон, регламентирующий правовой статус послания Президента, сроки реализации содержащихся в нем наставлений, их структуру, способы и порядок реагирования на них парламента. [2, с. 32–41]

Для определения правовой природы послания Президента важное значение имеет определение его признаков и функций.

О. Т. Сериков, анализируя характерные признаки посланий Президента, в частности, указывает:

– послания Президента исходят от государства и являются официальным выражением государственной воли;

– не имеют четко выраженной общеобязательности, однако ни у кого не вызывает сомнений, что для государственных органов любое Послание Президента является прямым руководством к действиям, как и для всего народа;

– выражаются в установленной и признаваемой государством форме. [13, с. 118]

В свою очередь, В. И. Кузнецов указывает на следующие признаки, характерные для послания Президента:

– послания Президента обладают обязательностью для исполнительной власти и носят рекомендательный характер для законодательной власти;

– послания Президента имеют направляющую роль по отношению ко всей государственной политике;

– послания Президента носят персонафицированный характер, то есть зависят от личности человека, выполняющего функции главы государства в конкретный исторический момент времени;

– послание Президента имеет высокую степень концептуальности, т. е. в нем сформулирован политический курс, который отвечает качествам целостности, системности, последовательности и преемственности, т. е. по сути является концепцией. [6, с. 95–98]

Рассматривая вопросы основных признаков послания Президента на примере Республики Таджикистан, мы можем сформулировать следующие характерные признаки послания Президента Республики Таджикистан:

Во-первых, послания Президента Республики Таджикистан являются основной формой выражения государственной воли и определяют вектор развития государства. Послания Президента Республики Таджикистан определяют стратегические цели и задачи развития государства, которые реализуются координацией деятельности всех ветвей власти на всех уровнях, разработкой правотворческой политики государства, определением экономических, социальных и духовных потребностей общества и государства.

Во-вторых, послания Президента Республики Таджикистан имеют концептуальное значение. Президент Республики Таджикистан обладает широким кругом полномочий, и его деятельность затрагивает практически все сферы жизнедеятельности государства и общества. Как показывает анализ содержания посланий Президента Республики Таджикистан, в них затрагиваются актуальные вопросы политического устройства, развитие экономики и предпринимательской деятельности, вопросы трудовой миграции, социального обеспечения, духовного и нравственного развития молодежи, семьи, и т. д. Помимо этого, в посланиях содержатся философические размышления на темы взаимоотношений личности и государства, свободы, справедливости, нравственности и т. д. [6, с. 96] Тем самым, Президент Республики Таджикистан, затрагивая указанные вопросы, выводит их на концептуальный уровень, в результате чего государственные органы предпринимают конкретные шаги для решения указанных в послании Президента вопросов.

В-третьих, послания Президента Республики Таджикистан в силу правового положения Президента Республики Таджикистан являются обязательными для исполнения органами государственной власти. В частности, в посланиях Президента определяются вопросы законотворческой деятельности парламента. В данном контексте следует согласиться с мнением ряда специалистов о том, что послание Президента, будучи конституционным актом, содержащим ряд правовых принципов, на основе которых позднее создаются соответствующие нормативные акты, можно признать одним из видов источников формирования права в стране и ее правотворческой политики в частности. [8, с. 305–306] Это объясняется тем, что именно Президент определяет основные направления правовой политики в стране, систему наиболее приоритетных целей и задач в области правового регулирования,

а также необходимые способы их решения. Конституционное сотрудничество с главой государства по реализации ежегодных посланий является главным основанием планирования законодательной деятельности парламента. [8, с. 305–306] Также Президент Республики Таджикистан, будучи главой исполнительной власти, определяет в своих посланиях приоритетные начала деятельности Правительства и всей системы органов исполнительной власти. Исходя из этого, положения, содержащиеся в послании Президента, являются обязательными для исполнения органами исполнительной власти.

На основании всего вышеизложенного мы можем следующим образом определить правовую природу посланий Президента Республики Таджикистан:

Во-первых, послание Президента является конституционным актом, так как его основу закладывает конституционная норма.

Во-вторых, послание Президента является его полномочием и одной из форм реализации его деятельности. Данное положение базируется на том, что Президент определяет внутреннюю и внешнюю политику государства и именно в послании определяется вектор этих отношений.

В-третьих, послание Президента является политико-идеологическим документом, в котором определяются основные конституционные ценности государства, формируется правовая культура и правосознание общества и тем самым за-

кладывается фундамент для создания благоприятных условий для жизнедеятельности граждан страны.

В-четвертых, послание Президента является прогностическим актом, в котором закладываются краткосрочные и среднесрочные перспективы развития страны в различных сферах, в частности, правотворческой, экономической, социальной и духовной.

В-пятых, послание Президента является программным документом, т. е. послание не содержит правил поведения (установление прав, обязанностей и запретов). В посланиях есть только общая характеристика отдельных действующих норм, а также изложение представлений главы государства о том, какие нормы должны быть приняты в будущем.

В-шестых, послание Президента, несмотря на программный характер, является обязательным к исполнению со стороны органов государственной власти. Данный признак вытекает из содержания посланий, в которых определяются конкретные задачи для органов государственной власти.

Исходя из этого, мы можем дать следующее определение посланию Президента — это конституционный акт, содержащий позицию Президента по основным вопросам государственной политики страны, правотворческой деятельности, развития экономической, социальной и духовной сферы в стране в краткосрочной и среднесрочной перспективах и имеющий обязательный характер для органов государственной власти.

Литература:

1. Голощапов А. М. Конституционные основы становления государственно-правовой стратегии: Автореф. дис. ...канд. юрид. наук. — М., 2004.
2. Грищенко Г. А. Институт посланий Президента Российской Федерации в механизме легитимации государственной власти // Российский юридический журнал. — 2011. — № 6.
3. Дугенец А. С., Бережкова Н. Ф. Этические нормы в посланиях Президента России /Административное право и процесс. — 2013. — № 4.
4. Земченков Н. Ф. Послания Президента Российской Федерации Федеральному Собранию РФ как стимул правовой реформы (Проблемный комментарий) / Известия Южного Федерального университета. Технические науки. 2004. — № 4.

5. Касимов Р. В. Государственная политика Президента в условиях модернизации российской политической системы: федеративный аспект: автореферат дис. ... канд. полит. наук. — М., 2011.
6. Кузнецов В. И. Послания Президента РФ Федеральному собранию как форма выражения политического курса развития страны. Вестник МГОУ. Серия «История и политические науки». — 2014. — № 2.
7. Лятифова Т. С. Повышение эффективности исполнения государственных функций путем реализации посланий Президента России / Пробелы в российском законодательстве. — 2013. — № 3.
8. Мазуренко А. П. Роль посланий законодательным органам власти и иных документов концептуального характера в формировании правотворческой политики / Юридическая техника. — 2012. — № 6.
9. Митрохина Т. Н. Политическая повестка дня для России в официальном дискурсе власти // Власть. — 2012. — № 5.
10. Научно-практический комментарий к Конституции Российской Федерации / Отв. ред. В.В. Лазарев. 2-е изд., доп. и перераб. — М., 2001.
11. Сапаргалиев Г. Конституционное право Республики Казахстан: Академический курс. — Алматы, 2005.
12. Суворов В. Н. Конституционный статус Президента Российской Федерации: Автореферат дис. ...канд. юрид. наук. — М., 2000.
13. Сериков О. Т. Роль Конституции Республики Казахстан и Ежегодных Посланий главы государства народу страны в правовом регулировании экологических отношений. Вестник АГТУ. — 2010. — № 1 (49).
14. Тихон Е. А. Послания Президента РФ Федеральному Собранию как политико-правовой акт, определяющий стратегию России в области прав человека / Конституционное и муниципальное право. — 2007. — № 16. — С. 34–36.
15. Чудинов А. П. Политическая лингвистика. — М., 2012. — С. 54.

РЕФЕРЕНДУМ КАК ВАЖНЕЙШАЯ ФОРМА НАРОДОВЛАСТИЯ В РТ**Гадоев Б. С.,**

доцент кафедры конституционного права юридического факультета Таджикского национального университета, кандидат юридических наук.

E-mail: burhonidin@mail.ru**Научная специальность:** 12.00.02 — Конституционное право, муниципальное право, конституционное судопроизводство**Рецензент:** Диноршоев Азиз Мусоевич, доктор юридических наук, профессор

Аннотация: Референдум как одна из важнейших форм прямой демократии в правовой науке рассматривается в качестве важного механизма формирования правового государства, достижения консенсуса между различными политическими силами и движениями. В данной статье автором с использованием специальной юридической литературы анализируются вопросы, связанные с институтом референдума как важнейшей формы народовластия, а также определяется роль и значение референдума в системе институтов непосредственной демократии.

Ключевые слова: конституция, непосредственная демократия, народовластие, всенародное обсуждение, референдум, комиссия по выборам и референдумам, голосование, конституционная комиссия.

REFERENDUM AS THE MAIN FORM OF DEMOCRACY IN TAJIKISTAN**Gadoev B. S.,**

Assistance Professor of the Department of Constitutional Law of the Law Faculty, Tajik National University, Candidate of legal sciences

Scientific specialty: 12.00.02 — Constitutional law, municipal law, constitutional proceeding**Reviewer:** Dinorshoev Aziz Musoevich, Doctor of Legal Sciences, Professor

Annotation: The referendum, as one of the most important forms of direct democracy, in legal science is considered as an important mechanism of the formation of the legal state, to achieve consensus among the various political forces and movements. In this article the author with using the special legal literature examines issues related to the institution of the referendum as an important form of direct democracy, as well as the role and importance of the referendum in the institutions of direct democracy.

Keywords: the Constitution, direct democracy, democracy, public discussion, referendum, commission on elections and referendum, voting, the constitutional commission.

Референдум — одна из важнейших форм прямой демократии. В принципе, он имеет преимущества перед представительной демократией, когда избранные народом (избирателями) органы опосредованно выражают волю

народа. Постановление избирателей, принятое путем голосования на решающем общегосударственном референдуме, имеет силу закона, а иногда и большую силу, чем закон парла-

мента. Это объясняется правовой силой решений, принятых на референдуме, так как, согласно Закону «О референдуме Республики Таджикистан», [1, № 12. Ст. 245] изменение либо отмена решения, принятого референдумом, производится только референдумом. Парламент не вправе вносить какие-либо изменения или дополнения к волеизъявлению народа, выраженного на референдуме.

В условиях правового государства референдумы следует проводить по важнейшим законопроектам и вопросам общегосударственного и местного значения. Именно в этом и заключается смысл референдума, что народ непосредственно выступает законодателем по наиболее важным законопроектам.

По мнению некоторых юристов, «обязательная передача» заранее определенных категорий законопроектов на так называемый обязательный референдум принизила бы роль парламента как подлинно представительного полномочного органа государственной власти. Но эти опасения представляются необоснованными, так как в соответствии с принципом народного суверенитета народ является верховным законодателем.

Институт референдума по законопроектам может быть использован и в том случае, если между палатами парламента возникнут разногласия.

Важное значение среди прав народа имеют право инициативы, право обсуждения, право голосования по законопроектам и иным вопросам, имеющим принципиальное значение для государства и отдельных его административно-территориальных единиц. Эти права выражают суверенитет народа [2, с. 20.] в области законодательной деятельности государственных органов. Тем самым народ может непосредственно определять деятельность высших и местных представительных органов, а также юридические основы управленческой деятельности государственных органов.

Роль и значение референдума в системе институтов непосредственной демократии определяются следующим:

Во-первых, путем референдума народ непосредственно выступает как верховный законодатель, санкционирующий важнейшие общеобязательные правовые нормы для всех государственных органов, должностных лиц и граждан, прямое народное законодательство вытекает из принципа народного суверенитета.

Во-вторых, референдумы будут способствовать дальнейшему развитию правосознания народа. Законы должны отражать не только назревшие потребности экономического развития, но и соответствовать политическим, правовым и моральным воззрениям и убеждениям народа. Законы, принятые народным голосованием, будут полнее отражать степень политической зрелости и культуры народа.

В-третьих, референдумы являются одной из важнейших форм выражения и развития общественного мнения. Положительное общественное мнение, сложившееся вокруг данного законопроекта, придает нормативному акту высокий авторитет и создает моральные стимулы и гарантии для его добровольного и добросовестного выполнения гражданами.

В-четвертых, референдумы способствуют наиболее полному осуществлению социальной функции народа — общественного контроля за деятельностью высших и местных представительных органов, повышению ответственности депутатов перед избирателями. Поскольку на референдумах дается императивная общественная оценка законопроектов, это обязывает высшие и местные представительные органы и их депутатов совершенствовать свою законодательную, нормотворческую деятельность.

В-пятых, институт референдума содействует развитию общественного интереса народа к государственным и общественным делам, усилению влияния и воздействия граждан на политическую, хозяйственную и культурную жизнь страны, так как по этим вопросам прежде всего будут проводиться народные голосования.

В-шестых, референдум является важным способом участия граждан в управлении государственными и общественными

делами, реализации их конституционных прав и свобод.

В правовом аспекте референдум означает принадлежность законодательной власти не только парламентам, но и народу непосредственно. При наличии референдумов законодательствование нельзя рассматривать как исключительную прерогативу парламента.

В связи с этим было бы правильным считать, что законодательная деятельность в Республике Таджикистан осуществляется не только Маджлиси Оли, но и непосредственно самим народом путем проведения референдума.

Конституционно-правовой институт референдума полностью соответствует природе представительных органов. Референдумы отнюдь не делают представительную систему излишней, а, напротив, предполагают ее. В области законодательной деятельности за представительными органами сохраняются вопросы права. В частности, принятие решения о проведении референдума, разработка законопроектов, вносимых на референдум, опубликование законопроектов, принятых народным голосованием, контроль за исполнением законов и ряд других полномочий всецело сохраняются за парламентами. Кроме того референдумы не исключают собственную законодательную деятельность представительных органов. [3, с. 38] Наряду с этим функции парламента отнюдь не сводятся лишь к нормотворческой деятельности, так как парламентарии обязаны выполнять также ряд полномочий в области распорядительной и контрольной деятельности.

Референдумы не принижают авторитет и ответственность высших и местных представительных органов и депутатов. Напротив, благодаря референдумам будет достигнута еще большая демократизация деятельности высших и местных представительных органов, возрастает их ответственность перед народом за всю свою деятельность. Иная точка зрения на соотношение референдума и парламента изложена в западной юридической литературе, со-

гласно которой система инициативы и референдума ведет к ослаблению индивидуального чувства ответственности депутатов «за принятие или непринятие актов, ибо при действии инициативы и референдума избиратели всегда могут исправить любое нарушение их воли». [2, с. 21]

Считается, что решение, принятое путем референдума, не следует отменять обычным или иным законом, принятым парламентом, хотя это и случается. В данном случае речь идет о последствиях референдума, имеющего не консультативный, а решающий характер, ибо консультативный референдум правовых последствий в принципе не порождает.

Практически речь идет, во-первых, о юридической силе акта, принятого путем референдума, в сравнении с юридической силой акта, принятого государственным или самоуправленческим органом. Когда имеется в виду конституция, проблем не возникает, поскольку она, независимо от способов ее принятия, обладает наивысшей юридической силой, по крайней мере, среди актов национального законодательства. Но когда имеется в виду, скажем, обычный закон, то вполне уместно спросить: обладает ли закон, принятый на факультативном референдуме, более высокой юридической силой, чем закон, принятый парламентом?

Надо сказать, что в конституциях и текущем законодательстве четкого ответа на этот вопрос мы зачастую не находим. По логике мы должны признать, что в случае расхождений между законом, принятым парламентом, и законом, утвержденным на референдуме, при условии, что оба не противоречат конституции, приоритет следует отдать второму закону.

Во-вторых, речь идет о возможности или невозможности изменения либо отмены закона, утвержденного или принятого на референдуме, обычным парламентским путем. Например, Венгерский закон, предусматривающий возможность общенационального референдума, в частности, для утверждения как принятых Государственным собранием законов, так и принципов

будущих законов, устанавливает, что решения, принятые на референдуме, обязательны для Государственного собрания. Отсюда следует, что закон, принятый Государственным собранием и вынесенный на референдум, но не одобренный избирателями, вступить в силу не может. Это понятно, как и то, что принимая закон, основные принципы которого утверждены референдумом, Государственное собрание не может отклониться от этих принципов. Но ответа на вопрос мы все же из этих норм вывести не можем. [4, с. 443]

По логике, опять же, надо признать, что закон, принятый или утвержденный избирателями, только ими может быть отменен или заменен.

Значения использования референдума при принятии конституции могут быть различными. Одно дело, когда референдум проводится для утверждения конституции, гласно разработанной и принятой парламентом или учредительным собранием, и другое — когда народу предлагается высказаться по проекту, подготовленному келейно в недрах правительственных структур. Очевидно, что освящение на референдуме акта, принятого парламентом или учредительным собранием, отвечает требованиям демократии, если референдум проводится в спокойной обстановке, без одностороннего давления на избирателей. Так были проведены референдумы по двум конституционным проектам во Французской Четвертой Республике в 1946 году (первый проект избиратели отклонили). Референдумами были утверждены выработанные учредительными собраниями или парламентами конституции Италии — 1947 года, Португалии — 1976 года, Испании — 1978 года, Румынии — 1991 года и многие другие.

Оценивая роль и значение референдумов в жизни общества, следует иметь в виду их не только политические, правовые, но и морально-политические последствия для деятельности государственных органов власти и управления, становления и развития институтов «прямой» демократии. Обращение властей к мнению народа и его

учет в процессе управления или реформирования общества, как правило, ведет к укреплению правопорядка и стабильности в государстве и служит гарантом от произвола, волюнтаристских и скороспелых субъективистских решений. В то же время участие граждан в референдумах способствует повышению их общественно-политической активности, формированию политической культуры. Эти качества позволили гражданам Республики Таджикистан 6 ноября 1994 года путем референдума большинством голосов принять Конституцию Республики Таджикистан. А также с целью обеспечения мира, заключения Общего соглашения об установлении мира и национального согласия в Республике Таджикистан 26 сентября 1999 года был проведен референдум по вопросу внесения изменений и дополнений в Конституцию Республики Таджикистан. Народ Республики Таджикистан, учитывая огромное значение этого референдума, большинством голосов поддержал это предложение.

22 июня 2003 г. в Таджикистане был проведен конституционный референдум. Поправки в Конституцию затрагивали права граждан в сфере здравоохранения и образования, полномочия Парламента, судебную систему Таджикистана и в основном редактирование нормы Основного Закона страны. [5, с. 443]

Маджлиси намояндагон (нижняя палата парламента) Таджикистана 10.02.2016 г. после получения заключения Конституционного суда утвердил проект поправок, которые намеревается внести путем всенародного референдума в Конституцию Таджикистана.

Маджлиси намояндагон объявил и дату проведения всенародного референдума по принятию поправок в Конституцию Таджикистана — 22 мая 2016 г.

Текст проекта изменений и дополнений в Конституцию РТ после назначения референдума был опубликован в СМИ. В проекте предусмотрены сорок изменений и дополнений. В проекте поправок в Консти-

тую республике предусмотрено исключение из ее текста понятия «Основной закон».

Кроме того будут внесены поправки в статью 28 Конституции, касающуюся создания политических партий. Из данной статьи планируется исключить право граждан на создание политических партий религиозного, националистического и атеистического характера. Согласно планируемым поправкам будет установлен единый возрастной ценз как для кандидатов в депутаты Маджлиси намояндагон, так и для членов Маджлиси милли Маджлиси Оли РТ, а также судей Верховного суда, Конституционного суда, Высшего экономического суда Таджикистана — 30 лет.

В 24 поправке в статью 65 предлагается внести следующее изменение и дополнение: часть вторую статьи изложить в следующей редакции: «Кандидатом на пост Президента Республики Таджикистан может быть выдвинуто лицо не моложе 30 лет, имеющее только гражданство Республики Таджикистан, высшее образование, владеющее государственным языком и проживающее на территории республики не менее последних 10 лет»; а также предлагается дополнение пятой части следующим содержанием: «Ограничение, предусмотренное в части четвертой данной статьи, не распространяется на Основателя мира и национального единства — Лидера нации. Правовой статус и полномочия Основателя мира

и национального единства — Лидера нации определяются конституционным законом».

Предложенные поправки также предусматривают упразднение Совета юстиции Таджикистана. Следует сказать, что поправки послужат укреплению конституционного строя в стране, защите прав и свобод граждан, обеспечению верховенства закона.

Следует отметить, что сторонники демократии исходят из того, что реформирование общества, изменение политического курса требуют их одобрения большинством населения, так как в противном случае политические группы решили бы эти проблемы не лучшим образом. В демократическом, правовом государстве референдумы органически входят в механизм реализации народовластия, выражения воли большинства граждан путем голосования или учета общественного мнения при разработке правовых норм, принятии управленческих решений.

И в конце хотим сказать, что формирование таджикской государственности идет сегодня по пути построения правового, демократического государства, расширения прав граждан, развития самоуправления. Институт референдума рассматривается в качестве важного механизма формирования правового государства, достижения консенсуса между различными политическими силами и движениями.

Литература:

1. О референдуме Республики Таджикистан: Конституционный Закон Республики Таджикистан // Ахбори Маджлиси Оли Республики Таджикистан. — Душанбе, 1995. — № 12. — Ст. 245.
2. Сафаров Р. А. Институт референдума в условиях общенародного государства // Советское государство и право. — 1963. — № 6. — С. 15–25.
3. Фарберов Н. П. Развитие советской демократии в период развернутого строительства коммунизма. — М.: Госюриздат, 1960. — 64 с.
4. Конституционное (государственное) право зарубежных стран: В 4 т. Том 1–4. Часть общая: Учебник / Отв. Ред. Проф. Б.А. Страшун — 3-е изд., обновл. и дораб. — М., 1999. — 784 с.
5. Конституция (Основной закон) Республики Таджикистан. — Душанбе, 2003. — 83 с.

ПРЕЗИДЕНТ РЕСПУБЛИКИ ТАДЖИКИСТАН КАК ГАРАНТ ОБЕСПЕЧЕНИЯ КОНСТИТУЦИОННОГО ПРАВА НА ПРЕДПРИНИМАТЕЛЬСКУЮ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ

Салохидинова С. М.,

ассистент кафедры конституционного права юридического факультета Таджикского национального университета.

E-mail: simo_s@mail.ru

Научная специальность: 12.00.02 — конституционное право, муниципальное право, конституционный судебный процесс

Научный руководитель: Диноршоев А. М., доктор юридических наук, профессор

Рецензент: Сангинов Д. Ш., кандидат юридических наук, доцент

Аннотация: Для реализации права на предпринимательскую деятельность необходима нормативная база, а также осуществление организационных мер, обеспечивающих реализацию государственной политики в этой сфере. В этой связи важное место отводится Президенту Республики Таджикистан как гаранту прав и свобод человека и гражданина. В статье изучаются различные аспекты деятельности Президента в данном направлении.

Ключевые слова: Конституция, Президент, права человека, предпринимательская деятельность, гарантии.

THE PRESIDENT OF THE REPUBLIC OF TAJIKISTAN AS A GUARANTEE OF ENSURING THE CONSTITUTIONAL RIGHT TO ENTREPRENEURIAL ACTIVITY

Salokhidinova S. M.,

Junior lecturer of the Department of Constitutional law of the Law Faculty, Tajik National University

Scientific specialty: 12.00.02 — constitutional law, municipal law, constitutional proceeding

Research supervisor: Dinorshoev A. M., Doctor of Legal Sciences, Professor

Reviewer: Sanginov D. Sh., Candidate of Legal Sciences, Assistant Professor

Annotation: For the implementation of the right to entrepreneurial activity is need the formation of the necessary regulatory framework, as well as the creation of specialized institutions to support to ensure the implementation of state policy in this area. In this regard, an important place is given to the President of the Republic of Tajikistan as a guarantor of the rights and freedoms of man and citizen. The article deals with the various aspects of the President's activity in this direction.

Keywords: Constitution, the President, human rights, entrepreneurship, guarantees.

Права и свободы как важнейшие человеческие ценности признаются всеми современными демократическими государствами. Однако для их реализации недоста-

точно официального признания, необходимо наличие определенных условий и средств для того, чтобы человек мог в полной мере реализовать предоставленные ему

права и свободы, т. е. необходимы определенные гарантии. Каждое право только тогда может быть реализовано, когда ему соответствует чья-то обязанность его обеспечения. В сущности, гарантии и есть обязанности, применительно к конституционным правам и свободам — это обязанность государства. [1, с. 294] Верно и то, что гарантии прав и свобод не всегда связаны с обязанностью государства, поскольку государство не реализует предоставленные права и свободы вместо самой личности, оно создает условия для того, чтобы личность сама реализовывала их. [3, с. 253] Государство лишь дает личности законную возможность пользоваться всеми провозглашенными правами и свободами.

Конституция как Основной Закон государства, имеющая высшую юридическую силу и прямое действие, должна реально регулировать общественные отношения и оказывать непосредственное воздействие на всю систему органов государственной власти, поэтому одним из принципов, на которых основываются провозглашенные Конституцией права и свободы, является их гарантированность. Гарантированность является важной особенностью конституционных прав и свобод. Это положение вытекает из содержания статьи 17 Конституции РТ, в соответствии с которой государство гарантирует права и свободы каждого, независимо от его национальности, расы, пола, языка, вероисповедания, политических убеждений, образования, социального и имущественного положения.

Гарантии вбирают в себя все стороны реализации прав и свобод человека и гражданина, поэтому их изучение дает возможность увидеть все недостатки, противоречия, пробелы, которые имеются в правовом регулировании общественных отношений. Кроме того, гарантии прав человека охватывают всю совокупность объективных и субъективных факторов, которые направлены на полную реализацию и всестороннюю охрану прав и свобод, на устранение возможных причин и препятствий их неполного осуществления. Хотя эти факторы

весьма разнообразны, они выступают в качестве условий, средств, способов, приемов и методов правильного осуществления процесса реализации прав и свобод. [5, с. 34] В этом и проявляется основное предназначение гарантий, обеспечивающих возможность для реализации всего комплекса прав и свобод человека и гражданина, а также их вывода с теоретической плоскости в практическую.

В экономических реалиях современного мира предпринимательская деятельность является необходимым элементом рыночных отношений. В связи с этим гарантии конституционного права на предпринимательскую деятельность обеспечивают возможность для полноценного осуществления данной деятельности, тем самым определяя пути дальнейшего развития всей экономики страны. Поэтому вопрос о гарантиях конституционного права на предпринимательскую деятельность является весьма актуальным, тем более на этапе формирования правового и социального государства с рыночной экономикой, каким является современный Таджикистан. Как отмечает А. М. Диноршоев, закрепляя в ст. 12 Конституции РТ свободу экономической и предпринимательской деятельности, государство возложило на себя ряд обязанностей, что обусловило необходимость установления и законодательного закрепления перечня юридических гарантий для обеспечения данного права в положениях Конституции РТ и текущего законодательства РТ. [2, с. 144]

Как было отмечено выше, в Конституции РТ права и свободы человека и гражданина признаются непосредственно действующими и определяют цели, содержание и применение законов, деятельность законодательной, исполнительной и местной властей, органов местного самоуправления и обеспечиваются судебной властью (ч. 2 ст. 14). Из данной конституционной нормы вытекает обязанность государства обеспечивать и создавать эффективные механизмы реализации и защиты прав и свобод, которая осуществляется посредством создания и деятельности органов государственной

власти. В этой связи можно сделать вывод, что конституционные нормы, учреждающие различные органы государственной власти, составляют отдельную группу конституционных гарантий права на предпринимательскую деятельность.

В этой системе особое место отведено Президенту РТ. Согласно статье 64 Конституции РТ Президент является гарантом Конституции, законов, прав и свобод человека и гражданина. В целях реализации этой функции Конституция РТ наделяет Президента определенными полномочиями как организационного, так и процедурного характера, необходимого для принятия мер, гарантирующих осуществление конституционного права на предпринимательскую деятельность. В частности, Конституция РТ наделяет Президента правом отменять или приостанавливать действие актов органов исполнительной власти в случае их противоречия Конституции и законам страны (п. 6 ст. 69). Президент также обладает правом законодательной инициативы, правом издавать акты, направленные на охрану и защиту прав и свобод и т. д.

Статус Президента как гаранта прав и свобод человека и гражданина в значительной степени определяется его местом в системе разделения властей, поскольку как глава государства и исполнительной власти он свои полномочия реализует, воздействуя на другие ветви власти, в частности, посредством формирования государственных органов, назначения и освобождения от должности некоторых категорий должностных лиц и др. В этом смысле можно сказать, что полномочия Президента, способствующие обеспечению и реализации прав и свобод человека и гражданина, состоят не только из конкретных его правомочий (решение вопросов гражданства, предоставление политического убежища, помилование, награждение граждан), а складываются из совокупности всех его правомочий (право выступать от имени народа, гарант Конституции и законов, национальной независимости, единства и территориальной целостности республики, соблюдения междуна-

родных договоров Таджикистана, определение основных направлений внутренней и внешней политики государства и др.).

В силу особого конституционного статуса Президента граждане обращаются к нему фактически по всем основным вопросам жизнедеятельности общества. Президентская почта самая обширная, только в период 2009–2012 годов в адрес Главы государства поступили 23 519 письменных обращений по различным вопросам, в том числе в сфере обеспечения и защиты права на предпринимательскую деятельность. Так, в адрес Главы государства за 2009–2012 годы поступили 520 письменных обращений о выделении земельного участка для организации дехканского хозяйства, 28 жалоб на действия (бездействия) сотрудников Налоговой службы, 9 жалоб на действия (бездействия) сотрудников Таможенной службы, 757 обращений по различным вопросам экономического характера. В целях рассмотрения поступивших обращений в структуре Исполнительного аппарата Президента РТ функционирует Сектор обращений и приема граждан. Для работы с обращениями граждан и принятия соответствующих мер Сектор вправе запрашивать и получать в установленном порядке от органов исполнительной власти, предприятий и учреждений необходимую информацию; осуществлять по поручению Президента РТ проверку деятельности министерств и ведомств, местных органов исполнительной власти по вопросам, входящим в компетенцию Сектора, и ряд других полномочий. Поступающие жалобы и обращения, в зависимости от предметной принадлежности, отправляются на рассмотрение соответствующим государственным органам для дачи заключения, объяснения и ответа адресатам жалоб. [6, с. 40–44, 152–160]

В целях регулирования предпринимательской деятельности Президентом страны был принят ряд таких указов, как Указ Президента РТ от 8.04.1996 года, № 459 «О государственной поддержке малого предпринимательства», Указ Президента РТ от 25.07.2008 года, № 496 «Об

объявлении моратория на все виды проверок субъектов малого и среднего предпринимательства», Указ Президента РТ от 30.09.2011 года, № 1146 «Об объявлении моратория на все виды проверок субъектов предпринимательства в сферах производства».

Важное значение в обеспечении и реализации конституционного права на предпринимательскую деятельность имеют ежегодные послания Президента РТ Парламенту страны (Маджлиси Оли РТ), в которых Президент как глава государства дает оценку состоянию дел во всех сферах общественной жизни, подводит итоги достигнутому и определяет дальнейшие пути развития страны, ставит цели, на достижение которых должна быть направлена деятельность всех государственных институтов в этой сфере.

В своих ежегодных посланиях Президент РТ указывает на важность и приоритетность предпринимательской деятельности в проводимой государством политике. Также в Посланиях Президента РТ особое внимание уделяется проводимым экономическим реформам в стране, принятию мер, направленных на поддержку и развитие экономики, в частности, развитие промышленного сектора экономики и другие.

Решение экономических задач государством порождает необходимость в создании определенных условий, обеспечивающих свободу личности в экономической сфере. Данную задачу можно решить лишь путем совершенствования институтов государственной власти посредством проведения административных реформ (в частности, устранением бюрократических процедур), а также разработки и реализации антикоррупционных мер.

Именно на решение указанных задач обращает пристальное внимание Президент страны в своих ежегодных посланиях. В частности, в Послании Президента РТ Парламенту страны 2016 года было сказано, что Правительство страны должно использовать все имеющиеся ресурсы и возможности для осуществления дополнительных

мер по сохранению поступательного экономического роста, эффективности государственного управления, реализации целевой финансовой политики, полному и своевременному выполнению социальных обязательств государства, развитию различных сфер, особенно производственных отраслей, а также продвижению реформы в направлении поддержки предпринимательства и инвестирования. Также были обозначены некоторые проблемы в сфере экономики, решению которых государство будет придавать первостепенное значение. В частности, необходимо упростить и сделать прозрачным порядок регулирования предпринимательской деятельности и устранить административные барьеры, повысить конкурентоспособность национальной экономики посредством эффективного использования имеющихся ресурсов, потенциала и других возможностей, развитие энергетики как одного из приоритетных и важнейших направлений экономики страны, дальнейшее развитие промышленной сферы и как следствие — повышение производственного потенциала страны. [3]

Подводя итог, следует отметить важную роль, которую занимает Президент Республики Таджикистан в вопросе обеспечения права на предпринимательскую деятельность. Будучи гарантом прав и свобод человека и гражданина, Президент Республики Таджикистан способствует их реализации. Роль Президента страны в гарантировании конституционного права на предпринимательскую деятельность видится в следующем: Президент своими действиями и решениями создает условия, обеспечивающие возможность для наиболее полного осуществления конституционного права на предпринимательскую деятельность на практике.

Эффективность действия системы условий и средств, обеспечивающих реализацию конституционного права на предпринимательскую деятельность, можно оценить, рассмотрев объективные показатели развития предпринимательства в Таджикистане. Так, согласно официальным данным, на сегодняшний день в стране зарегистри-

рованы 32 205 юридических лиц, 386 представительств и филиалов иностранных юридических лиц и 236 352 индивидуальных предпринимателей. Этот показатель

позволяет сделать вывод о том, что предпринимательская деятельность в Республике Таджикистан приобретает все большее значение для развития экономики государства.

Литература:

1. Баглай М. В. Конституционное право Российской Федерации. — С. 294.
2. Диноршоев А. М. Реализация конституционных прав и свобод человека и гражданина по Конституции Республики Таджикистан. — Душанбе, 2015. — 144 с.
3. Имомов А. Конституционное право Республики Таджикистан (на тадж. яз). — Душанбе, 2012. — С. 253.
4. Послание Президента Республики Таджикистан Маджлиси Оли Республики Таджикистан. 20.01.2015. <http://www.prezident.tj/ru/>: (дата обращения 10.02.2016 г.).
5. Россия в поисках стратегии: общество и власть / под ред. Г.В. Осипова, В.К. Левашова, В.В. Суходеева. — М.: Зерцало, 2000. — С. 34.
6. Саидов И. Х. Конституционное право граждан на обращение и его реализация в Республике Таджикистан. — М., 2014. — С. 40–44, 152–160.

Государственное управление и местное самоуправление**КОНСТИТУЦИОННЫЕ ОСНОВЫ ОРГАНИЗАЦИИ И ДЕЯТЕЛЬНОСТИ
МЕСТНЫХ СТРУКТУР ЦЕНТРАЛЬНЫХ ИСПОЛНИТЕЛЬНЫХ ОРГАНОВ ГОС-
УДАРСТВЕННОЙ ВЛАСТИ****Кодиров Дж. Ш.,**старший преподаватель кафедры конституци-
онного права юридического факультета Та-
джикского национального университета.E-mail: jurabek0376@mail.ru**Научная специальность:** 12.00.02 — конституционное право, муниципальное право,
конституционный судебный процесс**Научный руководитель:** Диноршоев А. М., доктор юридических наук, профессор**Рецензент:** Джамshedов Дж. Н., кандидат юридических наук, доцент**THE CONSTITUTIONAL BASIS OF THE ORGANIZATION AND ACTIVITIES
OF THE LOCAL STRUCTURES OF THE CENTRAL EXECUTIVE BODIES OF
STATE POWER****Qodirov J. Sh.,**Senior Lecturer of the Department of Constitu-
tional Law of the Law Faculty, Tajik National Uni-
versity**Scientific specialty:** 12.00.02 — constitutional law, municipal law, constitutional proceeding**Research supervisor:** Dinorshoev A. M., Doctor of Legal Sciences, Professor**Reviewer:** Jamshedov J. N., Candidate of Legal Sciences, Assistant Professor

Аннотация: Определение структуры местных исполнительных органов государственной власти на данный момент является одной из актуальных проблем государственного строительства в Республике Таджикистан. От решения данной проблемы на прямую зависит эффективность осуществления местными исполнительными органами государственной власти своих задач и функций.

Ключевые слова: структура, местные органы исполнительной власти, Конституция, органы государственной власти.

Annotation: The definition of the structure of local executive bodies of state power at the present moment is one of the urgent problems of state building in the Republic of Tajikistan. Froms the solution of this problem are directly dependent efficiency tasks and functions of the local executive bodies.

Keywords: structure, local bodies of executive power, the Constitution, the bodies of state power.

Структура (от лат. *Structura* — строение, расположение, порядок) — основная характеристика системы, ее инвариантный аспект. Структура отражает совокупность устойчивых связей объекта, обеспечивающих сохранение его основных свойств при различных внешних и внутренних изменениях, обозначает суть упорядоченных и взаимообусловленных связей между элементами системы исполнительных органов государственной власти.

Российский ученый Агалов К. В. рассматривает структуру органов исполнительной власти в трех аспектах: функциональном, организационном и как определенная система ориентации действий исполнительной власти. [2. с. 1] В монографии «Исполнительная власть в Российской Федерации: проблемы развития» понятие «система» раскрывается через структуру составляющих ее организационных и функциональных элементов. Система есть результат объединения структурных и образующих ее единиц в единстве и целостности. [5. с. 2] Д. Н. Бахрах под структурой понимает «строение и внутреннюю организацию системы, выступающей как единство устойчивых взаимосвязей между ее элементами» и выделяет «два компонента — строение и совокупность элементов в системе отношений между ними». [4. с. 2]

В юридической науке существует и другое понимание структуры как внутреннего подразделения органа и распределения функций между отдельными его частями (управлениями, отделами, отделениями, секторами и т. д.). [3. с. 2]

Украинским ученым В. Б. Аверьяновым подробно рассмотрены термин «организационная структура органа управления» и его отличие от таких терминов, как «структура органа управления», «структура системы управления», «структура управления». [1. с. 2]

Определение структуры местных исполнительных органов государственной власти на данный момент является одной из актуальных проблем государственного строительства в Республике Таджикистан.

От решения данной проблемы на прямую зависит эффективность осуществления местными исполнительными органами государственной власти своих задач и функций.

Структура местных исполнительных органов государственной власти является достаточно объемным и сложным понятием, поскольку они учреждаются по многогранному аспектам исполнительной деятельности местных органов государственной власти. Исходя из данной концепции, структура местных исполнительных органов государственной власти включает в себя следующие подсистемы: формальная (организационная) структура; неформальная структура (структура межличностных контактов рабочих органа); функциональная структура (состав и соподчиненность функций органов управления); квалификационная структура (уровень профессиональной подготовки служащих); информационная структура и т. п. [7. с. 2]

Юридическую науку интересует прежде всего организационная структура местных органов исполнительной власти, в которой раскрывается внутреннее устройство органов. [6. с. 3]

Согласно Конституционному Закону Республики Таджикистан «О местных органах государственной власти» структуру местных исполнительных органов государственной власти можно разделить на две группы: **1)** структура местных исполнительных органов государственной власти, подчиненных председателям Горно-Бадахшанской автономной области, области, города Душанбе, города и района — структура местных исполнительных органов, не входящих в структуру и схему управления центральных органов исполнительной власти; **2)** местная структура центральных органов исполнительной власти — единица центральных органов исполнительной власти, которая в соответствующих административно-территориальных единицах в пределах своих полномочий выполняет функции центрального исполнительного органа. Анализ положений Конституционного закона

приводит к выводу, что местные структуры центральных органов исполнительной власти в зависимости от способа финансирования разделены на две группы: 1) финансируемые из местного бюджета и 2) финансируемые из республиканского бюджета.

Для определения порядка назначения на должность и освобождения от должности руководителей местных структур центральных исполнительных органов государственной власти, согласно с Законом Республики Таджикистан от 22 июля 2013 года № 1012 о внесении изменений и дополнений в Конституционный Закон Республики Таджикистан «О местных органах государственной власти», в данный Конституционный Закон была введена статья 20 прим. 1, которая определила порядок назначения на должность и освобождения от должности руководителей местных структур центральных исполнительных органов государственной власти.

Руководители местных структур центральных исполнительных органов государственной власти в Горно-Бадахшанской автономной области, области, городе Душанбе, городе и районе, финансируемых из соответствующего местного бюджета, назначаются на должность и освобождаются от должности председателями Горно-Бадахшанской автономной области, области, города Душанбе, города и района с письменного согласия руководителей центральных исполнительных органов государственной власти, и принятые решения вносятся на утверждение соответствующего Маджлиса народных депутатов.

Руководители местных структур центральных исполнительных органов государственной власти в Горно-Бадахшанской автономной области, области, городе Душанбе, городе и районе, финансируемых из республиканского бюджета, назначаются на должность и освобождаются от должности руководителями центральных исполнительных органов госу-

дарственной власти с письменного согласия председателей Горно-Бадахшанской автономной области, области, города Душанбе, города и района, и принятые решения вносятся на утверждение соответствующего Маджлиса народных депутатов. Указанное положение не применяется к назначению на должность и освобождению от должности руководителей местных структур правоохранительных и военных органов, а также судей и прокуроров, в отношении которых законодательством Республики Таджикистан установлен иной порядок назначения на должность и освобождения от должности.

Порядок рассмотрения вопросов назначения на должность и освобождения от должности руководителей местных структур центральных исполнительных органов государственной власти определяет Правительство Республики Таджикистан.

С целью конкретизации функции по подбору и расстановке кадров, урегулирования процесса назначения на должность и освобождения от должности руководителей местных структур центральных исполнительных органов государственной власти Правительством Республики Таджикистан было принято постановление Правительства Республики Таджикистан от 31 октября 2014 года, № 694 «О порядке назначения на должность и освобождения от должности руководителей местных структур центральных исполнительных органов государственной власти».

Порядок назначения на должность и освобождения от должности руководителей местных структур центральных исполнительных органов государственной власти был разработан в соответствии со статьей 20 прим. 1 Конституционного закона Республики Таджикистан «О местных органах государственной власти» и определяет процедуру рассмотрения вопросов назначения на должность и освобождения от должности руководителей местных структур центральных исполнительных органов государственной власти

в Горно-Бадахшанской автономной области, областях, городе Душанбе, городах и районах.

Действие настоящего порядка не распространяется на процедуру назначения на должность и освобождения от должности руководителей местных структур правоохранительных органов, военных структур, по борьбе с коррупцией, судей, прокуроров, по исполнению наказаний, судебных исполнителей, нотариальных контор, налоговых и таможенных органов. Назначение на должность и освобождение от должности руководителей учреждений и других государственных организаций, предусмотренных в перечне организаций системы центральных исполнительных органов государственной власти, регулируется в соответствии с отраслевым законодательством Республики Таджикистан.

Руководители местных структур центральных исполнительных органов государственной власти, финансируемых за счет местного бюджета, назначаются на должность с письменного согласия руководителей указанных органов соответственно председателями Горно-Бадахшанской автономной области, областей, города Душанбе, городов и районов, и решение об их назначении представляется на утверждение соответствующего Маджлиса народных депутатов.

Руководители местных структур центральных исполнительных органов государственной власти, финансируемые за счет республиканского бюджета, соответственно назначаются на должность руководителями указанных органов с письменного согласия председателей Горно-Бадахшанской автономной области, областей, города Душанбе, городов и районов, и решение об их назначении представляется на утверждение соответствующего Маджлиса народных депутатов.

Назначение на должность руководителей местных структур центральных исполнительных органов государственной власти осуществляется вне конкурса.

Председатели Горно-Бадахшанской автономной области, областей, города Душанбе, городов и районов, руководители центральных исполнительных органов государственной власти выбирают кандидатуру на вакантную административную должность государственной службы из резерва кадров соответствующей должности. В случаях отсутствия кадрового резерва или не соответствия кандидата квалификационным требованиям, представляется другой кандидат. Кандидат должен избираться в рамках законодательства о государственной службе, иметь высшее образование, соответствующий квалификационным требованиям общий стаж и стаж государственной службы и навыки работы с информационно-коммуникационной технологией. Выдвигаемый кандидат соответственно представляет в местный исполнительный орган государственной власти, соответствующий центральный исполнительный орган государственной власти следующие документы: заявление на имя руководителя соответствующего государственного органа; личный листок по учету кадров (с 2-мя фотографиями 4х6); автобиографию; копии документов об образовании; копию трудовой книжки; копию паспорта; справку из соответствующего налогового органа о доходах и материальном положении государственного служащего; медицинскую справку о состоянии здоровья; характеристику с последнего места работы; иные документы, предусмотренные законами и другими нормативными правовыми актами Республики Таджикистан.

Изучение документов и проверка представленной информации кандидата осуществляются соответственно в местном исполнительном органе государственной власти, центральном исполнительном органе государственной власти в порядке, предусмотренном законодательством о государственной службе и отраслевым законодательством, кадровой службой. Председатели Горно-Бадахшанской автономной области, областей, го-

рода Душанбе, городов и районов и их отраслевые заместители проводят собеседование с кандидатом и представляют его документы с разъяснительным письмом и листом собеседования руководителю центрального исполнительного органа государственной власти для получения письменного согласия. Руководители центральных исполнительных органов государственной власти и их отраслевые заместители также проводят собеседование с кандидатом и представляют его документы с разъяснительным письмом и листом собеседования председателям Горно-Бадахшанской автономной области, областей, города Душанбе, городов и районов для получения письменного согласия. Разъяснительное письмо председателей Горно-Бадахшанской автономной области, областей, города Душанбе, городов и районов, руководителей центральных исполнительных органов государственной власти должно иметь информацию об общем трудовом стаже, наличии профессиональных знаний, соответствующих представляемой должности, навыки работы с информационной технологией, управления, руководящую способность, этические качества, инициативность и ответственности представляемого кандидата.

Председатели Горно-Бадахшанской автономной области, областей, города Душанбе, городов и районов, руководители центральных исполнительных органов государственной власти дают свое письменное согласие на назначение на должность предлагаемого кандидата в течение десяти рабочих дней. Если документы кандидата не могут быть рассмотрены председателями Горно-Бадахшанской автономной области, областей, города Душанбе, городов и районов, руководителями центральных исполнительных органов государственной власти в указанный срок по уважительным причинам (болезни, нахождения в трудовом отпуске или в командировке), то они должны оповестить об этом друг друга до окончания

десяти рабочих дней предусмотренного порядка.

Председатели Горно-Бадахшанской автономной области, областей, города Душанбе, городов и районов, руководители центральных исполнительных органов государственной власти в случае несогласия с предлагаемым кандидатом в течение десяти рабочих дней направляют обратно документы кандидата с письмом и обоснованными фактами (несоответствие кандидата квалификационным требованиям и законодательству) соответствующей стороне. В случае обоснованности представленных фактов председателей Горно-Бадахшанской автономной области, областей, города Душанбе, городов и районов, руководителей центральных исполнительных органов государственной власти о несоответствии кандидата квалификационным требованиям и законодательству руководители соответствующих органов обязаны с учетом требований порядка предложить другого кандидата для назначения на должность.

Председатели Горно-Бадахшанской автономной области, областей, города Душанбе, городов и районов, руководители центральных исполнительных органов государственной власти своим решением (распоряжением) в течение 5-ти рабочих дней назначают на должность кандидата, на назначение которого представлено письменное согласие и направляют свое решение (распоряжение) для утверждения в соответствующий Маджлиси народных депутатов.

В порядке назначения на должность и освобождения от должности руководителей местных структур центральных исполнительных органов государственной власти предусмотрен процесс рассмотрения вопросов освобождения от должности руководителей местных структур центральных исполнительных органов государственной власти.

Согласно данному порядку руководители местных структур центральных исполнительных органов государственной власти, финансируемые из местного

бюджета, освобождаются от должности председателями Горно-Бадахшанской автономной области, областей, города Душанбе, городов и районов с письменного согласия руководителей центральных исполнительных органов государственной власти, и решение об их освобождении представляется на утверждение в соответствующий Маджлис народных депутатов. Руководители местных структур центральных исполнительных органов государственной власти, финансируемых из республиканского бюджета, освобождаются от должности руководителями центральных исполнительных органов государственной власти соответственно с письменного согласия председателей Горно-Бадахшанской автономной области, областей, города Душанбе, городов и районов, и решение (распоряжение) об их освобождении представляется на утверждение в соответствующий Маджлис народных депутатов.

Председатели Горно-Бадахшанской автономной области, областей, города Душанбе, городов и районов для освобождения руководителей местных структур центральных исполнительных органов государственной власти обращаются к руководителям центральных органов с официальным письмом. Настоящие требования также распространяются и при освобождении руководителей местных структур указанных органов, руководителями центральных исполнительных органов государственной власти. Руководители центральных исполнительных органов государственной власти, председатели Горно-Бадахшанской автономной области, областей, города Душанбе, городов и районов дают свое письменное согласие на освобождение от должности руководителей местных структур центральных исполнительных органов государственной власти в течение 10 рабочих дней. Председатели Горно-Бадахшанской автономной области, областей, города Душанбе, городов и районов, руководители центральных исполнительных органов государственной власти в случае несогласия с освобождением от должности руководителей мест-

ных структур центральных исполнительных органов государственной власти направляют отказ с обоснованными фактами (с указанием причин несоблюдения требований законодательства при освобождении кандидата от должности) органу, представившему предложение об освобождении от должности.

Председатели Горно-Бадахшанской автономной области, областей, города Душанбе, городов и районов, руководители центральных исполнительных органов государственной власти после получения письменного согласия в течение 5-ти рабочих дней освобождают от должности руководителей местных структур центральных исполнительных органов государственной власти и представляют свое решение (распоряжение) на утверждение в соответствующий Маджлис народных депутатов.

Для освобождения от должности руководителей местных структур центральных исполнительных органов государственной власти применяются основания, предусмотренные Трудовым кодексом Республики Таджикистан, Законом Республики Таджикистан "О государственной службе", Законом Республики Таджикистан "О борьбе с коррупцией" и другими нормативными правовыми актами Республики Таджикистан.

Руководители государственных органов несут персональную ответственность за назначение на должность и освобождение от должности руководителей местных структур центральных исполнительных органов государственной власти в Горно-Бадахшанской автономной области, областях, городе Душанбе, городах и районах. В случае непредставления в предусмотренный период письменного согласия без уважительных причин, а также в случаях не соглашения сторон по вопросам назначения и освобождения руководителей местных структур центральных исполнительных органов государственной власти согласие считается полученным, и соответствующая сторона сообщает об этом Правительство Республики Таджикистан официальным письмом. Споры, возникшие при назначении на

должность и освобождении от должности руководителей местных структур центральных исполнительных органов госу-

дарственной власти, рассматриваются вышестоящими или судебными органами в порядке, установленном законодательством Республики Таджикистан.

Литература:

1. Аверьянов В. Б. Функции и организационная структура органов государственного управления. — М., 1979. — С. 149.
2. Агалов К. В. Система органов исполнительной власти в Российской Федерации: Конституционно-правовые основы. Дисс. на соиск. уч. степени к. ю. н. — Москва, 2003.
3. Диноршоев А., Кодиров Дж. Ш., Марифхонов Р. Н. Административное право Республики Таджикистан. Цикл лекций. — Душанбе, 2014. — 178 с.
4. Бахрах Д. Н. Важные вопросы науки административного права / Государство и право. — 1993 г. — №2. — С. 18.
5. Исполнительная власть в Российской Федерации: проблемы развития / Отв. ред. Бачилло И. Л. — М.: Юристъ, 1998 г. — С. 126–127.
6. Игнатюк Н. А. Как используются понятия «система» и «структура» федеральных органов власти в конституционном законодательстве / Журнал российского права. — 1999 г. — №9. — С. 48.
7. Кодиров Дж. Ш. Структура и порядок формирования местных органов исполнительной власти / Правовая жизнь. — 2014 г. — №1 (05). — С.50–57.

ТАРКИБИ МУРОФИАИ МАЪМУРӢ ТИБҚИ ҚОНУНГУЗОРИИ ҶУМҲУРИИ ТОҶИКИСТОН

СТРУКТУРА АДМИНИСТРАТИВНОГО ПРОЦЕССА ПО ЗАКОНОДАТЕЛЬ- СТВУ РЕСПУБЛИКИ ТАДЖИКИСТАН

Марифхонов Р. Н.,

старший преподаватель кафедры конституци-
онного права юридического факультета Та-
джикского национального университета, кан-
дидат юридических наук.

E-mail: marifhonov_r@mail.ru

Научная специальность: 12.00.14 — административное право, административный процесс

Рецензент: Ойев Х., кандидат юридических наук, доцент

Аннотация: Данная статья посвящена структуре административного процесса в соот-
ветствии с законодательством Республики Таджикистан. В статье дается авторское опреде-
ление структуры административного процесса, приводятся мнения ученых-администрати-
вистов по структуре административного процесса, а также приводится структура админи-
стративного процесса в соответствии с действующим законодательством Республики Та-
джикистан.

Ключевые слова: административный процесс, административная процедура, админи-
стративная юрисдикция, административное производство, исполнительный орган.

THE STRUCTURE OF ADMINISTRATIVE PROCESSES IN THE LEGISLATION OF THE REPUBLIC OF TAJIKISTAN

Marifkhonov R. N.,

Senior Lecturer of the Department of Constitu-
tional Law of the Law Faculty, Tajik National Uni-
versity, Candidate of Legal Sciences

Scientific specialty: 12.00.14 — administrative law, administrative process

Reviewer: Oev H., Candidate of Legal Sciences, Assistant Professor

Annotation: This article deals with the structure of the administrative process in accordance
with the legislation of the Republic of Tajikistan. In the article the author's definition of the struc-
ture of the administrative process is given. It is also given the views of scientists on administrativ-
ity on structure of administrative process, and provides the structure of the administrative process
in accordance with the current legislation of the Republic of Tajikistan.

Keywords: administrative process, administrative procedure, administrative jurisdiction, ad-
ministrative proceeding, the executive body.

Таркиби мурофияи маъмурӣ аз
маҷмӯи истеҳсолоти позитивӣ
(расмиётӣ) ва юрисдиксионӣ иборат
буда, ғаъолияти меъёрҷодкунӣ,
ҳуқуқтат-биққунӣ ва ҳуқуқҳифзқунии

мақомоти ҳокимияти иҷроия ва шах-
сони мансабдори онро дарбар мегирад.
[23, с. 120–121, 147–163] Чунин нуктаи
назар ба назарияи ҳуқуқ ва қонунгузо-
рии муосир ҷавобгӯ буда, аз ҷониби

олимон низ дастгирӣ карда мешавад. [1, с. 392–393; 23, с. 323–324; 6, с. 307; 18, с. 10–24; 8, с. 76–104; 20, с. 100–119] Бовучудиин, ба фикри И. В. Пановава як қатор олимони дигар, батаркиби мурофиаи маъмурӣ на мудҳои истехсолоти маъмурӣ, давраҳои мурофиавии маъмурӣ, инчунин тартиби баррасии парвандаҳои маъмурӣ дохил мешаванд (принсипҳои мурофиавии маъмурӣ, восита ва тарзи амалисозии онҳо). [22, с. 124; 25, с. 177–180]

В. Д. Сорокин пешниҳод дорад, ки ба таркиби мурофиаи маъмурӣ танҳо истехсолоти маъмуриё, ки қонунгузор мустақам кардааст, дохил карда шавад, ба монанди, истехсолот: оид ба қабули санадҳои меъёрии идоракунии давлатӣ; оид ба муроҷиати шаҳрвандон дар соҳаи идоракунии давлатӣ; оид ба шикоят ва баҳсҳои маъмурию ҳуқуқӣ; оид ба парвандаҳои мукофотонӣ; оид ба ҳуқуқвайронкунии маъмурӣ; истехсолоти интизомӣ, бақайдгирӣ, литсензионӣ, истехсолоти иҷро ва ғ. [23, с. 323–324]

М. Я. Масленников ба таркиби мурофиаи маъмурӣ дар қатори истехсолоти маъмурӣ махсус истехсолоти идоракунии (бо фаъолияти созидаи мақомоти идоракунии давлатӣ алоқаманд) ва истехсолот оид ба татбиқи чораҳои маҷбурукунии маъмуриро қайд мекунад. [17, с. 16] Аз рӯи ақидаи Д. Н. Бахрах, истехсолоти маъмурӣ ҳамчун қисмати мурофиаи маъмурӣ-фаъолияти махсуси маъмурӣ оид ба ҳаллу фасли парвандаҳои маъмурӣ дар асоси меъёрҳои умумӣ ва махсуси мурофиавӣ мебошад. [6, с. 307]

Дар навбати худ А. П. Коренев қайд мекунад, ки ҳар як истехсолоти маъмурӣ аз маҷмӯи меъёрҳои иборат мебошад, ки тартиби баррасӣ ва ҳалли ин ё он гурӯҳи парвандаҳои идоракунии монандро танзим мекунад. Бинобар ин, он падидаи мустақили мурофиаи маъмурӣ мебошад. [13, с. 250] Мавсуф намудҳои зерини истехсолоти маъмуриро чудо мекунад, истехсолот: оид ба муроҷиати шаҳрвандон, оид ба парвандаҳои мукофотонӣ, интизомӣ,

оид ба парвандаҳои ҳуқуқвайронкунии маъмурӣ, оиди бо тартиби маъмурӣ талофи намудани зарари моддӣ, оиди ихтироот, навоарӣ ва патент; иҷроӣ қарорҳо оид ба татбиқи ҷазои маъмурӣ. [13, с. 250–251]

Ю. М. Козлов қайд мекард, ки дар фаъолияти амалии мақомоти иҷроия ва шахсони мансабдори он мурофиаи маъмурӣ дар шаклҳои муайян ифода мегардад (намудҳои истехсолот). Дар зери мафҳуми истехсолоти маъмурӣ муаллиф тартиби содири фаъолияти мурофиавии меъёран танзимшударо мефаҳмид, ки баррасӣ, ҳалли қонунӣ ва объективии парвандаҳои инфиродии маъмуриро, ки предмети ягона доранд, таъмин мекунад. Мавсуф бо дарназардошти фаъолияти мурофиавӣ-маъмурии мақомоти идоракунии ва шахсони мансабдори он тамоми истехсолоти маъмурии мавҷудбударо ба ду намуди қалон тақсим мекард: 1) истехсолоти расмиётӣ; 2) истехсолоти юрисдиксионӣ. Ба аломатҳои умумии ин гурӯҳи истехсолотҳо муаллиф инҳоро дохил мекард: тартиби ғайрисудии ҳалли парвандаҳои инфиродӣ; мавҷудияти манбаи ҳокимиятӣ; танзимшавӣ бо меъёрҳои мурофиавӣ-маъмурӣ; муносибатҳо дар соҳаи идоракунии давлатӣ ва принсипҳои мурофиаи маъмурӣ. Мавсуф ба зумраи истехсолоти юрисдиксионӣ, инҳоро номбар кардааст: истехсолот оид ба парвандаҳои ҳуқуқвайронкунии маъмурӣ, истехсолоти интизомӣ; истехсолоти шикоятӣ. Ба сифати намудҳои муҳими истехсолоти расмиётӣ бошад, истехсолоти литсензионӣ-иҷозатдиҳӣ, бақайдгирӣ ва ҳуқуқэҷодкуниро мансуб медедонист. [1, с. 329–330; 4, с. 305]

В. А. Юсупов ба сифати аломати таснифи истехсолоти маъмурӣ пешниҳод менамояд, ки хусусияти функционалии идоракунии ба инобат гирифта шавад. Чунин тамоил ба муаллиф имкон дод, ки таснифи зерини истехсолоти маъмуриро пешниҳод намояд:

1) истехсолоти таъсискунонда (тартиби ташкил, азнавбақайдгирӣ ва

барҳамдиҳии сохтори дастгоҳи мақомоти идоракуни);

2) истехсолот оид ба коркарди санадҳои идоракуни;

3) истехсолот оид ба амалисозии фаъолияти фаврии мақомоти идоракуни (тартиби тақсими функция байни мақомот, байни сохтори дохилӣ ва шахсони мансабдор, ҷобачокунии ҳайати кадрӣ; муайян намудани вазифаҳои муайян, контрол аз болои иҷроиши он; татбиқи чораҳои ҳавасмандгардонӣ ва ғ.);

4) истехсолот оид ба амалисозии фаъолияти бақайдгирӣ (аз ҷониби мақомоти идоракуни шаҳодаткунонии воқеияти ҳуқуқӣ);

5) оид ба тасвибрасонии шартномаҳои маъмури;

6) оид ба баррасии парвандаҳое, ки бо амалисозии ҳуқуқҳои субъективии шахрвандон алоқаманд мебошанд;

7) оид ба ҳалли баҳсҳои маъмури;

8) оид ба татбиқи чораҳои маҷбуркуни дар соҳаи идоракунии давлатӣ. [5, с. 83]

Бояд қайд кард, ки солҳои охир оиди мавҷудияти се шакли фаъолияти мурофиавии маъмури ақида ронда мешавад: - маъмури-ҳуқуқэҷодкуни; маъмури-ҳуқуқмуқарраркунанда ва маъмури-юрисдиксионӣ. [6, с. 306; 22, с. 51] Вале, ба фикри мо, мурофиаи маъмури — категорияи ҳуқуқии ягона ва пурра буда, таркиби он аз намудҳои гуногуни истехсолот иборат мебошад. Дар ни ҷо овардани гуфтори М.Я. Масленникова ба маврид аст: «Истехсолот метавонад зиёд бошад, аммо мурофиаи маъмури ягона аст». [17, с. 16; 27, с. 97]

Дар навбати худ, Д. Н. Бахраҳ дар доираи мурофиаи меъёрэҷодкунии маъмури, истехсолот оид ба қабули санади меъёрии Президент ва мақомоти марказии ҳокимияти иҷроияро қайд намуда, дар доираи мурофиаи ҳуқуқмуқарраркуни истехсолоти зеринро қайд мекунад: ҷобачокунии ҳайати шахсӣ; оид ба хусусигардонии моликияти давлатӣ; оид ба татбиқи чораҳои ҳавасмандгардонӣ нисбат ба субъектони инфиродӣ ва коллективӣ;

оид ба додани иҷозатнома; оид ба бақайдгирӣ; оид ба аттестатсия ва ғ. Дар доираи мурофиаи юрисдиксионии маъмури бошад, истехсолотҳои зеринро қайд мекунад: оид ба шикоятҳои шахрвандон; оид ба парвандаҳои ҳуқуқвайронкунии маъмури; истехсолоти интизомӣ; истехсолоти иҷро; оид ба татбиқи чораҳои пешгирикунӣ маъмури. [6, с. 307–308]

И. В. Панова дар доираи мурофиаи маъмури - меъёрэҷодкуни истехсолоти зеринро қайд мекунад: 1) қабули санади Президент ва Ҳукумат; 2) қабули санадҳои вазоратҳо ва дигар мақомоти ҳокимияти иҷроия; 3) санадҳои дохили дастгоҳии муассисаҳои гуногуни давлатӣ. [22, с. 125–127]

Ҳамин тариқ, аз рӯи аломати асосҳои ҳуқуқӣ ва тибқи қонунгузори амалкунандаи ҚТ таркиби мурофиаи маъмури, аз фаъолияти расмиёти ва юрисдиксионии мақомоти идоракунии давлатӣ ва шахсони мансабдори он иборат аст, ки дар доираи он: истехсолоти расмиёти маъмури ва истехсолоти юрисдиксионии маъмури фарқ карда мешаванд. [9, с. 24–31; 10, с. 89–93; 11, с. 175–178; 12, с. 65–68]

Истехсолоти расмиёти маъмури инҳоянд:

1) истехсолот аз рӯи санадҳои меъёрию ҳуқуқии маъмури (м.м. 13–26 КРМ ҚТ);

2) истехсолот аз рӯи меъёрэҷодкунии маъмури (м.м. 27–71 КРМ ҚТ);

3) истехсолот оид ба санадҳои ҳуқуқии маъмури (идоракуни) ва иҷрои он;

4) истехсолот оид ба иҷозатномадиҳӣ (литсензиякунони);

5) истехсолот оиди бақайдгирӣ ва баҳисобгирии давлатӣ;

6) истехсолот оид ба мукофотонӣ;

7) истехсолот оид ба гузаронидани озмун барои дохилшавӣ ба хидмати давлатӣ;

8) истехсолот оид ба стандартизатсиякунони, баҳодиҳии мутобиқат ва аттестатсия. [19, с. 134–137; 16, с. 63–64]

Истехсолоти юрисдиксионӣ бошад, инҳоянд:

1) истехсолот аз рӯи шикоят ва баҳсҳои маъмурӣ;

2) истехсолот оид ба татбиқсозии чораҳои маҷбурсозии маъмурӣ (огоҳсозӣ ва пешгирӣ), ки ҷазои маъмурӣ маҳсуб намебанд;

3) истехсолоти интизомӣ;

4) истехсолот аз рӯи парвандаҳои ҳуқуқвайронкунии маъ-мурӣ;

5) истехсолоти иҷроии маҷбурии ҳуҷҷатҳои иҷро. [18, с. 300]

Бояд қайд кард, ки тағйиротҳои соҳаҳои охир дар соҳаҳои иқтисодӣ, сиёсӣ ва иҷтимоӣ фарҳангии ҳаёти ҷамъиятӣ бавҷуд омада ноғузир ба низоми ҳуқуқии кишвар низ таъсири худро мегузорад, аз он ҷумла, ба ҳуқуқи мурофиавии маъмурӣ, ки меъёрҳои он нақши иҷтимоӣ доранд.

Гузашта аз ин, дар доираи мутобиқгардии идоракунии давлатӣ ба шароитҳои нави иҷтимоӣ-иқтисодӣ истехсолотҳои маъмурии нав пайдо гардида инкишоф меебанд, мисол, истехсолоти: бақайдгирӣ, литсензионӣ, иҷро, таъсисӣ, хизматӣ, хусусигардонӣ; оид ба тасвирасонии шартномаҳои маъмурӣ, таъмини речаҳои махсуси маъмурӣ-ҳуқуқӣ, стандартизатсия, сертификатсия, аттестатсия, аккредитатсия ва ғ. [3, с. 143–212; 7, с. 545–549; 22, с. 62–111; 25, 271–280] Аз ин рӯ, барои танзими ҳуқуқии истехсолотҳои маъмурӣ, нақши асосиро кодификатсияи меъёрҳои мурофиавии маъмурӣ мебозад. [14; 15; 25; 26]

Бояд қайд кард, ки таркиби мурофиавии маъмурӣ назар ба мурофиаҳои ҷиноятӣ ва ғарабии мураккаб аст. В. Д. Сорокин қайд карда буд, ки тибқи табиати ҳуқуқии мурофиавии маъмурӣ вобаста ба талаботҳои объективии иҷтимоӣ истехсолотҳои нав ба нав ба

вҷуд меоянд, ки пештар ба қонунгузорӣ ва илми ҳуқуқӣ шинос набуданд. Дар навбати худ, истехсолотҳои маъмурие, ки мурофиавии маъмуриро ташкил медиҳанд, алоҳида мавҷуд буда, ба яқдигар тобеъ нестанд. Дигар ҳел гуем, аз рӯи гуфтаи В. Д. Сорокин истехсолоти мурофиавии маъмурӣ ба таври мувоҷиҳ қарор дошта, асосан ба мурофиавии ҷиноятӣ ва ғарабии пайдарпайии мантиқии амалисозии истехсолот хусусиятноқ мебошад. [24, с. 314–319]

Аз ин рӯ, ба фикри мо, ба мурофиавии маъмурӣ ҷунин аломати махсус ҷун динамизм ҳос аст. Ин тамоилҳо алоқаи мустаҳками онро ба самтҳои ғуноғуни ҳаёти ҷамъиятӣ ва давлатӣ, дарҷаҳои баланди мутобиқгарди ба тағйиротҳои, ки дар соҳаҳои идоракунии давлатӣ ба вҷуд меоянд, инҷунин қобилият ба навғонии фавриро нишон медиҳад. Таҳаввулоти мурофиавии маъмурӣ талаб мекунад, ки ба таркиби он истехсолотҳои нав ба вҷуд омада, ки аз як тараф, аз рӯи меъёрҳои умумии мурофиавии маъмурӣ қорқард шудаанд ва аз тарафи дигар, ба табиати ҳуқуқии мурофиавии таъсири ҷавобӣ мерасонанд, дохил қарда шаванд. Ба фикри мо, ана ҳамин хусусият барои азбайн нарафтаи ва инкишофи мазмуни иҷтимоӣ-ҳуқуқии ҳуқуқи мурофиавии маъмурӣ хизмат мерасонад.

Ҳамин тарик, барои танзими пурраи меъёрии таркиби мурофиавии маъмурӣ тибқи қонунғузории Ҷумғурии Тоҷикистон, яъне фаъолияти расмиётӣ ва юрисдиқсионии мақомоти идорақуни давлатӣ ва шаҳсонии мансабдори он бояд кодификатсияи меъёрҳои танзимсозандаи фаъолияти расмиётӣ ва юрисдиқсионии мурофиавии маъмурӣ амалӣ қарда шавад.

Адабиёт:

1. Административное право: Учебник / Под ред. Л.Л. Попова. — М., 2002.
2. Административное право РФ / Отв. ред. Н.Ю. Хаманева. — М., 2004.
3. Административно-процессуальное право: Курс лекций / Под ред. И.Ш. Килияшханова.
4. Алехин А. П., Кармолицкий А. А., Козлов Ю. М. Административное право РФ: Учебник. — М., 1996.

5. Актуальные проблемы административного права России (материалы научно-практической конференции) (выступление В. А. Юсупова) // Государство и право. — 1999. — № 5.
6. Бахрах Д. Н. Административное право России: Учебник для вузов. — М., 2000. — С. 567.
7. Бахрах Д. Н., Россинский Б. В., Стариков Ю. Н. Административное право: Учебник для вузов. — М., 2004. — С. 745.
8. Диноршоев А. М., Кодиров Дж. Ш., Марифхонов Р. Н. Административное право Республики Таджикистан. Душанбе, 2013. — С. 179.
9. Диноршоев А. М. Административная юстиция в Республике Таджикистан: Понятие и этапы развития. / Правовая жизнь. — 2013. — № 4. — 24–31 с.
10. Диноршоев А. М. Административный порядок обжалования как форма защиты прав человека / Вестник педагогического университета. — 2013. — № 6 (55 ч. 2). — 89-93 с.
11. Диноршоев А. М. Административное судопроизводство в Республике Таджикистан как способ защиты прав человека / Юридическая наука: история и современность. — 2013. — №11. — 175–178 с.
12. Диноршоев А. М. Понятие административно-правовой защиты прав человека и формы его реализации в Республике Таджикистан / Административное право и процесс. — 2014. — № 8. — 65–68 с.
13. Коренев А. П. Административное право России: Учебник. В 3 ч. Ч. 1. — М., 2001.
14. Коренев А. П. Кодификация советского административного права. — М., 1970.
15. Костенников М. В. Теоретические проблемы кодификации административного права России. — М., 2000.
16. Марифхонов Р. Н. Проблемы правового регулирования административных процедур в Республике Таджикистан: дис. ... канд. юрид. наук. — М, 2013. — С.170.
17. Масленников М. Я. Административно-юрисдикционный процесс: понятие и соотношение с иными видами процессуально-правовой деятельности // Государство и право. — 2001. — № 2.
18. Ойев Х. Хукуки маъмурии Ҷумҳурии Тоҷикистон. Қисми якум. — Душанбе, 2013. — С. 564.
19. Ойев Х. Хукуки муҳофизати маъмурии Ҷумҳурии Тоҷикистон. Китоби дарсӣ. — Душанбе, 2013. — С. 300.
20. Ойев Х., Марифхонов Р. Н., Диноршоев А. М., Чамшедов Ч. Н. Хукуки маъмурии Ҷумҳурии Тоҷикистон: Курси лексия. — Душанбе, 2015. — С. 259.
21. Панова И. В. Административный процесс в Российской Федерации: понятие, принципы и виды // Правоведение. — 2000. — № 2.
22. Панова И. В. Административно-процессуальное право России / Под ред. Э.Н. Ренова. — М., 2003.
23. Сорокин В. Д. Административно-процессуальное право: Учебник. — СПб., 2004.
24. Сорокин В. Д. Административный процесс и административно-процессуальное право. — СПб., 2002.
25. Сорокин В. Д. Правовое регулирование: Предмет, метод, процесс (макроуровень). — СПб., 2003. — С. 420.
26. Хангельдыев Б. Б. Основы кодификации административно-процессуальных норм: Автореф. дис. ... докт. юрид. наук. — Свердловск, 1967.
27. Шатов С. А. Концепции административного процесса: диалектика научных взглядов // Правоведение. — 2005. — № 6.

Права человека

ПРИНЦИП НАИЛУЧШИХ ИНТЕРЕСОВ РЕБЕНКА И ЕГО ОТРАЖЕНИЕ В ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВЕ РЕСПУБЛИКИ ТАДЖИКИСТАН

Рахмон Д. С.,

декан юридического факультета, доцент кафедры прав человека и сравнительного правоведения юридического факультета Таджикского национального университета, кандидат юридических наук.

E-mail: s_dilshod85@mail.ru

Научная специальность: 12.00.01 — теория и история права и государства, история учений о праве и государстве

Рецензент: Диноршоев Азиз Мусоевич, доктор юридических наук, профессор

Аннотация: Ребенок составляет особую категорию в понятии «человечество». В современном мире его жизнь с момента появления на свет подвергается множеству опасностей, хотя больше всего требует заботы и защиты. Государства все большее внимание уделяют мерам по обеспечению защиты прав ребенка в соответствии с заключаемыми на международном уровне универсальными, региональными и двусторонними договорами. В данной статье автором изучается закрепление прав ребенка в законодательстве Республики Таджикистан.

Ключевые слова: ребенок, защита, права ребенка, законодательство, Конституция.

THE PRINCIPLE OF THE BEST INTERESTS OF THE CHILD AND ITS REFLECTION IN THE LEGISLATION OF THE REPUBLIC OF TAJIKISTAN

Rahmon D. S.,

Dean of the Law Faculty, Assistant Professor of the Department of Human Rights and Comparative Law of the Law Faculty, Tajik National University, Candidate of Legal Sciences

Scientific specialty: 12.00.01 — theory and history of the law and state, history of the doctrines of the law and state

Reviewer: Dinorshoev Aziz Musoevich, Doctor of Legal Sciences, Professor

Annotation: The child is a special category in the concept of "humanity." In the contemporary world from the moment of birth his life is exposed to many dangers, although need greatest care and protection. States pay increasing attention to measures to ensure protection of the rights of the child in accordance with the concluded at the international level inter-universal, regional and bilateral agreements. In the given article the author studies the consolidation of children' rights in the legislation of the Republic of Tajikistan.

Keywords: child protection, children' rights, the legislation, the Constitution.

В 1959 г. Генеральная Ассамблея ООН провозглашает Декларацию прав ребенка, и именно в этом международном документе впервые употребляется термин «интересы ребенка» и устанавливается необходимость их наилучшего обеспечения. [27, с. 720] Таким образом, в принципе 2 Декларации говорится: «Ребенку законом и другими средствами должна быть обеспечена специальная защита и предоставлены возможности и благоприятные условия, которые позволяли бы ему развиваться физически, умственно, нравственно, духовно и в социальном отношении здоровым и нормальным путем и в условиях свободы и достоинства. При издании с этой целью законов главным соображением должно быть наилучшее обеспечение интересов ребенка». Конвенция о правах ребенка 1989 г., будучи документом особого значения, провозглашает ребенка полноценной и полноправной личностью, самостоятельным субъектом права, устанавливая приоритет интересов детей перед потребностями государства, общества и семьи. Так, на государства — участники Конвенции возлагается обязанность принимать все необходимые меры по созданию наилучших условий, обеспечивающих реализацию прав и интересов детей.

В Таджикистане нормативно-правовая база, касающаяся прав и свобод несовершеннолетних, довольно обширна, и в ней закреплены и гарантированы наилучшие интересы ребенка. [27, с. 720]

В соответствии со статьей 34 Конституции Республики Таджикистан мать и ребенок находятся под особой защитой и покровительством государства. Родители ответственны за воспитание детей. Государство заботится о защите детей-сирот и инвалидов, их воспитании и образовании. Также Конституция гарантирует детям право на образование, медицину и судебную защиту.

Гражданский кодекс Республики Таджикистан регулирует правовую основу прав дееспособности несовершеннолетних до четырнадцати лет, а также от четырнадцати до восемнадцати лет, вопросы эмансипации, опеки и попечительства, а также

сделок, совершенных несовершеннолетним, достигшим четырнадцати лет.

Кроме того, принципы наилучшего обеспечения интересов детей отражены в Семейном кодексе Республики Таджикистан (далее — СК РТ). В частности, согласно статьям 20 и 21 СК РТ споры о детях, а также споры о расторжении брака при наличии у супругов общих несовершеннолетних детей рассматриваются в судебном порядке. Вместе с тем при вынесении решения о расторжении брака судом разрешаются вопросы об определении места жительства несовершеннолетних детей, о порядке выплаты и размеры средств на содержание детей (статья 24).

В случае вынесения решения о расторжении брака супругов, имеющих общих несовершеннолетних детей, суд, исходя из части 2 статьи 24 СК РТ, должен принимать меры к защите интересов несовершеннолетних детей, независимо от того, возбужден ли спор о детях. В этих целях следует разъяснять сторонам, что отдельно проживающий родитель имеет право и обязан принимать участие в воспитании ребенка.

В главе 7 раздела 3 СК РТ, касающейся имущественных прав супругов, установлено, что при разделе имущества, находящегося в совместной собственности супругов, суд, исходя из интересов несовершеннолетних детей, вправе увеличить долю одного из супругов в их общем имуществе (часть 5 статьи 38, части 2 и 5 статьи 39 СК РТ).

В главах 13 и 14 раздела 5, главах 18, 19 и 20 раздела 6 и в главе 22 раздела 8 СК РТ установлено, что при выявлении и устройстве детей, оставшихся без попечения родителей, усыновлении (удочерении), опеке и попечительстве, алиментным обязанностям родителей на содержание несовершеннолетних детей учитываются интересы детей, а также права несовершеннолетних родителей.

Постановлением Пленума Верховного Суда РТ от 2 октября 2003 года «О применении судами законодательства при рассмотрении споров, связанных с воспитанием детей» установлен перечень указанных споров, к которым относятся: споры о

месте жительства ребенка при раздельном проживании родителей (часть 4 статьи 65 СК РТ); об осуществлении родительских прав родителем, проживающим отдельно от ребенка (часть 2 статьи 66 СК РТ); об устранении препятствий к общению с ребенком его близких родственников (часть 1 статьи 67 СК РТ); о возврате родителям ребенка, удерживаемого не на основании закона или судебного решения (часть 1 статьи 68 СК РТ); о лишении родительских прав (статья 69 СК РТ); о восстановлении в родительских правах (статья 72 СК РТ); об ограничении родительских прав (статья 73 СК РТ); об отмене ограничений родительских прав (статья 76 СК РТ); о возврате опекунами (попечителями) подопечного от любых лиц, удерживающих у себя ребенка без законных оснований (часть 2 статьи 155 СК РТ) и другие.

Пунктом 3 данного Постановления установлено, что при рассмотрении дел, связанных с воспитанием детей, судам необходимо иметь в виду, что в соответствии со статьей 49 Гражданского процессуального кодекса РТ и статьей 78 СК РТ в деле, независимо от того, кем предъявлен иск в защиту интересов ребенка, должен участвовать представитель органа опеки и попечительства, который обязан провести обследование условий жизни ребенка и лица (лиц), претендующего на его воспитание, а также представить суду акт обследования, основанное на нем заключение по существу спора, подлежащее оценке в совокупности со всеми собранными по делу доказательствами.

Трудовой кодекс РТ регулирует основы трудовых отношений с несовершеннолетними. Не допускается прием на работу лиц, моложе пятнадцати лет. Допускается прием на работу учащихся общеобразовательных школ, профессионально-технических училищ, средних специальных учебных заведений для выполнения легкого труда, не причиняющего вреда здоровью и не нарушающего процесса обучения, в свободное время по достижении ими четырнадцатилетнего возраста с согласия одного из родителей или заменяющего его лица.

Работодатель обязан принимать выпускников общеобразовательных школ и других лиц, моложе восемнадцати лет, на работу, направляемых службой занятости населения в порядке трудоустройства на рабочие места в счет установленной квоты. Отказ в приеме на работу в счет квоты запрещается и может быть обжалован в судебном порядке.

Дети, не достигшие восемнадцати лет, в трудовых правоотношениях приравниваются в правах к совершеннолетним, а в области охраны труда, рабочего времени, отпусков и некоторых других условий труда пользуются льготами.

Запрещается применение труда лиц, моложе восемнадцати лет, на тяжелых работах и работах с вредными и опасными условиями труда, на подземных работах, а также на работах, выполнение которых может причинить вред здоровью или их нравственному развитию.

Не допускается перенос и перемещение указанными лицами тяжестей вручную, превышающих установленные для них предельные нормы.

Для работников в возрасте от пятнадцати до восемнадцати лет продолжительность рабочего времени устанавливается не более 35 часов в неделю, а для лиц в возрасте от четырнадцати до пятнадцати лет — не более 24 часов в неделю.

Оплата труда работников, моложе восемнадцати лет, при сокращенной продолжительности ежедневной работы производится в таком же размере, как и работникам соответствующих категорий при полной продолжительности ежедневной работы.

Труд учащихся, работающих на предприятиях в свободное от учебы время, оплачивается, исходя из отработанного времени или в зависимости от выработки.

Работникам, моложе восемнадцати лет, ежегодный трудовой оплачиваемый отпуск предоставляется продолжительностью не менее 30 календарных дней и может быть использован ими в летнее время или в любое другое удобное для них время года.

Запрещается привлекать работников, моложе восемнадцати лет, к ночным и

сверхурочным работам, работам в выходные и праздничные дни, а также направлять их в командировки.

Прекращение трудового договора (контракта) с работником, моложе восемнадцати лет, по инициативе работодателя допускается только с согласия местного органа труда и занятости населения и комиссии по правам ребенка.

Родители и опекуны (попечители), а также уполномоченные на то органы вправе требовать прекращения трудового договора (контракта) с лицами, моложе восемнадцати лет, если продолжение работы угрожает их здоровью или сопряжено с иным ущербом для них.

Уголовный кодекс РТ предусматривает особенности уголовного наказания преступлений, совершаемых несовершеннолетними детьми, а также уголовную ответственность за преступления, совершенные в отношении детей.

Несовершеннолетний, впервые совершивший преступление небольшой или средней тяжести, может быть освобожден от уголовной ответственности, если будет признано, что его исправление может быть достигнуто путем применения принудительных мер воспитательного характера.

Несовершеннолетний, осужденный за совершение преступления небольшой или средней тяжести, может быть освобожден судом от наказания с применением принудительных мер воспитательного характера.

Уголовной ответственности подлежит лицо, достигшее шестнадцати лет ко времени совершения преступления.

Лица, достигшие ко времени совершения преступления четырнадцатилетнего возраста, подлежат уголовной ответственности за: убийство (статья 104), умышленное причинение тяжкого вреда здоровью (статья 110), умышленное причинение вреда здоровью средней тяжести (статья 111), похищение человека (статья 130), изнасилование (статья 138), насильственное действие сексуального характера (статья 139), терроризм (статья 179), захват заложника (статья 181), хищение оружия, боеприпасов, взрывчатых веществ и взрывных

устройств (статья 199), незаконный оборот наркотических средств или психотропных веществ с целью сбыта (статья 200), незаконное обращение с наркотическими средствами или психотропными веществами (статья 201), хищение наркотических средств или психотропных веществ (статья 202), хищение наркотических средств, психотропных веществ и прекурсоров (статья 202), незаконное культивирование запрещенных к возделыванию растений, содержащих наркотические вещества (статья 204), незаконный оборот сильнодействующих или ядовитых веществ с целью сбыта (статья 206), приведение в негодность транспортных средств или путей сообщения (статья 214), хулиганство при отягчающих обстоятельствах (части вторая и третья статьи 237), кража (статья 244), грабеж (статья 248), разбой (статья 249), вымогательство (статья 250), угон автомобиля или других транспортных средств без цели хищения (статья 252), умышленное уничтожение или повреждение имущества при отягчающих обстоятельствах (часть вторая статьи 255).

Несовершеннолетний, осужденный за совершение преступления средней тяжести, может быть освобожден судом от наказания, если будет признано, что цели наказания могут быть достигнуты только путем помещения его в специальное воспитательное или лечебно-воспитательное учреждение для несовершеннолетних.

Пребывание в указанном учреждении может быть прекращено до истечения срока, если по заключению специализированного государственного органа, обеспечивающего исправление, несовершеннолетний не нуждается более для своего исправления в дальнейшем применении данной меры. Продление пребывания в специальном воспитательном или лечебно-воспитательном учреждении для несовершеннолетних после истечения срока допускается только в случае необходимости завершить общеобразовательную или профессиональную подготовку.

Условно-досрочное освобождение от отбывания наказания может быть применено к лицам, совершившим преступление в несовершеннолетнем возрасте.

Лицу, осужденному к лишению свободы или исправительным работам за преступление, совершенное в возрасте до восемнадцати лет, не отбывая часть наказания может быть заменена более мягким наказанием.

Также является уголовно наказуемым незаконные действия по усыновлению (удочерению) детей, передача их под опеку (попечительство) или на воспитание в семье граждан, совершенные из корыстных или иных низменных побуждений, использование опеки или попечительства из корыстных или иных низменных побуждений, а равно умышленное оставление подопечного без надзора или необходимой помощи, повлекшее существенное ущемление прав и законных интересов подопечного или опекаемого, злостное, то есть без уважительных причин, уклонение родителей более трех месяцев от уплаты по решению суда средств на содержание несовершеннолетних детей, а равно нетрудоспособных детей, достигших восемнадцатилетнего возраста.

Положения, регулирующие производство по делам о преступлениях несовершеннолетних, закреплены в главе 44 Уголовно-процессуального кодекса РТ (ст. 424–437).

Так, согласно статье 427 УПК РТ при применении меры пресечения в отношении несовершеннолетнего в каждом особом случае должна обсуждаться возможность избрания меры, предусмотренной статьей 108 названного Кодекса, т. е. отдача несовершеннолетнего подозреваемого, обвиняемого или подсудимого под присмотр. Заключение под стражу в качестве меры пресечения, а также задержание могут применяться лишь в исключительных случаях при совершении тяжкого и особо тяжкого преступления. Также, в данной главе определен особый порядок допроса несовершеннолетнего.

Кодекс исполнения уголовных наказаний РТ также определяет особый режим

содержания для лиц, не достигших совершеннолетия. Обвиняемые несовершеннолетние отделяются от совершеннолетних и в кратчайший срок доставляются в суд для вынесения решения.

Пенитенциарной системой предусматривается режим для заключенных, существенной целью которого является их исправление и социальное перевоспитание. Несовершеннолетние правонарушители отделяются от совершеннолетних, и им предоставляется режим, отвечающий их возрасту и правовому статусу.

Предпринятыми усилиями созданы условия для несовершеннолетних осужденных по своевременному предоставлению необходимой медицинской помощи. Практически во всех местах заключения для несовершеннолетних осужденных и особенно подследственных приняты все необходимые меры в доступе к своевременной врачебной помощи.

Согласно статье 753 Кодекса об административных правонарушениях РТ при административном задержании несовершеннолетнего в обязательном порядке в кратчайшие сроки уведомляются его родители или иные законные представители.

Закон «О порядке и условиях содержания под стражей подозреваемых, обвиняемых и подсудимых» регулирует порядок и условия содержания под стражей подозреваемых, обвиняемых и подсудимых, не достигших совершеннолетнего возраста, а также определяет гарантии их прав и законных интересов.

Несовершеннолетним подозреваемым, обвиняемым и подсудимым создаются улучшенные материально-бытовые условия, организуется специализированное медицинское обслуживание, и устанавливаются повышенные нормы питания. Ежедневные прогулки несовершеннолетних подозреваемых, обвиняемых и подсудимых устанавливаются продолжительностью не менее двух часов. Во время прогулок несовершеннолетним предоставляется возможность для физических упражнений и спортивных игр. При наличии возможности несовершеннолетним подозреваемым, обвиняемым и подсудимым демонстрируются

кинофильмы, организуется просмотр телепередач, оборудуются помещения для спортивных занятий и другого досуга, а также спортивные площадки на открытом воздухе.

Несовершеннолетним подозреваемым, обвиняемым и подсудимым по мере возможности создаются условия для получения общего среднего образования, а также проводится воспитательная работа.

Несовершеннолетним подозреваемым, обвиняемым и подсудимым разрешается приобретать и получать учебники и школьно-письменные принадлежности, а также получать их в передачах и посылках.

Статьи 13–15 Закона РТ «О борьбе против торговли людьми» охватывают создание центров по оказанию поддержки и помощи жертвам торговли людьми. Такие центры должны обеспечить краткосрочное размещение лиц, ставших жертвами торговли, сроком до 1 месяца, но в случае, если жертва является свидетелем в суде над торговцем, включая тот аспект, когда в том или ином деле вовлечен и ребенок, пребывание ребенка может продлеваться в течение срока прохождения судебного процесса по ходатайству прокурора, региональной комиссии, следственного органа или суда, если ребенок со своей стороны выражает согласие на пребывание в таком центре.

Закон также направлен на защиту детей в тех случаях, когда именно ребенок стал жертвой торговли. Органы, вовлеченные в борьбу против торговли и центры по оказанию поддержки и помощи обязаны информировать органы опеки и попечительства о таком случае.

Если ребенок размещается в центр, то он должен содержаться отдельно от взрослых. Если ребенок остался без родительской опеки или не знает ничего о своей семье, необходимо предпринять меры по нахождению семьи ребенка или оформлению опекуна со стороны органов опеки и попечительства.

Закон РТ «Об ответственности родителей за образование и воспитание детей» также нацелен на искоренение фактов безнадзорности детей, снижение уровня пре-

ступности и правонарушений среди несовершеннолетних, предотвращение незаконного вывоза детей на обучение за пределы страны, в том числе с целью вовлечения их в экстремистскую деятельность.

В соответствии со статьей 5 данного Закона государство заботится об обучении, воспитании, защите детей-сирот и инвалидов и создает для этого соответствующие условия.

За нарушение норм данного Закона в 2012 году судами республики рассмотрены 2 222 административных дел, в 2013 году — 5 432 и в 2014 году — 7 454 дел.

Также, согласно статье 8 названного Закона, не допускается участие детей в деятельности религиозных объединений, за исключением детей, официально обучающихся в религиозных учреждениях. Однако данное положение закона никоим образом не противоречит международно-правовым актам, признанным республикой, поскольку, согласно пункта 3 статьи 14 Конвенции о правах ребенка, свобода исповедовать свою религию или веру может подвергаться только таким ограничениям, которые установлены законом и необходимы для охраны государственной безопасности, общественного порядка, нравственности и здоровья населения или защиты основных прав и свобод других лиц.

С целью обеспечения общественного порядка, определения порядка получения религиозного образования за рубежом, предотвращения организации и деятельности террористических и экстремистских организаций были внесены изменения и дополнения в Кодекс об административных правонарушениях РТ.

Закон РТ «Об образовании» определяет правовые, организационные, социально-экономические основы развития образования в Таджикистане, в том числе для несовершеннолетних и детей.

В соответствии с данным законом родители (лица, их заменяющие) ответственны за воспитание своих детей и обязаны обеспечить физическое, нравственное и интеллектуальное развитие в детском возрасте и в дальнейшем их подготовку к школе.

В Таджикистане в целях оказания помощи семьям, создания благоприятных условий для воспитания детей раннего и дошкольного возраста с учетом желания и интересов родителей (лиц, их заменяющих) организуются детские ясли, детские сады, детские дома (для детей-сирот и детей, оставшихся без попечения родителей) и другие дошкольные учреждения кратковременного, дневного, круглосуточного пребывания, семейные и другие приравненные к ним государственные и негосударственные, в том числе, частные учреждения.

Отношения между дошкольным образовательным учреждением и родителями (лицами, их заменяющими) регулируются договором, заключенным между ними.

Подготовка детей к школе в семье и дошкольных учреждениях является обязательной.

Привлечение детей, достигших шестилетнего возраста, в первый класс начальной школы является обязательным.

Закон РТ «О государственной регистрации актов гражданского состояния», наряду с другими вопросами, также регулирует порядок регистрации рождения ребенка.

Так, родители (один из родителей) заявляют о рождении ребенка в письменной форме в орган записи актов гражданского состояния. В случае если родители (один из родителей) не имеют возможности лично заявить о рождении ребенка, заявление о рождении ребенка может быть сделано родственником одного из родителей или иным уполномоченным родителями (одним из родителей) лицом, органом опеки и попечительства, либо должностным лицом медицинской организации, где родился ребенок, или должностным лицом иной организации, в которой находилась мать во время родов, или где находится ребенок. Одновременно с подачей заявления о рождении ребенка должен быть представлен документ, подтверждающий факт рождения ребенка, а также должны быть предъявлены документы, удостоверяющие личности родителей (одного из родителей) или личность заявителя и подтверждающие его

полномочия, и документы, являющиеся основанием для внесения сведений об отце в записи акта о рождении ребенка.

Заявление о регистрации рождения ребенка должно быть представлено не позднее трех месяцев со дня рождения ребенка. Пропуск установленного срока не может служить основанием для отказа в регистрации рождения органами записи актов гражданского состояния. Родитель, не представивший заявление о государственной регистрации рождения ребенка в орган записи актов гражданского состояния в срок, несет ответственность в соответствии с законодательством.

Закон РТ «Об охране здоровья населения» предусматривает право детей на охрану здоровья. Дети подлежат обязательным периодическим медицинским осмотрам и постоянному диспансерному наблюдению, иммунизации против болезней, поддающихся предупреждению путем применения вакцин, допущенных в установленном порядке к применению. Порядок проведения медицинского осмотра, постоянного диспансерного наблюдения и время иммунизации устанавливаются Министерством здравоохранения и социальной защиты населения (далее МЗСЗН), проводится органами и учреждениями здравоохранения РТ.

Дети с дефектами физического или психического развития имеют право на получение медико-социальной помощи, и они по желанию родителей, опекунов и попечителей содержатся в специализированных детских дошкольных учреждениях, школах-интернатах, домах ребенка и домах-интернатах для детей за государственный счет.

При стационарном лечении больных детей матери (отцу) или иному лицу, непосредственно осуществляющему уход за ребенком, предоставляется возможность находиться с ним в лечебном учреждении по уходу с выплатой соответствующего пособия в порядке, установленном законодательством.

Дети имеют право на санаторно-курортное лечение. Показания и противопо-

казания, порядок отбора и направление детей на санаторно-курортное лечение устанавливаются МЗСЗН.

Уклонение от выполнения обязанностей по уходу, воспитанию и охране здоровья детей в семье, жестокое обращение с ними, наносящее вред здоровью, влекут ответственность, установленную законодательством.

Закон РТ «Об общественных объединениях» регулирует общественные отношения, связанные с реализацией гражданами права на объединение в общественные объединения. В соответствии с данным Законом граждане, достигшие 14 лет, могут быть членами и участниками молодежных общественных объединений. Граждане, достигшие 8 лет, могут быть членами и участниками детских общественных объединений.

Закон РТ «О молодежи и государственной молодежной политике» устанавливает организационные, правовые, социально-экономические основы воспитания, становления и развития молодежи, определяет принципы и меры реализации государственной политики в области эффективного использования интеллектуального и духовного потенциала молодежи, направленного в интересах общества.

В соответствии со статьей 3 данного закона целями государственной молодежной политики являются:

- содействие духовному, культурному социальному и физическому развитию молодежи;

- защита прав и интересов молодежи;

- создание условий для обеспечения самостоятельного и ответственного включения молодежи в жизнь общества;

- материальная, финансовая и социальная поддержка молодых граждан, а также их инициатив, имеющих социальное значение.

Закон РТ «О предупреждении насилия в семье» регулирует общественные отношения, связанные с предупреждением насилия в семье, и определяет задачи субъектов, предупреждающих насилие в семье, по выявлению, предупреждению и устранению причин и

условий, способствующих насилию в семье.

С целью создания необходимых условий, обеспечивающих охрану здоровья матери и ребенка, правильное питание грудных детей (младенцев) и детей младшего возраста принят Закон РТ «О защите естественного вскармливания детей». В соответствии со статьей 1 названного закона его задачами являются:

- пропаганда, поощрение и государственная поддержка естественного вскармливания;

- повышение санитарного просвещения населения;

- укрепление здоровья и улучшение социального положения женщин в связи с охраной здоровья грудных детей (младенцев) и детей младшего возраста;

- правовое регулирование оборота продуктов детского питания;

- придание естественному вскармливанию аспекта первичной медико-санитарной помощи.

Закон РТ «О детско-юношеском спорте» определяет организационные, правовые, финансовые основы и государственную политику в сфере детско-юношеского спорта. Так, согласно статье 3 (1) данного закона, государственная политика в области детско-юношеского спорта направлена на достижение определенных стратегических целей и решение задач общегосударственного и глобального значения и осуществляется посредством законов, государственных программ, постановлений Правительства Республики Таджикистан (далее ППРТ), международных договоров, других актов, а также путем привлечения общественных организаций и движений.

Стратегия государственной молодежной политики в Республике Таджикистан до 2020 г. (утверждена ППРТ от 4 октября 2011г., за № 480) является документом, определяющим политику, и отражает те действия, которые Правительство Республики Таджикистан осуществит в среднесрочном периоде, и отвечает основным приоритетам Стратегии развития Республики Таджикистан до 2020 года.

Основными принципами государственной политики в области детско-юношеского спорта являются:

- обеспечение доступа детей и юношества к занятиям спортом в образовательных учреждениях, учреждениях дополнительного спортивного образования, независимо от их организационно-правовых форм;
- охрана и укрепление здоровья детей и юношества;
- воспитание гражданской ответственности и патриотизма юных спортсменов;
- развитие, совершенствование и сохранение системы детско-юношеского спорта, организация спортивных, спортивно-туристских и спортивно-оздоровительных лагерей;
- сохранение спортивно-оздоровительных, учебных и других спортивных объектов, находящихся в государственной собственности;
- развитие и совершенствование системы медицинского обеспечения юных спортсменов;
- создание благоприятных условий для развития сети физкультурно-спортивных, спортивно-технических клубов для детей и юношества;
- создание условий и возможностей для подготовки спортсменов высокого класса.

В Национальном Плане действий по реформированию системы ювенальной юстиции на период 2010–2015 годы, утвержденный 9 октября 2009 года председателем Комиссии по правам ребенка при Правительстве Республики Таджикистан, предусматриваются мероприятия по сокращению уровня использования тюремного и административного заключения, назначение судей по делам несовершеннолетних в отдельных районах республики, а также намерения Правительства относительно расширения инновационного опыта в области ювенальной юстиции, то есть вновь созданных альтернативных проектов и услуг вместо помещения детей в учебно-воспитательные учреждения закрытого типа при условии привлечения достаточного финансирования.

ППРТ 3 марта 2006, № 94 утверждена Национальная концепция воспитания в Республике Таджикистан, которая определяет нынешнюю и перспективную политику государства в сфере воспитания широких масс населения в особенности подрастающего поколения. Она упорядочивает суть, цель, задачи и содержание национального воспитания на новом историческом этапе, определяет его роль и значение в формировании личности всесторонне развитого человека.

ППРТ от 1 сентября 2005 года, за № 545 утвержден перечень товаров (одежды и обуви, головных уборов, чулочно-носочных изделий) детского ассортимента, произведенных в РТ, поставка которых освобождается от уплаты налога на добавленную стоимость.

Также в соответствии со статьей 17 Закона РТ «О государственном социальном страховании» ПРТ ежегодно принимает постановление «Об организации летнего отдыха детей и подростков».

С целью дальнейшего совершенствования государственной политики по поддержке семьи и детства и реформирования системы управления защитой прав и интересов ребенка, создания надлежащих условий для духовного и физического развития детей и подростков, находящихся в опасной или неблагоприятной социальной ситуации, а также с целью выполнения международно-правовых обязательств РТ, вытекающих из Конвенции о правах ребенка, ППРТ «Об обеспечении защиты прав ребенка» от 1 августа 2008 года, за № 377 Комиссия по делам несовершеннолетних была упразднена, а ее функции и полномочия были переданы Комиссии по правам ребенка. Этим же нормативным актом было утверждено Положение о Комиссии по правам ребенка.

Аналогичные комиссии были созданы в местных исполнительных органах государственной власти.

18 марта 2015 года был принят Закон РТ «О защите прав ребенка». Настоящий закон определяет правовые основы защиты прав ребенка и государственную гарантию их реализации в РТ. Согласно статьям 3, 4 указанного закона определены цели госу-

дарственной политики по защите прав ребенка, установлены государственные минимальные социальные стандарты для ребенка.

В соответствии со статьей 3 Конвенции о правах ребенка и для обеспечения учреждений, службы и органов, которые ответственны за заботу или защиту в приемнике-распределителе для несовершеннолетних, Службой профилактики правонарушений среди несовершеннолетних и молодежи МВД РТ ведется работа по «Политике защиты прав ребенка для учреждений

закрытого типа». Несовершеннолетние могут находиться в закрытых учреждениях и быть свободными от всех форм плохого обращения, включая пренебрежения, физического, сексуального и эмоционального насилия, а также эксплуатацию.

Таким образом, особенности правоотношений с участием несовершеннолетних регулируются практически всеми нормативными правовыми актами. Все вышеизложенное свидетельствует о внедрении принципа наилучшего обеспечения интересов ребенка в законодательство страны.

Литература:

1. Диноршоев А. М., Сафаров Б. А., Сафаров Д.С. Права ребенка. — Душанбе, 2013.
2. Диноршоев А. М., Сафаров Д. С. Права человека. (на тадж. яз). — Душанбе, 2011.

ЗАКРЕПЛЕНИЕ ОСНОВНЫХ ПРАВ И СВОБОД ЧЕЛОВЕКА И ГРАЖДАНИНА В КОНСТИТУЦИИ РЕСПУБЛИКИ ТАДЖИКИСТАН И ИХ СООТНОШЕНИЕ С МЕЖДУНАРОДНЫМИ СТАНДАРТАМИ

Сафарзода Б. А.,

доцент кафедры прав человека и сравнительного правоведения юридического факультета Таджикского национального университета, доктор юридических наук.
E-mail: bakht-83@mail.ru

Научная специальность: 12.00.01— теория и история государства и права, история учений о праве и государстве

Аннотация: На протяжении длительного времени в международном праве складывались фундаментальные принципы в сфере прав человека, которые заложили основу для формирования международных стандартов в области прав человека. Данные стандарты находят свое отражение в общепризнанных нормах международного права и в конституциях стран, в том числе в и Конституции Республики Таджикистан. Автором в данной статье проводится сравнительный анализ закрепления прав и свобод человека в нормах международного права, в частности, во Всеобщей Декларации прав человека и Конституции Республики Таджикистан.

Ключевые слова: права человека, Конституция, Всеобщая Декларация прав человека, стандарты, международное право

FIXTATION OF THE BASIC RIGHTS AND FREEDOMS OF HUMAN AND CITIZEN IN THE CONSTITUTION OF THE REPUBLIC OF TAJIKISTAN AND THEIR INTERRELATION WITH INTERNATIONAL STANDARDS

Safarzoda B. A.,

Assistant Professor of the Department of Human Rights and Comparative Law of the Law Faculty, Tajik National University, Doctor of Legal Sciences

Scientific specialty: 12.00.01 — theory and history of the law and state, history of the doctrines of the law and state

Annotation: For a long time in international law evolved the fundamental principles of human rights, which laid the ground work for the formation of international standards of human rights. These standards are reflected in the generally recognized norms of international law and in the constitutions of countries, including in the Constitution of the Republic of Tajikistan. The author of this article conducted comparative analysis of the fixation of human rights and freedoms in international law, particular in the Universal Declaration of Human Rights and the Constitution of the Republic of Tajikistan.

Keywords: human rights, the Constitution, the Universal Declaration of Human Rights, the standards of international law

Документальное оформление прав человека — процесс с исторической точки зрения длительный и весьма сложный. С появлением первых буржуазных конституций права человека получают конституционную фиксацию, например, в Конституции США 1787 г., Конституции Франции 1789 г. и других конституционных актах. Конституция постепенно становится главным документом признания прав человека. После Второй мировой войны права человека получают конституционное воплощение во взаимосвязи с идеей правового, затем социального государства. Образование постсоветских и постсоциалистических государств знаменовало новый этап в конституционном оформлении правового государства и прав человека. В постсоветских конституциях провозглашается курс на построение правового, демократического государства, признаются неотчуждаемые и неотъемлемые права человека. Таким образом, конституционное оформление правового государства и прав человека приобретает повсеместный масштаб. [22, с. 89–90]

Современное международное право предусматривает юридическое закрепление правового положения личности, относящееся к внутренней компетенции государства.

Как участник соответствующих договоров государство должно принимать все необходимые внутренние меры по выполнению взятых на себя обязательств в отношении прав и свобод личности, поэтому особое внимание обращается на закрепление международных стандартов в области прав человека во внутригосударственном законодательстве, в том числе в Основном Законе — Конституции государства.

А. И. Имомов отмечает, что характерной чертой любого демократического общества является признание и гарантирование прав и свобод человека. Они вытекают из норм и положений важнейших международно-правовых актов. [15, с. 41]

А. М. Диноршоев, исследуя эту проблему, справедливо отмечает, что значимость конституционно закрепленных прав

и свобод выражается в том, что именно их реализация необходима для претворения в жизнь сущностных свойств государства как демократического и правового. Конституционные права и свободы человека и гражданина можно определить как закрепленную и гарантированную Конституцией Республики Таджикистан возможность человека и гражданина пользоваться различными социальными благами для удовлетворения своих потребностей. [5, с. 7; 6, с.12; 7, с. 95–104]

Конституция содержит нормы, регулирующие правовой статус личности, закрепляет систему основных прав, свобод и обязанностей граждан и устанавливает их гарантии. Она возлагает не только на граждан, но и на государство определенную обязанность по обеспечению этих гарантий. Это элементарный порядок во взаимоотношениях государства и личности, где каждый из участников государственно-правовых отношений имеет определенные права и обязанности по отношению друг к другу. [16, с. 65]

А. И. Васильев, В. П. Сальников, С. В. Степашин, наряду другими ценностями, отмечают, что основным объектом безопасности России является личность — ее права и свободы. [1, с. 82]

Никакие возвышенные демократические декларации не в состоянии породить у того или иного государства демократический характер правления без реального обеспечения общепризнанных прав и свобод человека. [4, с. 68]

А. С. Достиев пишет, что в конституционных нормах излагаются требования к поведению человека. Если содержание и смысл этих требований не будут оказывать своего влияния на поведение и поступки человека, то Конституция останется на бумаге. В этом плане она неразрывна с деятельностью человека, из которой складываются элементы, формирующие историческую реальность, и именно потому Конституция не только регламентирует, но и создает условия для реализации прав и свобод человека и гражданина, исполнения им конституционных обязанностей. [14, с. 3–4]

Конституционные права и свободы — это не все права и свободы, которыми обладает человек, а только основные, фундаментальные. Почти все демократические конституции при самом полном перечислении прав и свобод в заключении признают, что перечень не является исчерпывающим, т. е. за человеком и гражданином остаются и другие права и свободы. Закрепление данных прав в конституции обусловлено особыми свойствами этих прав и свобод. [13, с. 48–53; 16, с. 65]

С. М. Медведев и А. И. Числов на этот счет отмечают, что уровень демократизма любой конституции определяется, прежде всего, объемом закрепленных в ней прав и свобод, их гарантированностью и некоторыми другими элементами. [21, с. 31]

По словам Н. И. Матузова, многообразные связи права и личности «наиболее полно могут быть охарактеризованы через понятие правового статуса, в котором отражаются все основные стороны юридического бытия индивида, его интересы, потребности, взаимоотношения с государством, трудовая и общественная деятельность, социальные притязания и их удовлетворение». [19, с. 223]

А. Имомов справедливо отмечает, что влияние международных стандартов в области прав человека на Конституцию Республики Таджикистан, в частности, на нормы, определяющие правовой статус человека и гражданина, очень велико. [17, с. 227]

Такое положение подчеркивается также в Венской декларации от 25 июня 1993 г. по правам человека и Программе действий, где правительства настоятельно призываются включить стандарты, содержащиеся в международных договорах по правам человека, во внутреннее законодательство и укрепить национальные структуры, институты и органы общества, играющие определенную роль в поощрении и защите прав человека. [2]

С ликвидацией Советского Союза и созданием Содружества Независимых Государств (СНГ) дал знать о себе юридический кризис, требующий оперативного

решения вопроса в области прав и свобод человека на конституционном уровне. В этот период во всех странах СНГ проводилась конституционная реформа, которая была направлена на совершенствование сферы прав и свобод человека.

В настоящее время правовые нормы, касающиеся прав и свобод человека, практически во всех конституциях СНГ занимают приоритетное место. В них признаются и гарантируются основные права и свободы человека, согласно общепризнанным принципам международного права, устанавливается неотчуждаемость прав и свобод человека, принадлежность их всем от рождения, неприемлемость осуществления прав и свобод в ущерб правам и свободам других лиц.

В конституциях стран СНГ, в отличие от конституций советского времени, объем прав человека существенно расширен. В основных законах впервые появляются конституционные нормы о правах на жизнь, на свободу передвижения, выбор места пребывания и жительства, право свободно выезжать за пределы государства и беспрепятственно возвращаться, право на свободный доступ к информации, возможность каждого человека определять свою национальность и т. д. [8, с. 159–167]

В конституциях появилось новое политическое право — право на обращение, которое влечет за собой обязанности государственных органов и должностных лиц рассматривать и принимать решения по этим обращениям, давать мотивированный ответ в установленные законодательством сроки.

В области экономических прав и свобод также имеется множество новаций, таких как право собственности, в том числе право частной собственности, право на предпринимательскую и иную, не запрещенную законом экономическую деятельность, право на здоровую окружающую среду и т. д.

А. И. Имомов и А. М. Диноршоев, анализируя конституционные права и свободы по Конституции Республики Таджикистан 1994 г., перечисляют несколько их

свойств. В частности, отмечается, что в Основном Законе страны были закреплены основные положения Всеобщей декларации прав человека, которые характеризуются как человеческие ценности. [18, с. 59; 9, с. 197–203; 10, с. 167–170]

Основные конституционные права и свободы человека выступают единым целым, имеют особые способы защиты, служат источником для отраслевых прав и свобод. Другие свойства основных прав и свобод тоже характеризуются как специфические черты конституционных прав и свобод. [18, с. 60–65; 11, с. 202–210; 12, с. 50–59]

Анализируя основные концепции Конституции страны, профессор Д. З. Маджидзода отмечает, что в новой Конституции страны была проведена гуманизация всех государственно-правовых институтов, были гармонизированы законодательные акты, центр тяжести был перенесен на признание прав и свобод человека и гражданина, которые утверждаются как высшая ценность. Это означало пересмотр концепции взаимоотношения государства и гражданина: вместо общественных, государственных интересов на первый план вышли интересы личности, взаимной ответственности государства и личности. Конституция провозгласила человека, его права и свободы высшей ценностью, неприкосновенными — жизнь, честь, достоинство и другие естественные права человека, обязала государство признавать, соблюдать защищать права и свободы человека и гражданина. [20, с. 120]

Анализируя аналогичные нормы Конституции Российской Федерации, известный ученый Н. А. Власенко отмечает, что, по сути, Основной Закон устанавливает приоритет личности, ее прав и свобод в системе социальных ценностей нынешнего Российского государства и его общества. [3, с. 94]

При составлении конституционных норм в области прав человека законодатель исходил из наименований и содержания эталонов, установившихся в международных правовых актах. Здесь нельзя не

учитывать роли советского конституционного права в истории таджикского законодательства, как и других конституциях стран СНГ. [17, с. 277; 8, с. 159–167]

А. С. Достиев особо отмечает, что правам и свободам человека и гражданина и их основным обязанностям посвящена вторая, самая большая по объему глава Конституции РТ, состоящая из 35 статей. Они расположены по определенной системе, имеющей внутреннюю логическую связь, учитывающей специфику самих прав и свобод в зависимости от тех сфер жизнедеятельности человека и гражданина, в которых они получают соответствующую реализацию. [14, с. 40]

В рамках статуса союзного государства, имея ограниченный суверенитет, Таджикистан, как и все республики, мог только воспроизводить соответствующие нормы союзного законодательства. В то же время в республике имел место существенный дисбаланс между декларациями и юридической практикой. С приобретением независимости была принята новая Конституция Таджикистана, в существенных чертах кардинально отличающаяся от предшествующих основных законов.

На протяжении длительного времени в международном праве складывались фундаментальные принципы в сфере прав человека, такие как неотъемлемость и неотчуждаемость прав и свобод человека и гражданина, равноправие, т. е. равенство в правах и свободах, гуманизм, непосредственное действие прав и свобод, гарантия прав и свобод и т. д.

Указанные принципиальные начала находят свое отражение в общепризнанных нормах международного права, в конституциях стран — членов СНГ, в том числе в Конституции Республики Таджикистан.

Как выше указывалось, Всеобщая декларация прав человека юридически не является документом, обязательным к исполнению, и носит характер «мягкого права». Преамбула Декларации в русском переводе изобилует дееспричастными оборотами, «принимая во внимание», и заканчивается глаголом «провозглашает». В

ней ставится задача, к решению которой должны стремиться все народы и государства, а именно содействовать уважению прав и свобод и обеспечению путем национальных и международных прогрессивных мероприятий, всеобщего и эффективного признания и осуществления их народами.

Декларация в настоящее время рассматривается как своеобразный международный кодекс прав и свобод человека. [24, с. 135]

На основании Декларации были разработаны и приняты Международный пакт об экономических, социальных и культурных правах, а также Международный пакт о гражданских и политических правах и его два факультативных протокола, которые в совокупности с Всеобщей декларацией прав человека составляют Международный билль о правах человека. Таджикистан присоединился к указанным международным актам за исключением Второго факультативного протокола в 1999 году.

В данном случае, излагая общие конституционное закрепления прав и свобод в Основном законе страны, мы будем исходить из Всеобщей Декларации, где отражены наиболее общие положения в сфере прав человека, и частично обращать внимание на его конкретизацию в Международных пактах. Вниманию подлежат наиболее спорные, по нашему мнению, редакции положений международно-правовых стандартов, закрепленные в Конституции Республики Таджикистан.

Исследуя похожую проблематику, И. В. Шишенина отмечает, что причины, которые заставляют не один раз обращаться к тексту Всеобщей декларации прав человека, видятся в следующем. Во-первых, Декларация была самым первым международным документом, в котором государства попытались описать (очертить) правовой статус личности, зафиксировать перечень прав, принадлежащих каждому человеку, которые государства должны уважать и обеспечивать. Во-вторых, Декларация — документ, который был принят именно как рекомендация, а

не как юридическое обязательство. В-третьих, Всеобщая декларация прав человека стала ориентиром для внутригосударственного законодательства. В-четвертых, Всеобщая декларация прав человека заложила основы унификации в сфере прав человека. [25, с. 35]

Конституция Республики Таджикистан устанавливает положения, согласно которым признанные Таджикистаном права и свободы человека и гражданина регулируются и охраняются Конституцией, законами республики, осуществляются непосредственно, определяют цели, содержание и применение законов, деятельность законодательной, исполнительной и местной властей, органов местного самоуправления и обеспечиваются судебной властью. Ограничение прав и свобод граждан допускается только с целью обеспечения прав и свобод других граждан, общественного порядка, защиты конституционного строя и территориальной целостности республики (ст. 14 Конституции РТ).

Мы видим, что, исходя из международных актов и большинства конституций мира, на первый план выдвигаются личные права и свободы.

Согласно ст. 1 Декларации все люди рождаются свободными и равными в своем достоинстве и правах. Они наделены разумом и совестью и должны поступать в отношении друг друга в духе братства. Здесь провозглашается неотчуждаемость от рождения основных прав и свобод людей.

В Конституции Таджикистана подобная формулировка отсутствует. Однако, например, согласно Конституции России, основные права и свободы человека являются неотчуждаемыми, принадлежащими каждому от рождения (ч. 2 ст. 17 Конституции РФ). Аналогичные формулировки имеются и в других конституциях стран СНГ.

Несмотря на внешнюю декларативность этой формулы, ее отсутствие в Основном Законе страны при изменившихся

политических или социальных обстоятельствах может привести к непредвиденным ситуациям.

По ст. 5 Конституции Таджикистана человек, его права и свободы являются высшей ценностью и неприкосновенностью, а жизнь, честь, достоинство и другие естественные права человека неприкосновенны, признаются, соблюдаются и защищаются государством, однако здесь ничего не сказано об их неотчуждаемости.

Между тем ст. 6 Международного пакта о гражданских и политических правах закрепляет право на жизнь как неотъемлемое право каждого человека.

С учетом сказанного представляется необходимым изложить ч. 2 ст. 5 Конституции РТ в следующей редакции: «Жизнь, честь, достоинство и другие естественные права человека неприкосновенны и неотчуждаемы».

Как отмечается в ст. 2 Декларации, каждый человек должен обладать всеми провозглашенными правами и свободами, независимо от расы, цвета кожи, пола, языка, религии, политических или иных убеждений, национального или социального происхождения, имущественного, сословного или иного положения.

Та же формулировка с незначительными изменениями повторена в качестве обязательств государства-участника в Пакте о гражданских и политических правах, где всем государствам предписывается обязанность уважать и обеспечивать в пределах их территории и под их юрисдикцией лицам, признаваемые ими права без различия расы, цвета кожи, пола, языка, религии, политических и иных убеждений, национального или социального происхождения, имущественного положения, рождения или иного обстоятельства.

Указанным международным стандартам соответствует ст. 17 Конституции Таджикистана, предусматривающая равенство всех перед законом и судом, независимо от национальности, расы, пола, языка, вероисповедания, политических убеждений, образования, социального и

имущественного положения. При этом отдельно добавляется тезис о равноправии мужчин и женщин, что, возможно, является излишним, поскольку первый абзац статьи по своему смыслу охватывает и эту формулировку. Однако такое отдельно обозначенное положение имеет место и в конституциях других стран СНГ, в том числе российской (ч. 3 ст. 19 Конституции РФ). Здесь даже добавляются как равные права и свободы, так и равные возможности. В Декларации такое положение отсутствует. Таким образом, конституционные положения Таджикистана и других стран СНГ относительно равенства прав человека по половому признаку — шаг вперед по сравнению с Декларацией.

Часть 1 ст. 16 Конституции РТ во исполнение положений Декларации закрепляет право иностранных граждан и лиц без гражданства пользоваться провозглашенными правами и свободами наравне с гражданами Таджикистана, а равно нести обязанности и ответственность, за исключением случаев, предусмотренных законом.

Декларация провозглашает права человека на жизнь, свободу и на личную неприкосновенность. Ст. 18 Конституции Таджикистана соответственно международным стандартам также отражает такое право и, согласно ст. 6 Международного Пакта о гражданских и политических правах, закрепляет следующее положение: «Никто не может быть лишен жизни, кроме как по приговору суда за особо тяжкое преступление».

Также соответственно международным стандартам гарантируются неприкосновенность личности, запрет пыток, жестокого и бесчеловечного обращения, принудительные медицинские и научные эксперименты над человеком.

Конституция РТ предусматривает гарантии судебной защиты с правом каждого требовать рассмотрения его дела компетентным, независимым и беспристрастным судом, учрежденным в соответствии с законом, а также запрет без законных оснований ареста задержания,

право с момента задержания пользоваться услугами адвоката.

Норма в целом соответствует положениям Декларации с некоторыми текстуальными отличиями. Так, согласно ст. 9 Декларации, никто не может быть подвергнут произвольному аресту, задержанию или изгнанию.

Ст. 11 Декларации констатирует, что обвиняемый в совершении преступления имеет право считаться невиновным пока его виновность не будет установлена законным порядком путем гласного судебного разбирательства, при котором ему обеспечиваются все возможности для защиты.

В ст. 20 Конституции Таджикистана также устанавливается принцип презумпции невиновности. Также, согласно норме Декларации, устанавливается конституционный запрет на привлечение к ответственности после истечения срока уголовного преследования за деяния, которые в момент их совершения не считались преступлением, за повторное осуждение за одно и то же преступление.

Ст. 12 Декларации говорит о неприемлемости произвольного вмешательства в личную и семейную жизнь человека, о неприкосновенности его жилища, тайне его корреспонденции или его чести и репутации и соответствующей защите законов государств от такого посягательства.

Примерно в той же редакции изложена ч. 1 ст. 17 Пакта о гражданских и политических правах.

Конституция Республики также закрепляет неприкосновенность жилища, недопустимость вторжения в жилище и лишение человека его жилища за исключением предусмотренных законом случаев (ст. 22 Конституции РТ).

Ст. 23 Конституции Таджикистана закрепляет обеспечение тайны переписки, телефонных переговоров, телеграфных и иных личных сообщений, за исключением предусмотренных законом случаев, а также запрет на сбор, хранение, использование и распространение сведений о личной жизни человека без его на то согласия.

А. С. Достиев отмечает, что предусмотренное Конституцией право на тайну переписки, телефонных переговоров, телеграфных и иных личных сообщений является важной гарантией неприкосновенности частной жизни человека. [14, с. 45]

Ст. 24 Конституции текстуально практически повторяет положения ст. 13 Декларации в отношении права на свободное передвижение, выбор места жительства, выезд за пределы республики и возвращение в нее.

По мнению А. С. Достиева, в числе основных прав человека — право на свободное передвижение и выбор места жительства, выезд за пределы республики и возвращение в нее. Настоящая норма полностью соответствует требованиям Всеобщей декларации прав человека (ст. 13) и Международного Пакта о гражданских и политических правах (ст. 12). Закрепление указанных прав в Конституции само по себе имеет большое значение, но оно еще более усиливается тем обстоятельством, что со свободой передвижения и выбора места жительства тесно связана реализация многих других конституционных прав и свобод граждан, например, прав на собственность и наследование, на жилище, на труд, на охрану здоровья, избирательные права и др. [14, с. 46]

Положения ст. 14 Декларации по поводу права искать убежища от преследования в других странах и пользоваться этим убежищем республика реализует в ч. 3 ст. 16, согласно которой Таджикистан может предоставить политическое убежище иностранным гражданам, ставшим жертвами нарушения прав человека.

Представляется сомнительным закрепление в Основном Законе республики предусмотренного ст. 13 Декларации права свободного передвижения, выбора места жительства в пределах государства и права покидать и возвращаться в свою страну.

Ст. 24 Конституции Таджикистана такое право предоставляет только своему гражданину.

Для сравнения: аналогичная статья Конституции России дает такое право не

только гражданину своего государства, а каждому, кто законно находится на ее территории, с добавлением права беспрепятственного возвращения. Такое добавление свидетельствует о конституционном закреплении широкой возможности, которая в советскую эпоху практически не реализовывалась в связи с идеологическими соображениями. К Республике Таджикистан, как ранее бывшей составной частью Советского Союза, это тоже относится в полной мере, поэтому будет правильным изложить ст. 24 Конституции РТ в следующей редакции:

«Каждый, кто законно находится на территории Республики Таджикистан, имеет право на свободное передвижение и выбор места жительства, выезд за пределы республики и возвращение в нее. Гражданин Таджикистана имеет право беспрепятственного выезда за пределы республики и возвращения в нее».

Положения Декларации предусматривают в отношении каждого человека обязанности перед обществом, поскольку только в этом случае возможно свободное и полное развитие его личности. Это требует со стороны государственных органов ввести определенные ограничения, которые должны устанавливаться законом только в целях обеспечения должного признания и уважения прав и свобод других и удовлетворения справедливых требований морали, общественного порядка и общего благосостояния в демократическом обществе (ст. 29 Декларации).

Установление правовых обязанностей в какой-то мере выступает в качестве правовой гарантии осуществления прав и свобод человека. А. В. Малько, исследуя конституционно-правовую политику Российской Федерации, в частности, пишет:

«В Основном Законе в недостаточно малой степени закреплены главные обеспечивающие средства прав и свобод — юридические обязанности, что оказывает негативное влияние на наше общество. Произошел перекосяк в правосознании людей — демократию они стали воспринимать только как права и свободы (то есть как возможности), забывая о том, что демократия — это прежде всего обязанности (необходимость) определенного поведения, в рамках которых собственно и возможны свобода и народовластие. Подобных обязанностей практически нет в отношении социально-экономических и иных прав и свобод. Вместе с тем, как известно, подлинное правовое регулирование состоит не только из субъективных прав, но и из юридических обязанностей». [23, с. 120]

Соответственно Конституция РТ устанавливает обязанности в отношении своих граждан и лиц без гражданства, касающиеся соблюдения Конституции и законов, уважения прав и свобод, чести и достоинства других людей, защиты страны, охраны интересов государства, укрепления его независимости, безопасности и оборонной мощи; охраны природы, исторических и культурных памятников; уплаты налогов и сборов, определяемых законом (ст. 42–45).

Предусматривается как временная мера чрезвычайное положение, однако права и свободы, которые принято считать естественными, не могут быть ограничены (ст. 46–47).

Таким образом, Конституция Республики Таджикистан отвечает положениям Всеобщей декларации прав человека.

Литература:

1. Васильев А. И., Сальников В. П., Степашин С. В. Национальная безопасность России.
2. Венская Декларация и Программа Действий. Принята на Всемирной конференции по правам человека 25 июня 1993 года в Вене // <http://www1.umn.edu/humanrts/instree/R11viedec.html> (дата обращения: 02.11.2012).

3. Власенко Н. А. Теория государства и права: науч.-практич. пособие / Н.А. Власенко. — М.: Юриспруденция, 2009.
4. Головистикова А. Н., Грудцына Л. Ю. Права человека. — М., 2008.
5. Диноршоев А. М. Механизмы защиты прав человека в Республике Таджикистан. — Душанбе, 2014.
6. Диноршоев А. М. Проблемы имплементации норм международных договоров по правам человека в законодательстве Республики Таджикистан / Правовая реформа в Таджикистане. — 2010. — № 5.
7. Диноршоев А. М. Классификация прав человека по Конституции РТ: Сущность и характерные черты / Вестник Конституционного суда РТ. — 2013. — № 1.
8. Диноршоев А. М. Регламентация прав человека в Конституциях советского периода / Вестник ТНУ № 3/7 (124).
9. Диноршоев А. М. Понятие, содержание и классификация международных стандартов в области прав человека / Вестник ТНУ № 3/1 (128).
10. Диноршоев А. М. Вопросы имплементации международных стандартов в области прав человека в законодательство РТ / Гармонизация российской правовой системы в условиях международной интеграции. / Материалы VI международной научно-практической конференции «Кутафинские чтения». Секция конституционное и муниципальное право. — М., 2014.
11. Диноршоев А. М. Применение международно-правовых норм и стандартов по защите прав и свобод человека в решениях Конституционного Суда РТ / Права человека: теория, история, практика. — М., 2014.
12. Диноршоев А. М. Выполнение Республикой Таджикистан международных обязательств в области прав человека: формирование, проблемы реализации и пути их решения / Материалы Международной научно-практической конференции на тему: «Развитие конституционализма в Таджикистане в период независимости». — Душанбе., 2014.
13. Диноршоев А. М. Сравнительно-правовой анализ закрепления прав и свобод человека и гражданина в Конституциях РФ и РТ / Правовая жизнь. — 2014. — № 2.
14. Достиев А. С. Конституция Республики Таджикистан 1994 года: История разработки, принятия и основные положения. — Душанбе: Матбуот, 2001.
15. Имомов А. И. Таджикистан на пути к укреплению независимости // Имомов А. И. Конституционно-правовые проблемы развития Республики Таджикистан (1992–1998). Сб. статей. — Душанбе, 1998. — С. 41.
16. Имомов А. И. Конституционный надзор: права и свободы человека // Имомов А. И. Конституционно-правовые проблемы развития Республики Таджикистан (1992–1998): Сб. статей. — Душанбе, 1998. — С.65.
17. Имомов А. Роль конституции в формировании национальной государственности таджиков. — Душанбе, 2011.
18. Имомов А. Правовой статус человека и гражданина, права, свободы и основные обязанности. — Душанбе: Офсет Империя, 2013.
19. Матузов Н. И. Право и личность // Общая теория права / под общ. ред. В.К. Бабаева. — Н. Новгород, 1993. — С. 223.
20. Маджидзода Д. З. Конституция Республики Таджикистан: 20 лет. — Душанбе: Эр-граф, 2014.
21. Медведев, С. М., Числов, А. И. Права, свободы, законные интересы граждан и органы местного самоуправления: монография / С.М. Медведев, А.И. Числов; под общ. ред. В.П. Сальникова. — СПб.: Фонд «Университет», 2013.
22. Миралиев И. К. Права человека в условиях формирования правового государства в Республике Таджикистан: дис. ... канд. юрид. наук. — Душанбе, 2014.

23. Малько А. В. Конституционно-правовая политика // Правовая политика России (общетеоретические и отраслевые проблемы): учебное пособие / под науч. ред. А.В. Малько. — М.: Юрлитинформ, 2014. — С. 120.
24. Тиунов О. И. Всеобщая декларация прав человека в нормах международного и конституционного права // Журнал российского права. — 2009. — № 2.
25. Шишенина И. В. Права человека в российских конституционных проектах (1990–1993гг.). — М.: Права человека, 2010.

БАЪЗЕ МАСЪАЛАҲО ОИД БА МАФҲУМ ВА МОҲИЯТИ ОЗОДИИ СУХАН

К ВОПРОСУ О ПОНЯТИИ И СУЩНОСТИ СВОБОДЫ СЛОВА

Саидов И. И.,

ассистент кафедры прав человека и сравнительного правоведения юридического факультета Таджикского национального университета, кандидат юридических наук.

E-mail: rusik-2871@mail.ru

Научная специальность: 12.00.01— теория и история государства и права, история учений о праве и государстве

Рецензент: Сафаров Б. А., кандидат юридических наук, доцент

Аннотация: Одним из основных прав и свобод человека является свобода слова. Это право является основным источником политических прав и свобод граждан, следовательно, без данного права другие политические права не имеют смысла. Без свободы мнения и свободы слова невозможно участвовать на выборах, мирных собраниях, и реализовывать право на объединение и др.

Ключевые слова: воплощение, политические права, свобода слова, реализация, законодательство.

ON THE CONCEPT AND ESSENCE OF THE FREEDOM OF SPEECH

Saidov I. I.,

Junoir lectures of the Department of Human Rights and Comparative Law of the Law Faculty, Tajik National University, Candidate of Legal Sciences

Scientific specialty: 12.00.01 — theory and history of the law and state, history of the doctrines of the law and state

Reviewer: Safarov B. A., Candidate of Legal Sciences, Assistant Professor

Annotation: One of basic rights and freedoms of the human is a freedom of speech. This right is the main source of the political rights and freedoms of citizens, therefore without this right other political rights don't have sense. Without freedom of opinion and freedom of speech is impossible to participate on elections, to participate on peace meetings, as well as realize the rights to association, etc.

Key words: implementation, political rights, freedom of speech, realization, legislation.

Мардуми тоҷик аз қадим дорои тамаддун ва фарҳанги беназир буд. Ниёғони ин миллат аз давраҳои пеш аз мелод бо қабули санадҳои инсондӯстона ва инсонгаро дар сафи пеши тамаддуни қадим қарор доштанд. Далели ин гуфтаҳо ҳануз соли 539-и қабл аз мелод аз

ҷониби шоҳ Куруши Кабир қабул шудани Эълумияи ҳуқуқи башар мебошад, ки бо номи эълумияи озодии миллатҳо машҳур мебошад. Нахустин унсурҳои озодии ақида ва сухан дар баробари дигар ҳуқуқҳои озодихо дар эълумияи мазкур мушоҳида мегардад. Баромад дар назди додгоҳҳо ва шохидӣ додан, озодона

фикри худро иброз доштан нисбати шоҳи золим, ибрази ақидаи худ хангоми иҷрои маросимҳои динӣ ва ғайра ҳуқуқҳоеанд, аз кафолати озодии андеша ва суҳан дар он даврон гувоҳӣ медиҳанд. Ин аст, ки мутахассисон Эълomiaи Курӯши Кабирро нахустин санади расмӣ оид ба ҳуқуқи инсон дар таърихи башарият меҳисобанд, ки аз он мардуми мамӯлики Аврупо хангоми таҳияи Хартияи Бузурги Озодӣ дар соли 1215 дар Англия истифода намудааст. [13, с. 71–85] Аммо мазмуни мақола на таҳлили ҳуқуқ ба озодии суҳан аз диди таърихӣ, балки баррасии мундариҷа ва муҳтавои он мувофиқи қонунгузории муосири Чумхурии Тоҷикистон ва санадҳои байналмилалӣ аст.

Яке аз ҳуқуқҳои асосии инсон ва шаҳрванд озодии суҳан ба шумор меравад. Ҳуқуқи мазкур аз ҷумлаи ҳуқуқҳоест, ки оид ба он баҳсҳои зиёди илмӣ вучуд дорад.

Озодии суҳан ба кадом гурӯҳи ҳуқуқҳои инсон дохил мегардад? Табиати ҳуқуқи озодии суҳан чӣ гуна аст? Оё суҳбати ду нафар озодии суҳанро дар худ таҷҷасум менамояд ё не? Агар суҳбати онҳо характери сиёсӣ дошта бошад чӣ? Ба ин монанд, саволҳои зиёданд, ки посухро металабанд.

Дар воқеъ, вобаста ба мавқеи озодии суҳан, ки он ба кадом гурӯҳи ҳуқуқи озодиҳои инсон дохил мегардад, ҳам дар байни олимони ватанӣ ва ҳам олимони рус ақидаҳои гуногун мавҷуд аст. Бархе аз онҳо, аз ҷумла Р. Ш. Сотиволдиев, А. И. Имомов, А. С. Достиев, М. В. Баглай, Е. И. Козлова, О. Е. Кутафин ин ҳуқуқро ба гурӯҳи ҳуқуқи озодиҳои шахсии инсон, [15, с. 131; 4, с. 60; 3, с. 50; 14, с. 158] гурӯҳи дигар А. Г. Холиқов, А. М. Диноршоев, Б. А. Сафаров, Д. С. Сафаров, И. Қ. Миралиев, И.И. Саидов, С. А. Авакян ба ҳуқуқи озодиҳои сиёсии шаҳрвандон [18, с. 374; 2, с. 79; 9, с. 38–44; 5, с. 175; 1, с. 167; 8, с. 121–127; 14, с. 158] дохил менамоянд.

Ақидаи ин ду гурӯҳи олимон дуруст ва қобили қабул аст, зеро хангоми баҳсу мунозираҳо ба назар чунин менамояд, ки

озодии суҳан ҳам ҳуқуқи шахсӣ ва ҳам сиёсӣ мебошад.

Гурӯҳи якуми олимон аз ҷумла, А. И. Имомов озодии суҳанро ба ҳуқуқи озодиҳои шахсии инсон дохил намуда, кайд менамояд, ки «фикру ақида ва андешаи одамон ба доираи ҳаёти ботинии ӯ дахл дорад ва бе ихтиёри ӯ ҳеҷ кас ба он зӯран мудохила карда наметавонад. Шахс фикру мулоҳизаҳои худро ба воситаи суҳан ифода мекунад». [4, с. 60] Олимони рус низ аз ҷумла, М. В. Баглай ба он ақида аст, ки ин ҳуқуқ ба гурӯҳи ҳуқуқи озодиҳои шахсӣ дохил мешавад. [14, с. 158] Е. И. Козлова, О. Е. Кутафин ҳам дар он назаранд, ки он ҳуқуқи шахсӣ аст, зеро он ба ҳар як инсон тааллуқ дорад. [14, с. 158]

Воқеан ҳам дар ин ҷо ба ақидаи онҳо розӣ шудан мумкин аст, чунки он хусусиятҳои, ки ҳуқуқи озодиҳои шахсӣ доранд, дар озодии суҳан дида мешавад. Озодии суҳан ба монанди дигар ҳуқуқи озодиҳои шахсӣ ба ҳамаи инсонҳо тааллуқ дорад, дигар ин ки аз он хурдсолҳо низ истифода бурда метавонанд. Лекин ин маънои онро надорад, ки ин хусусиятҳои асосии ба гурӯҳи ҳуқуқи озодиҳои шахсӣ дохил намудани озодии суҳан мегардад, зеро аломатҳои зикршуда табиат ва моҳияти озодии суҳанро ифода карда наметавонад.

Бархе аз олимон аз ҷумла, А. Г. Холиқов, А. М. Диноршоев, Б. А. Сафаров, Д. С. Сафаров бошанд, онро ба гурӯҳи ҳуқуқи озодиҳои сиёсии шаҳрвандон дохил менамоянд, ки ба мақсад хеле мувофиқ аст. Онҳо ба он асоснок мекунанд, ки дар ҳар як ҷомеа гуногунакидагӣ дар шаклҳои мухталифи худ амал менамояд. Дар ҷомеаи демократӣ нуқтаҳои назари мухталиф баён мегарданд ва мавриди ҳеҷ як навъи таъкибот қарор намегиранд. Озодии суҳан ва изҳори андеша яке аз шартҳои асосии мавҷудияти чунин ҷомеа пазирай мегардад. Зиёда аз ин, ҳуқуқи мазкур пояе мебошад, ки болои он ҳуди мавҷудияти ҷомеаи демократӣ қарор дорад. [2, с. 79; 17, с. 84–86] Воқеан ҳам, мавҷуд будани гуногунакидагӣ дар ин ё он ҷомеа роҳи амалӣ намудани ҳуқуқи мазкур мегардад ва табиату моҳияти

онро равшанӣ меандозад. Чунки шахс маҳз тавассути озодии сухан метавонад пешравӣ, камбуд ва дигар амалҳои мақомоти давлатӣ, шахсони мансабдор ва дигар афродро пешкаши мардум намуда, таъсири мусбат ва манфии хешро расонад.

И. Қ. Миралиев бошад, озодии суханро ба ҳуқуку озодихои сиёсӣ дохил намуда, ба он асоснок мекунад, ки озодии сухан имконияти иштироки фаъоли шахсро дар ҳаёти ҷамъиятӣ таъмин мекунад. [5, с. 175]

Воқеан ҳам ба фикри И. Қ. Миралиев розӣ шудан мумкин аст, зеро дар адабиёти ҳуқуқӣ ҳуқуку озодихои сиёсиро ба ду гурӯҳ ҷудо менамоянд. Якум, он ҳуқуқҳое, ки ба шахрвандон имконияти медиҳад дар ташкил ва фаъолияти давлат ва мақомотҳои он ширкатварзанд, ҷунонҷӣ: ҳуқуқи интихоботӣ, ҳуқуқи иштирок дар раёйпурсӣ, ҳуқуқи иштирок дар идоракунии корҳои давлатӣ ва ғ. Дуюм, ҳуқуқҳое, ки шахсро ҳамчун иштирокчии фаъоли ҳаёти ҷамъиятӣ муаррифӣ менамоянд, мисоли он озодии сухан шуда метавонад.

Олими рус С. А. Авакян низ озодии суханро ба гурӯҳи ҳуқуку озодихои сиёсӣ дохил менамояд. Ба ақидаи ӯ озодии сухан ин ошкоро дар ҳузури дигарон баён намудани ақидаҳои худ мебошад. Озодии сухан метавонад дар муоширати ҳамарӯза, муоширати корӣ, дар ташвиқоту тарғибот баён гардад, яъне бо тариқи мақсаднок ва ошкоро баён намудани ақидаи худ оид ба масъалаҳои сиёсӣ, иқтисодӣ, иҷтимоӣ ва ғ. [14, с. 158]

Ба ақидаи мо, нуқтаи назари гурӯҳи дуҷуми олимони ба мақсад хело мувофиқ аст. Озодии сухан ба гурӯҳи ҳуқуку озодихои сиёсӣ дохил мегардад. Озодии сухан бояд оммавӣ, мақсаднок ва ошкоро оид ба масъалаҳои сиёсӣ, иқтисодӣ, иҷтимоӣ, фарҳангӣ ва ғ. бошад. Озодии сухан ҳамон вақт татбиқ мегардад, ки шахс бемонеа фикру ақидаи худро дастраси дигарон намояд. Сухбате, ки байни ду кас оғоз меебад, озодии сухан шуда наметавонад. Агар он мақсаднок ва ошкоро бошад, дар ин ҳолат онро озодии сухан гуфта мумкин аст, зеро дар ин ҷо

шахс андешаи худро оид ба ин ё он зухурот баён намуда истодааст.

Ҳамзамон, дар сатҳи Конститутсияи ҚТ инкишофёбии ҳаёти ҷамъиятӣ дар асоси равияҳои гуногуни сиёсӣ ва мафкуравӣ арзёбӣ гардидааст. Ин далолат аз он аст, ки ҳар як фард метавонад, фикру ақидаи худро ба сохторҳои гуногуни иқтисодӣ, иҷтимоӣ, сиёсӣ, ҳуқуқӣ ва дигар сохторҳои Ҷумҳурии Тоҷикистон, давлатҳои хориҷӣ ва умуман тамаддуни ҷаҳонӣ тавассути озодии сухан баён намояд. Ва табиати ҳуқуқии ҳуқуқҳои сиёсӣ низ дар он аст, ки фардро ҳамчун узви фаъоли ҷомеаи давлат муаррифӣ менамояд.

Тавассути ин ҳуқуқи сиёсӣ шахрвандон метавонанд дигар ҳуқуқҳои худро дар ҷомеаи демократӣ амалӣ намоянд. Дар ҷомеаи демократӣ ва шахрвандӣ озодии сухан минбари ҳокимият — назорати халқ аст, ки тавассути он манфиату арзишҳои иҷтимоӣ ва ҳуқуқӣ ё бевосита дифоъ карда мешавад ва ё тавассути баровардан ба муҳокимаи умум роҳҳои иловагии ҳифзашро ҷустуҷӯ менамоянд. [16, с. 165] Дар ҷомеа, шахрвандон оид ба ин ё он масъала ва проблемаҳои фаҳмиши худро доранд, метавонанд тавассути озодии сухан камбудихои ҷомеаю давлатро баён намуда, роҳҳои ҳаллашонро нишон диҳанд. Мунозираи озоду кушод ин роҳи хуби ҳалли проблемаҳои аст. [1, с. 167]

Конститутсияи Ҷумҳурии Тоҷикистон (минбаъд Конститутсияи ҚТ) ба ҳар кас озодии сухан, нашр, ҳуқуқи истифодаи воситаҳои ахборро қафолат медиҳад (мод. 30). Ин ҳуқуқ дар санадҳои байналхалқӣ низ муфассал дарҷ шудааст. Аз ҷумла, дар моддаи 19 Эълонию умумии ҳуқуқи башар (минбаъд ЭУХБ) омадааст, ки «Ҳар инсон ба озодии ақида ва баёни он ҳақ дорад; ин ҳуқуқ — озодии доштани ақидаҳои бидуни ҳеч даҳлат, озодии ҷустуҷӯ кардан, дарёфтани ва паҳн кардани иттилооту ақидаҳои, аз тариқи ҳар воситаи хабарӣ ва новобаста аз марзҳои давлатиро фаро мегирад». Моддаи 19 Паймони байналхалқӣ оид ба ҳуқуқҳои шахсӣ ва сиёсӣ (минбаъд ПБҲШС) бошад, муайян намудааст, ки:

«Ҳар як инсон ҳақ дорад, ки бидуни да-
холат ақидаҳои худро дошта бошад. Ҳар
як инсон ба изҳори озодонаи андешаи
худ ҳақ дорад; ин ҳақ озодии ҷустуҷӯ кар-
дан, ба даст овардан ва ошкор намудани
ҳама гуна маълумот ва ғояҳоро, сарфи
назар аз марзҳо, ба таври шифохӣ, хаттӣ,
чопӣ ё дар шаклҳои бадеиву дигар воси-
таҳои хабарӣ бо интихоби худ дар бар
мегирад».

Аз муқаррароти зикршуда муайян
кардан мумкин аст, ки ҳуқуқи мазкур дар
Конститутсияи ҚТ бо ибораи «озодии су-
хан» оварда шудааст. Дар санадҳои бай-
налхалқӣ бошад, он бо ибораи «озодии су-
хани» ва «ибрози ақида», ки ин ҳам озод-
ии суҳанро дар назар дорад, шиноса
гардидааст.

Дар адабиёти ҳуқуқӣ низ ин ҳуқуқ
бо номҳои гуногун «фикри ақида», «озод-
ии ақида», «озодии андеша», «ибрози
ақида», «озодии суҳан» оварда шудааст.
Дар воқеъ ин ибораҳо маъноҳои ба худ
хосро доранд, ки аз якдигар фарқ меку-
нанд.

Фикр яке аз унсурҳои ғайрифайзоли
озодии суҳан аст, ки хусусияти устуворӣ
ва арзишмандиро надошта, омадаву ра-
ванда аст. Масалан: ман фикр мекунам
фардо ҳаво хуб мешавад. Аммо ақида ё
андеша бошад, ин нуқтаи назари устувор
аст, ки характери арзиширо дорад. Масал-
ан: ман ақида дорам аз ноҳияи мо фу-
лони бо ҳайси вакил дар Маҷлиси намо-
яндагони Маҷлиси Олӣ интихоб шавад,
то ин ки ӯ аз уҳдаи ҳифзи ҳуқуқҳои мо
дар парламон баромада метавонад. Ин
ақида аст, он нисбат ба фикр устувор
буд, хусусияти арзишмандиро дорад.
Озодии ақида ё озодии андеша табиати
ғайрифайзол дошта, озодии мутлақро
ташқил медиҳад. Он дар ҷаҳони ботинии
шахс ҷойгир буда, характери ғайри-
файзолро дорад. Лекин дар Қонуни
Ҷумҳурии Тоҷикистон «Дар бораи мат-
буоти даврӣ ва дигар воситаҳои ахбори
омма» мафҳуми ақида чунин шарҳ дода
шудааст: «Ақида — баҳодихӣ, баёни
нуқтаи назар, шарҳ, инчунин изҳори ан-
деша оид ба муносибат ба зухурот, ра-
ванд ва ё шахсият аст, ки дар онҳо ҳуло-

саи тасдиқшаванда ё радшавандаи да-
лелҳо вуҷуд надорад». [20] Фикр меку-
нам, дар мафҳуми зикргардида ақида
моҳияти худро намекушояд, зеро он бо
озодии суҳан омехта гардидааст. Он
унсурҳое, ки дар озодии суҳан дида ме-
шавад дар ин мафҳум оварда шудааст.
Чи хеле ки қаблан қайд намудем, ақида
дар ҷаҳони ботинии мо ниҳон аст. Он ха-
рактери ғайрифайзолро дорад ва ҳеҷ кас
онро мушоҳида карда наметавонад. Агар
мо то онро иброз накунем он табиати
ғайрифайзолии хешро гум намекунад.
Ақида дар он вақт файзол мегардад, ки бо
ин ё он роҳ онро иброз намоем. Ибрози
андеша тавассути озодии суҳан амалӣ ме-
гардад, ки мо дар боло гуфта гузаштем.
Дар сатҳи Конститутсия ибораи озодии
суҳан пешбинӣ гардидааст. Аммо мутас-
сифона дар қонуни зикршуда, мафҳуми
ақида пешбинӣ шудааст, лекин мафҳуми
озодии суҳан шарҳи худро наёфтааст.

Қайд кардан ба маврид аст, ки
тибқи санадҳои байналхалқӣ ва қонунгу-
зории ҚТ озодии суҳан шаклҳо ва
тарзҳои ифодаёбии худро дорад. Чунин
шаклҳои ифодаёбии озодии суҳан мавҷуд
аст: **н**

— озодона иброз намудани ақида
дар рӯзномаву ҳафтаномаҳо, маҷаллаҳо,
солнома ва маҷмӯаву буллетенҳо, дар
шакли бадеиву эҷодӣ ва ғ.; **тавӣ**

— изҳори андеша дар барномаҳои
телевизиону радио, кинохроникаҳо, саб-
тҳо ва барномаҳои аудио ва аудиови-
зуалӣ. Озодии суҳан дар шакли му-
рочиатҳо, шикоятҳо ва пешниҳодҳо ба
мақомоти ҳокимияти давлатӣ, инчунин
дар интихобот ва раёйпурсиҳо дида ме-
шавад.

Қобили қайд аст, ки озодии суҳан
дар баробари шаклҳо, инчунин тарзҳои
ифодаёбии худро низ дорад, ки чунин-
нанд: **тарзи шифохӣ**

— тавассути воситаҳои хабарӣ
амалӣ мегардад; **тарзи хаттӣ**

— дар шакли дастнависӣ ё рассомӣ
ифодаи меебад; **чопӣ бошад**

— ба воситаи нашр намудан анҷом
дода мешавад.

Зиёда аз ин, озодии чустучӯ кардан, ба даст овардан ва паҳн кардани иттилоот ҳам кафолат дода шудааст. Шахс новобаста аз марзҳои давлатӣ метавонад, озодона иттилоотро чустучӯ кунад, ба даст оварад ва паҳн намояд.

Озодии сухан, роҳҳои амалинамоии он, асосҳои маҳдуднамоӣ ва паҳлуҳои гуногуни он дар қонунгузориҳои ҷорӣ чумхӯрӣ, масалан, дар Қонуни Ҷумҳурии Тоҷикистон «Дар бораи матбуоти даврӣ ва дигар воситаҳои ахбори омма» (соли 2013), дар Қонуни Ҷумҳурии Тоҷикистон «Дар бораи сирри давлатӣ» (соли 2003) ва дигар санадҳои меъёрӣ-ҳуқуқӣ кафолат дода шудааст.

Қонуни Ҷумҳурии Тоҷикистон «Дар бораи матбуоти даврӣ ва дигар воситаҳои ахбори омма» пешбинӣ менамояд, ки дар Ҷумҳурии Тоҷикистон матбуоти даврӣ ва дигар воситаҳои ахбори омма озоданд. Ҳамзамон тибқи он ҳар шахс ҳуқуқи озодона чустучӯ, дастрасвапаҳннамудани ахбор, изҳори ақида ва дар шаклҳои бо ҳамин Қонун муқарраршуда паҳннамудани онҳоро дар матбуоти даврӣ ва дигар воситаҳои ахбори омма дорад. [20]

Озодии суханро бе истифода аз воситаҳои ахбори омма тасаввур кардан ғайриимкон аст. Аз ин рӯ, қонунгузориҳои ҚТ ҳуқуқи таъсиси додани воситаҳои ахбори оммаро кафолат додааст. [8, с. 58] Ҳуқуқи таъсиси намудани воситаҳои ахбори оммаро ба шахрвандони Ҷумҳурии Тоҷикистон ва шахсони ҳуқуқӣ додааст.

Шахрвандоне, ки ба синни ҳаҷдаҳсолагӣ нарасидаанд, ё мувофиқи тартиби муқаррарнамудаи қонун аз қобилияти амал маҳрум шудаанд, ё қобилияти амалашон маҳдуд карда шудааст ва ё ҳизбҳои сиёсӣ, иттиҳодияҳои ҷамъиятӣ, ки фаъолиятшон мувофиқи қонун манъ карда шудааст, шахсони ҳуқуқии хориҷӣ, шахрвандони хориҷӣ ё шахсони бешахрванд, инчунин шахсони ҳуқуқие, ки дар сармояи (фонди) оинномавии онҳо сармоягузориҳои хориҷӣ зиёда аз 25 фоизро ташкил медиҳад муассисони воситаҳои ахбори омма шуда наметавонанд.

Конститутсияи ҚТ сензураи давлатӣ ва таъқиб барои танқидро манъ кардааст (қ. 3. мод. 30). Аз муқаррароти мазкур бармеояд, ки назорати давлатӣ ба мазмуну мундариҷаи рӯзномаву маҷлаҳо мумкин нест. Ҳамзамон танқид карданро иҷозат додааст, агар он ҳақиқат дошта бошад.

Дар баробари кафолат додани озодии сухан дар санадҳои меъёрӣ — ҳуқуқӣ, инчунин роҳ надодан ба суистифода аз онро низ қонунгузорӣ пешбинӣ намудааст.

Барои роҳ надодан ба суистифода аз озодии сухан бояд фарҳанги ҳуқуқии шахс баланд бошад ва дар фард фарҳанги ҳуқуқи инсон ташаккул ёфта бошад. Зеро фарҳанги ҳуқуқи инсон ҳамчун қисми таркибии фарҳанги ҳуқуқӣ талаб менамояд, ки аз ҳуқуқу озодиҳо суистифода карда нашавад ва дар ҳама маврид манфиати дигарон ба инобат гирифта шавад. [6; 11, с. 63–67; 10, с. 170–175] Ба ибораи дигар фарҳанги ҳуқуқи инсон яке аз воситаҳои асосии амалисозӣ ва таъмини ҳуқуқу озодиҳо шахс дар давлати ҳуқуқбунёд ба ҳисоб меравад. [12, с. 162–172]

Давлат озодии сухан ва истифода аз воситаҳои ахбори оммаро маҳдуд менамояд агар он ба таблиғот ва ташвиқоте, ки бадбинӣ ва хусумати иҷтимоӣ, наҷодӣ, миллӣ, динӣ ва забониро бармеангезанд, равона шуда бошад. Ҳамзамон дар мод. 6 Қонуни Ҷумҳурии Тоҷикистон «Дар бораи матбуоти даврӣ ва дигар воситаҳои ахбори омма» муқаррар шудааст, ки «Интишори маълумоти дорӣ сирри давлатӣ ё ахбори дигари бо қонун ҳифзшаванда, ахборе, ки барои бо зӯрӣ сарнагун сохтан ё тағйир додани соҳи конститутсионӣ, ба содир намудани ҷиноят, барангехтани кинаю адовати наҷодӣ, миллӣ, маҳалгароӣ, динӣ, забонӣ, ташвиқоти ҷанг, зулмузӯриварӣ, фаъолияти террористӣ ва экстремистӣ, ҳалалдор кардани тамомияти арзӣ ва мустақилияти давлат даъват мекунад, инчунин мавод ё предметҳои порнографиро таблиғ ва ташвиқ мекунад, манъ аст». [20.]

Чи хеле, ки дар боло қайд намудем маълумоти дорой сирри давлатиро ифшо намудан мумкин нест. Конститутсияи ҚТ пешбинӣ менамояд, ки номгӯи маълумотҳои сирри давлатидоштаро қонун муайян менамояд. Дар Қонуни Ҷумҳурии Тоҷикистон «Дар бораи сирри давлатӣ» пурра маълумотҳоеро, ки ба сирри давлатӣ мансубият доранд, нишон дода шудааст.

Ҳангоми таҳлили мақолаи мазкур ба чунин хулоса омадем:

1. Конститутсияи ҚТ озодии суханро ба «ҳар кас» пешбинӣ менамояд. Муқаррароти мазкур шаҳодат он аст, ки аз ин ҳуқуқи сиёсӣ шаҳрвандони ҚТ, шаҳрвандони хориҷӣ ва шахсони бешаҳрванд истифода мебаранд. ЭУҲБ ва ПБҲШС низ онро бо «ҳар як инсон» кафолат додааст. Қонуни Ҷумҳурии Тоҷикистон «Дар бораи матбуоти даврӣ ва дигар воситаҳои ахбори омма» ҳам, онро бо ибораи «ҳар кас» пешбинӣ менамояд, ки мазмуни озодии суханро мукамал месозад. Аз баъзе ҳуқуқи озодии сиёсӣ низ шаҳрвандони хориҷӣ ва шахсони бешаҳрванд истифода мебаранд. Ба монанди озодии сухан, ҳуқуқ ба мутаҳидшавӣ ва ҳуқуқ ба муроҷиат. Аз ин рӯ, андеша оид ба он ки ҳуқуқи озодии сиёсӣ танҳо ба шаҳрвандон дахл доранд, нодуруст буда, чунин андеша ба гурӯҳи маҳдуди ин ҳуқуқи озодӣ дахл дорад.

2. Озодии сухан сарчашмаи асосии ҳуқуқи озодии сиёсӣ шаҳрвандон ба шумор меравад, яъне бидуни ҳуқуқи мазкур дигар ҳуқуқҳои сиёсиро тасаввур намудан ғайриимкон аст. Бе озодии андеша ва сухан ҳуқуқи иштирок дар интихобот, иштирок дар чорабиниҳои ороишта, ҳуқуқ ба мутаҳидшавӣ ва ғ.-ро тасаввур намудан номумкин аст. Ҳуқуқҳои сиёсӣ аз ин ҳуқуқ маншаъ мегиранд. Аммо дар Конститутсияи кишвар, он баъд аз ҳамаи ҳуқуқи озодии сиёсӣ ҷойгир карда шудааст. Ҳоло он, ки дар ЭУҲБ ва ПБҲШС озодии сухан пеш аз дигар ҳуқуқи озодии сиёсӣ меистад. Аз ин рӯ, хуб мешуд, ки он пеш аз дигар

ҳуқуқи озодии сиёсӣ, яъне дар моддаи 27-и Конститутсияи ҚТ ҷойгир карда шавад, баъдан дигар ҳуқуқи озодии сиёсӣ шаҳрвандон. Зеро дар ин шакл ҷой намудани ҳуқуқи озодии сиёсӣ боз ҳам сатҳи демократияро дар кишвар тақвият мебахшад. Чунки давлат диққати ҳосаи хешро дар аввал ба озодии сухан додаст, ки манбаи дигар ҳуқуқҳои сиёсӣ ба шумор меравад. Қайд кардан ба маврид аст, ки дар шакли зикршуда, ҷой намудани ҳуқуқи озодии сиёсӣ ба санадҳои байналхалқӣ низ мувофиқ аст.

3. Масъалаи дигаре, ки дар мақолаи мазкур зери тадқиқ қарор гирифт ин дигар намудани мафҳуми **ақида**, ки дар Қонуни Ҷумҳурии Тоҷикистон «Дар бораи матбуоти даврӣ ва дигар воситаҳои ахбори омма» пешбинӣ гардидааст. Фикр мекунам, дар мафҳуми зикргардида, ақида моҳияти худро намекушояд, зеро он бо озодии сухан омехта гардидааст. Аз ин рӯ чунин мафҳуми ақидаро пешниҳод менамоем: «Ақида нуқтаи назар, баҳодихӣ оидбамуносибатбазуҳурот, равандваёшахсиятаст, ки дар онҳо хулосаи тасдиқшаванда ё радшавандаи далелҳо вучуд надорад, дар ҷаҳони ботинии шахс ниҳон буда, мутлақ мебошад». Бояд қайд кард, ки мафҳуми пешниҳодгардида ба ақида ҳамчун категорияи ҳуқуқӣ, сиёсӣ, психологӣ ва сотсиологӣ маънои мантиқӣ мебахшад.

4. Дар сатҳи Конститутсия ибораи озодии сухан пешбинӣ гардидааст. Мутассифона мафҳуми озодии сухан дар қонунгузори ҚТ пешбинӣ нагардидааст. Хуб мешуд, баҳри боз ҳам фаҳмо шудани ҳуқуқи мазкур мафҳуми озодии сухан бо маънои зайл дар қонуни зикршуда пешбинӣ мегардид: «Озодии сухан баҳодихӣ, баёнинуқтаиназар, шарҳ, инчунин изҳори андеша оид ба масъалаҳои сиёсӣ, иқтисодӣ, иҷтимоӣ, фарҳангӣ, раванд ва ё шахсият аст, ки ба таври оммавӣ, мақсаднок ва ошкоро ифода карда мешавад».

Руйхати адабиётҳо:

1. Диноршоев А. М., Саидов И. И. Личные и политические права в системе прав человека в Республике Таджикистан. — Душанбе, 2015. — 320 с.
2. Диноршоев А. М., Сафаров Б. А., Сафаров Д. С. Ҳуқуқи инсон. Китоби дарсӣ. — Душанбе, 2010. — 344 с.
3. Достиев А. С. Конституция Республики Таджикистан 1994 г.: история разработки, принятия и основные положения. — Душанбе, 1999. — 197 с.
4. Имомов А. И. Ҳуқуқу озодӣ ва вазифаҳои асосии инсон ва шахрванд. — Душанбе, 1997. — 112 с.
5. Миралиев И. Қ. Ҳуқуқ ба озодии суҳан ва кафолатҳои амалишавии он. // Масоили назариявӣ ва амалии ҳуқуқи инсон дар Тоҷикистон. — Душанбе. Виза — принт, 2011. — С. 174–177.
6. Насурдинов Э. С. Правовая культура: монография / Э.С.Насурдинов; [отв. ред. Ф.Т. Тахиров]. — М.: Норма, 2014. — 352 с.
7. Саидов И.И. Воплощение политических прав граждан в законодательстве РТ и проблема их реализации // Вестник Таджикского национального Университета (научный журнал) № 3-3 (136) Душанбе: «Сино» 2014 / С. 121-127.
8. Саидов И. И. Некоторые политические права граждан в законодательстве РТ и проблема их реализации // Вестник Педагогического Университета / №6 (55-2) Душанбе — 2013. — С. 57–66.
9. Сафаров Б. А. Всеобщая декларация прав человека как универсальный каталог прав и свобод человека. // Правая жизнь / № 3 (03) — Душанбе, 2015. — С. 38–44.
10. Саъдизода Дж. К вопросу о классификации культуры прав человека // Вестник педагогического Университета — издание ТГПУ им. Садрриддина Айни, серия общественных, гуманитарных и филологических наук. — Душанбе, 2013. — №6 (55), часть 2. — С. 170–175.
11. Саъдизода Дж. Культура прав человека как составная часть правовой культуры // Закон и право № 10. Москва: Издательства «ЮНИТИ-ДАНА», 2014. — С. 63–67.
12. Саъдизода Дж. Культура прав человека как средство обеспечения прав и свобод человека и гражданина в правовом государстве. // Проблемы соотношения международного и национального права. Материалы межвузовской научно-практической конференции 24–25 марта 2014 года / Под общей ред. Е.М. Павленко, А.М. Диноршоева. — Москва–Душанбе, 2014. — С. 264–272.
13. Саъдизода Дж., Некрузи Ф. Декларация Кира Великого и Великая Хартия Вольностей: сходства и различия. (на тадж. яз.) // Правая жизнь. Издательства юридического факультета ТНУ. №2 (10). — Душанбе, 2015. — С. 71–85.
14. Соломина М. В. Свобода слова как правовая и политическая категория. / Вестник Омского университета. Серия «Право». — 2008. — № 3 (16). — С. 158–161.
15. Сотиволдоев Р. Ш. Проблемаҳои назарияи давлат ва ҳуқуқ. Китоби дарсӣ Чилди 2. — Душанбе, 2010. — 654 с.
16. Тафсири илмию оммавии Конститутсияи (Сарқонуни) Ҷумҳурии Тоҷикистон. — Душанбе, Шарқи озод, 2009. — 520 с.
17. Тахиров Ф. Т. Актуальные проблемы истории и теории государства и права в условиях государственной независимости Республики Таджикистан. — Душанбе: Дониш, 2009. — 369 с.
18. Халиков А. Г., Диноршоев А. М. Права человека // Под ред. д. ю. н., проф. Халикова А.Г. — Душанбе, 2009. — 703 с.
19. Конститутсияи Ҷумҳурии Тоҷикистон аз 6 ноябри соли 1994.
20. Қонуни Ҷумҳурии Тоҷикистон «Дар бораи матбуоти даврӣ ва дигар воситаҳои ахбори омма» (Ахбори Маҷлиси Олии Ҷумҳурии Тоҷикистон, с. 2013 №3).
21. Эълומияи умумии ҳуқуқи башар аз 10 декабри соли 1948.
22. Паймони байналхалқӣ оид ба ҳуқуқҳои шахсӣ ва сиёсӣ аз 16 декабри соли 1966.

ЗАКОНОДАТЕЛЬНАЯ ПОЛИТИКА В СФЕРЕ ПРАВ ЧЕЛОВЕКА И ЕЕ РОЛЬ В ФОРМИРОВАНИИ КУЛЬТУРЫ ПРАВ ЧЕЛОВЕКА

Саъдизода Дж.,

ассистент кафедры прав человека и сравнительного правоведения юридического факультета Таджикского национального университета.

E-mail: jahon_1967@mail.ru

Научная специальность: 12.00.01 — теория и история государства и права, история учений о праве и государстве

Научный руководитель: Насриддинзода Э. С., доктор юридических наук, профессор

Рецензент: Насриддинзода Э. С., доктор юридических наук, профессор

Аннотация: В данной статье рассматривается один из важных вопросов науки прав человека — законодательная политика в сфере прав человека. На данный момент три ветви власти реализуют государственную политику в области прав человека, среди которых парламент занимает ключевое место. Роль законодательного органа в данной области и других вопросах, связанных с законодательной политикой в области прав человека в Республике Таджикистан, анализированы автором. В заключение автор предлагает свое определение законодательной политики в сфере прав человека.

Ключевые слова: государственная политика в области прав человека, законодательная политика в области прав человека, права человека, парламент

LEGISLATIVE POLICY IN THE SPHERE OF HUMAN RIGHTS AND ITS ROLE IN FORMATION THE CULTURE OF HUMAN RIGHTS

Sadizoda Jahongir,

Junior lecturer of the Department of Human Rights and Comparative Law of the Law Faculty, TajikNationalUniversity

Scientific specialty: 12.00.01 — theory and history of the law and state, history of the doctrines of the law and state

Research supervisor: Nasriddinzoda E. S., Doctor of Legal Sciences, Professor

Reviewer: Nasriddinzoda E. S., Doctor of Legal Sciences, Professor

Annotation: The present article concerns the most important issues of the science of human rights - legislative policy in the sphere of human rights. At present three branches of the government realize state policy in the sphere of human rights. In that aspect parliament possess supreme position. The role of legislative policy in the sphere of human rights in the Republic of Tajikistan is analyzed by the author. In conclusion the author suggests his own definition of legislative policy in the sphere of human rights.

Key words: state policy in the sphere of human rights, legislative policy in the sphere of human rights, human rights, parliament

Обзор законодательной политики в сфере прав человека и ее роли в повышении культуры прав человека [9, с. 63–67; 10, с. 170–175; 11, с. 51–54] имеет теоретическое и практическое значения. Это позволяет раскрыть содержание, природу, принципы и субъекты этого нового политического явления и дает исследователям возможность научного анализа других его сторон. Кроме того, его анализ позволяет законодательному органу и другим государственным органам, и учреждениям предложить практические рекомендации, связанные с эффективным осуществлением государственной политики в области прав человека, отбора и подготовки кадров, улучшения структуры, их функционирования и совершенствования законодательства в этой сфере.

Государственную политику в области прав человека, прежде всего, осуществляют три ветви государственной власти — законодательная, исполнительная и судебная, поэтому анализ деятельности этих трех ветвей государственной власти в области прав человека, особенно законодательной, позволит в целом определить государственную политику в области прав человека и ее роль в формировании культуры прав человека.

Законодательная политика в сфере прав человека является неотъемлемой частью правовой политики в целом и правовой политики в сфере прав человека [12, с. 82–86; 13, с. 264–272] в частности. Принцип разделения властей, который является одним из основных принципов правовой политики в сфере прав человека, требует, чтобы, наряду с другими ветвями власти, имела право на существование законодательная политика в сфере прав человека.

В повышении культуры прав человека и осуществлении государственной политики в области прав человека эффективную роль играет Парламент. Высший представительный и законодательный орган страны — Маджлиси Оли Республики Таджикистан играет огромную роль в обеспечении прав и свобод человека и гражданина. Но, тем не менее, его деятельность следует назвать косвенной, потому что в со-

ответствии с Конституцией и законодательством Республики Таджикистан Маджлиси Оли является высшим представительным и законодательным органом. [2, с. 44]

Основу законодательной деятельности Маджлиси Оли и его основного принципа составляют права человека. Так, в соответствии со статьей 3 Закона РТ «О нормативных правовых актах» «правотворческая деятельность (которая является одним из основных направлений деятельности законодательного органа — С. Дж.) осуществляется на основе соответствия принципам Конституции Республики Таджикистан законности приоритета норм международных правовых актов, признанных Таджикистаном по отношению к законам и подзаконным актам, преимущественного обеспечения защиты прав и свобод человека и гражданина, социальной справедливости...». [1, ст. 3]

А. Р. Нематов, исследуя вопросы правотворчества в Республике Таджикистан, предлагает «ввести в законодательство такую правовую категорию, как «общественное обсуждение». [3, с. 37] По его мнению, «эта категория особенно полно отражает содержание участия социума в процессе обсуждения законопроектов. Общественное обсуждение законопроектов может быть всенародным и профессиональным, когда круг субъектов узок и они выделяются по профессиональному признаку, т. е. законопроект обсуждается в узком кругу профессиональных субъектов, чья деятельность будет в будущем урегулирована настоящим законопроектом» [3, с. 37]

В соответствии с Конституцией (статья 57) нижняя палата парламента — Маджлиси намояндагон — имеет много полномочий, одной из которых является ратификация и денонсация международных договоров. [2, с. 49] Естественно, что с использованием этих полномочий Маджлиси намояндагон (Палата представителей) подтверждает и отменяет международные договоры и акты в области прав человека. До сегодняшнего дня Маджлиси Оли ратифицировал большинство международных ак-

тов по правам человека. Например: Всеобщая декларация прав человека, Международный пакт о гражданских и политических правах, Международный пакт об экономических, социальных и культурных правах, Конвенция о правах ребенка, Конвенция о ликвидации всех форм дискриминации в отношении женщин, Конвенция против пыток и других бесчеловечных, унижающих достоинство видов обращения и наказания и другие.

Кроме того, Маджлиси Оли в принятии законов, касающихся прав человека, также является передовиком, и в этой области достиг великих законодательных достижений. Уголовное законодательство, предусматривающее уголовную ответственность за нарушение прав человека, другие виды законодательств, их качество зависит от профессионального уровня парламента. [7, с. 96–100; 8, с. 80–120] Государственная политика в области прав человека должна быть сформирована на основе прочной законодательной базы, и такую базу подготовил Маджлиси Оли. Парламент страны принял много законов, относящихся к правам человека, которые образуют нормативную базу, состоящую из следующих законов: Конституционный закон РТ «О гражданстве» (04.11.1995), законы Республики Таджикистан «О правовом положении иностранных граждан в Республике Таджикистан» (01.02.1996), «Об обращениях граждан» (14.12.1996), «О беженцах» (10.05.2002), «Об образовании» (17.05.2004), «О государственных гарантиях равноправия мужчин и женщин и равных возможностях их реализации» (01.03.2005), «Об ответственности родителей за обучение и воспитание детей» (02.08.2011), «Об Уполномоченном по правам человека в Республике Таджикистан» (20.03.2008), «О предотвращении насилия в семье» (19.03.2013), «О защите прав ребенка» (18.03.2015) и другие. Качеством профессиональных законов парламента определяется перспектива обеспечения прав и свобод человека и гражданина.

Кроме того, Маджлиси Оли сделал большой вклад в имплементации междуна-

родных актов по правам человека в национальном законодательстве, ибо внести необходимые изменения и дополнения к законам имеет право именно этот орган. На сегодняшний день практически все положения международных актов по правам человека, в частности, Международный пакт о гражданских и политических правах, имплементированы в законодательстве РТ. [5, с. 67–153; 6, с. 80–130]

Маджлиси Оли осуществляет деятельность во всех направлениях и для регулирования важных общественных отношений принимает соответствующие законы. Естественно, что права и свободы человека в то же время являются одним из приоритетных и важных направлений общественных и государственных отношений, поэтому в составе нижней палаты парламента — Маджлиси намояндагон — был создан Комитет по законодательству и правам человека, который играет эффективную роль в принятии законов в этой сфере. Маджлиси намояндагон состоит из комитетов и комиссий, которые делают деятельность этой палаты парламента организованной. Среди комитетов ключевое место занимает Комитет по законодательству и правам человека, который ответственен за все вопросы, связанные с правами человека и законодательства в этой области в парламенте.

В соответствии с главой 3 части 88 Регламента Маджлиси намояндагон Маджлиси Оли Республики Таджикистан Комитет по законодательству и правам человека ответственен за законодательство о толковании Конституции Республики Таджикистан и законы Республики Таджикистан; законодательство о защите конституционных прав и свобод человека и гражданина; законодательство о нормативных правовых актах; законодательство об антикоррупционной экспертизе нормативных правовых актов и проектов нормативных правовых актов; законодательство о лицензионной системе; законодательство об обращениях граждан; законодательство о труде, об административных правонарушениях и административном производстве; законодательство по вопросам гражданства, правового

положения иностранных граждан и лиц без гражданства; гражданское, гражданское процессуальное и экономическое процессуальное законодательство; уголовное, уголовно-процессуальное законодательство и законодательство об исполнении уголовного наказания; законодательство о судебной системе, статусе судей и судебных объединениях; законодательство об органах юстиции, прокуратуры, адвокатуры и нотариата; законодательство о государственных наградах; законодательство об исполнительном производстве; законодательство о финансировании органов и организаций, деятельность которых относится к компетенции комитета и контроль его исполнения; правовые вопросы об амнистии и применении амнистии. [4, с. 17–19]

В связи с тем, что эта часть законодательства относится и применяется больше к правам человека, ответственность за это несет названный комитет, то есть окончательное заключение о перенесении на парламентское рассмотрение любого законопроекта или юридического документа, связанного с правами и свободами человека и гражданина, дает этот комитет. Можно ска-

зать, что парламентскую политику в области прав человека осуществляет Комитет по законодательству и правам человека. Сам же парламент непосредственно не участвует в этой политике, но участвует через подведомственный орган.

Маджлиси намояндагон вправе назначить на повестку дня парламентского слушания выполнение государственными органами государственных программ, в том числе касающихся прав человека. Также Маджлиси намояндагон имеет право слушать на парламентских слушаниях выполнение того или иного закона, в том числе в области прав человека.

Можно заключить, что в реализации государственной политики в области прав человека активно участвует парламент, поэтому использование термина «законодательная политика» в сфере прав человека является целесообразным.

Исходя из этого, можно определить законодательную политику в сфере прав человека как **деятельность законодательного органа по реализации правовой политики в данной области, которая осуществляется посредством законотворчества и принятия других мер в области прав и свобод человека и гражданина.**

Литература:

1. Закон Республики Таджикистан «О нормативных правовых актах» (Ахбори Маджлиси Оли Республики Таджикистан (во втором чтении принят) 2009 год, № 3, ст. 99; Закон РТ от 11.03.10 г., № 597; Закон РТ от 28.06.11 г., № 730).
2. Конституция Республики Таджикистан (на таджикском, русском и английском языках). — Душанбе, 2003.
3. Нематов А. Р. Правотворчество в Республике Таджикистан: актуальные вопросы теории и практики: автореф. дисс. ... д-ра юрид. наук: 12.00.01. — М., 2013. — 44 с.
4. Регламент Маджлиси намояндагон Маджлиси Оли Республики Таджикистан (Ахбори Маджлиси Оли Республики Таджикистан, 2013 год, № 4 ч. 2, ст. 344). Принят Постановлением Маджлиси намояндагон Маджлиси Оли Республики Таджикистан от 10 апреля 2013 года, № 1145 (Ахбори Маджлиси Оли Республики Таджикистан, 2013 г., № 4, ч. 1, ст. 271).
5. Диноршоев А. М., Сафаров Б. А. Закрепление международных стандартов в области прав человека в национальной правовой системе Республики Таджикистан. Монография. — Душанбе, «Андалеб-Р», 2015. — 164 с.
6. Саидов И. И. Развитие личных и политических прав человека в Таджикистане: историко-правовой и общетеоретический анализ: [Электронный ресурс]: Дис. ... кан. юрид. наук: 12.00.01. — Душанбе, 2015. — 209 с.

7. Азизов У. А. Особенности исторической тенденции развития институтов преступления и наказания в Таджикистане / У.А. Азизов // Вестник Таджикского национального Университета (научный журнал). Серия гуманитарных наук. — Душанбе, 2015. — № 3/5 (173). — С. 96–100.
8. Азизов У.А. Развитие уголовного законодательства Республики Таджикистан / У.А. Азизов. — Душанбе: Ирфон, 2006. — 152 с.
9. Саъдизода Дж. К вопросу о классификации культуры прав человека // Вестник педагогического Университета — издание ТГПУ им. Садриддина Айни, серия общественных, гуманитарных и филологических наук. — Душанбе, 2013. — № 6 (55), часть 2. — С. 170–175.
10. Саъдизода Дж. Культура прав человека как государственная гарантия обеспечения прав и свобод человека (на тадж. яз.) // Вестник Таджикского национального университета. Серия гуманитарных наук. Часть 2 № 3/7 (124). Душанбе: «Сино», 2013. — С. 51–54.
11. Саъдизода Дж. Культура прав человека как составная часть правовой культуры // Закон и право №10. Москва: Издательства «ЮНИТИ-ДАНА», 2014. — С. 63–67.
12. Насурдинов Э. С. Правовая политика в сфере прав человека и ее роль в совершенствовании правовой культуры граждан // Вестник Таджикского национального университета. Серия гуманитарных наук. — Душанбе, 2014. — № 3/3 (136). — С. 82–86.
13. Саъдизода Дж. Культура прав человека как средство обеспечения прав и свобод человека и гражданина в правовом государстве. Проблемы соотношения международного и национального права. Материалы междуниверситетской научно-практической конференции 24–25 марта 2014 года / Под общей ред. Е.М. Павленко, А.М. Диноршоева. — Москва–Душанбе, 2014. — С. 264–272.

**РАЗВИТИЕ ЮРИДИЧЕСКИХ ВЗГЛЯДОВ О СООТНОШЕНИИ ПОНЯТИЙ
КОРРУПЦИЯ И КОРУПЦИОННАЯ ПРЕСТУПНОСТЬ**

Сафарзода А. И.,

заведующий кафедрой уголовного права юридического факультета Таджикского национального университета, кандидат юридических наук, доцент.

E-mail: anvar_safarov85@mail.ru

Научная специальность: 12.00.08 — уголовное право и криминология, уголовно-исполнительное право

Рецензент: Шарипов Т. Ш., доктор юридических наук, профессор

Аннотация: В статье анализируется соотношение проблемы коррупции и коррупционные преступления в теории и законодательстве. На их основе определено, что коррупционная преступность представляет собой исторически изменчивое явление и, прежде всего, в связи с изменчивостью реакции на нее со стороны государства и общества. В целом подобная историческая изменчивость коррупционной преступности обусловлена как социальными изменениями в обществе, так и изменением уголовного законодательства и практики его применения.

Ключевые слова: коррупция, коррупционные преступления, взяточничество, легализация преступных доходов, экономические преступления, общественная опасность, должностные преступления

DEVELOPMENT OF LEGAL OPINIONS ABOUT THE CONCEPTS OF CORRUPTION AND CORRUPTION CRIMES

Safarzoda A. I.,

Head of the Department of Criminal Law of the Law Faculty, Tajik National University, Candidate of Legal Sciences, Assistant Professor

Scientific specialty: 12.00.08 — criminal law and criminology, criminally and executive law

Reviewer: Sharipov T. Sh., Doctor of Legal Sciences, Professor

Annotation: The article examines the correlation of the problems of corruption and corruption-related offenses in the theory and legislation. Based on them, it is determined that a corrupt crime is a historically volatile phenomenon primarily due to the variability of response to it by the state and society. In general, such a historical volatility due to corruption-related crimes as social changes in society and changes in criminal law and practice.

Keywords: corruption, corruption-related offenses, bribetaking, legalization of criminal incomes, economic crimes, social danger, crimes of officials

Коррупция сопровождает человечество с древнейших времен. Причины возникновения коррупции, в зависимости от исторической эпохи и фазы социально-экономического развития стран, весьма различны, а поэтому разработать некие универсальные правовые и организационные средства по ее предупреждению и пресечению представляется малореальным. Проблема борьбы с коррупцией характерна не только для Таджикистана, но и для всего мирового сообщества.

Коррупция — одна из наиболее острых и трудноразрешимых проблем, которая существовала в разные эпохи развития человечества. Для любого государства и общества коррупция является угрозой, наносящей огромный ущерб авторитету и интересам государственной власти. [5, с. 47] Актуальность проблемы коррупции также обусловлена широким распространением коррупционных проявлений и отсутствием эффективного механизма противодействия. Общественная опасность коррупции заключается в подрыве основ государственной власти и управления, ущемлении конституционных прав и интересов граждан, подрыве демократических устоев и правопорядка, дискредитировании деятельности государственного аппарата, извращении принципов законности, препятствовании проведению экономических реформ в каждой стране. [1, с. 110]

Следует отметить, что сегодня проблема коррупции пересекла все национальные границы и приобрела международный характер. Реагируя на проблемы коррупции, ООН и другие международные организации приняли ряд соответствующих нормативно-правовых актов в области борьбы с коррупцией. В последние десятилетия в мире было принято достаточно большое количество международно-правовых документов, касающихся борьбы с коррупцией. Среди основополагающих международно-правовых документов особо следует выделить: 1) Кодекс поведения должностных лиц по поддержанию правопорядка, принятый резолюцией ГА ООН 17 декабря 1979 года; 2) Руководящие принципы для эффективного осуществления Кодекса поведения должностных лиц по поддержанию правопорядка, утвержденные резолюцией ЭКОСОС ООН 24 мая 1989

года; 3) Конвенцию Совета Европы об отмытии, выявлении, изъятии и конфискации доходов от преступной деятельности 8 ноября 1990 года; 4) Межамериканскую конвенцию о борьбе с коррупцией, принятую Организацией американских государств 29 марта 1996 года; 5) Рекомендательный законодательный акт «О борьбе с организованной преступностью», принятый постановлением МПА СНГ 2 ноября 1996 года; 6) Международный кодекс поведения государственных должностных лиц, принятый резолюцией ГА ООН 12 декабря 1996 года; 7) Декларацию ООН о борьбе с коррупцией и взяточничеством в международных коммерческих операциях, утвержденную резолюцией ГА ООН 16 декабря 1996 года; 8) Двадцать принципов борьбы с коррупцией, принятые комитетом министров Совета Европы 6 ноября 1997 года; 9) Модельный закон «О противодействии легализации (отмыванию) доходов, полученных незаконным путем», принятый на XII пленарном заседании МПА СНГ 8 декабря 1998 года; 10) Конвенцию Совета Европы о гражданско-правовой ответственности за коррупцию от 27 января 1999 года; 11) Модельный закон «О борьбе с коррупцией», принятый на XIII пленарном заседании МПА СНГ 3 апреля 1999 года; 12) Конвенцию Совета Европы о гражданско-правовой ответственности за коррупцию от 9 сентября 1999 года; 13) Международную конвенцию о борьбе с финансированием терроризма, принятую резолюцией ГА ООН 9 декабря 1999 года; 14) Модельный кодекс поведения для государственных служащих, принятый Комитетом министров Совета Европы 11 мая 2000 года; 15) Декларацию и программу действий форума тысячелетия «Мы, народы: укрепление ООН в XXI веке», принятые ГА ООН 26 мая 2000 года; 16) Конвенцию ООН против транснациональной организованной преступности, принятую резолюцией ГА ООН 15 ноября 2000 года; 17) Парижскую декларацию против отмытия денег (Итоговая декларация Парламентской конференции Евросоюза по борьбе с отмытием денег) от 8 февраля 2002 года; 18) Меры по борьбе с коррупцией. Меры по борьбе с отмытием денег. Планы действий по осуществлению Венской декларации о

преступности и правосудии: ответы на вызовы XXI века, принятые резолюцией ГА ООН 15 апреля 2002 года; 19) Единые правила против коррупции при финансировании политических партий и избирательных кампаний, принятые Комитетом министров Совета Европы 8 апреля 2003 года; 20) Модельный закон «Об основах законодательства об антикоррупционной политике», принятый на XXII пленарном заседании МПА СНГ 15 ноября 2003 года; 21) Соглашение о сотрудничестве государств — участников СНГ в борьбе с преступностью от 25 ноября 2003 года; 22) Конвенцию ООН против коррупции, принятую резолюцией ГА ООН 31 октября 2003 года.

Коррупционную преступность как криминологическую категорию нельзя отнести к абсолютно новым объектам правовых исследований. Изучению коррупции и ее проявлениям посвящены исследования многих зарубежных и отечественных специалистов, [18].

Актуальность проблемы коррупционной преступности отмечается во многих исследованиях, осознается обществом и постоянно освещается в средствах массовой информации, в выступлениях различных политических деятелей. На современном этапе существует достаточное количество научных исследований, посвященных коррупционной преступности, но до настоящего времени остается открытым вопрос, какие близкие между собой по содержанию деяния включает в себя коррупционная преступность и какие преступления следует считать коррупционными.

Как правильно отмечают С. К. Илий и В. И. Коваленко, в настоящий момент существует достаточно большое количество публикаций, выступлений в СМИ, в которых обсуждаются вопросы коррупционной преступности. Однако зачастую авторы, полемизируя по данному вопросу, говорят о нескольких разных вещах. [8, с. 51]

Анализ специальной литературы по изучению проблемы коррупции в обществе показывает, что среди ученых нет единого мнения по поводу определения терминов «коррупция» и «коррупционная преступность» и их тождественности. Так, Р. Р. Газимзянов отмечает, что «эти два термина

имеют общее лингвистическое происхождение, но должны иметь разное толкование. Коррупция как социальное явление представляет собой «порчу», «разложение», продажность в сфере социального управления, она включает в себя широкий круг поступков, запрещенных нормами права и морали. Коррупция — это многообразное трансформирующееся явление, которое стало объектом исследования специалистов различных отраслей знания: политологов, социологов, правоведов, культурологов, историков, экономистов и др. Коррупционная преступность — категория криминологическая и представляет собой совокупность «родственных» коррупционных преступлений. Следовательно, коррупция более широкое понятие, чем коррупционная преступность». [3, с. 15–16]

Следует отметить, что относительно определения и понятия коррупционной преступности до настоящего времени среди ученых нет единого мнения. Одни ученые употребляют понятие «коррупционная преступность», другие — «коррупционные преступления», [4, с. 6] третьи — «преступления коррупционного характера», четвертые употребляют и одно, и другое название. Кроме этого, понятия «коррупция» и «коррупционная преступность» зачастую используются как синонимы, что не совсем верно, так как на самом деле понятие коррупции шире, включает, помимо собственно коррупционной преступности, и другие правонарушения коррупционного характера (административные, дисциплинарные, гражданско-правовые).

В связи с отмеченным встает вопрос о правильном обозначении указанного явления, отражающего сущность, поскольку использование различных терминов и понятий, обозначающих одно и то же явление, имеет определенные недостатки, так как каждый термин имеет свое собственное значение. Это создает сложности как в уяснении содержания обозначаемого ими явления, так и в практической работе.

В этой связи четкое разграничение различных терминов и понятий, обозначающих определенное явление, имеет не только тео-

ритическое, но и важное прикладное значение для определения содержания явления, его отграничения от смежных составов. [10, с. 6–7]

Следует отметить, что проблема коррупционной преступности в настоящее время со стороны специалистов в области криминологии и уголовного права в полном объеме не исследована. В частности, остались открытыми критерии определения коррупционной преступности и преступлений, которых следует считать коррупционными.

Исходя из этого, среди криминологов существуют два подхода в определении понятия «коррупционная преступность» — в узком и широком смыслах слова.

В узком смысле слова под «коррупционной преступностью» подразумевается совокупность преступлений коррупционного характера или коррупционных преступлений. [15, с. 591] Другие авторы, рассматривая коррупционную преступность также в узком смысле слова, отождествляют ее лишь с взяточничеством. В действительности коррупционная преступность по отношению к взяточничеству выступает как «общее» по отношению к «частному». Взятничество является одной из разновидностей коррупционного преступления, тогда как коррупция может выразиться как во взяточничестве, так и в любом другом поведении лиц, которым поручено выполнение определенных обязанностей в государственном или частном секторе и которое ведет к нарушению обязанностей и имеет целью получение незаконных выгод для себя и других.

В широком смысле коррупционная преступность охватывает все виды преступности, связанные с проявлением коррупции. Как правильно отмечает В. В. Лунеев, общим для всех современных отечественных криминологов, независимо от того, какое направление или школу они представляют, является то, что коррупционная преступность, как и коррупция, рассматривается как явление социальное, синтетическое, включающее в себя совокупность родственных видов деяний. [12, с. 380–381]

Вместе с тем на настоящий момент подавляющее большинство криминологов

трактует понятие коррупции в более широком смысле, не ограничивая ее лишь таким преступлением, как взяточничество, т. е. в широком смысле — коррупционная преступность охватывает все виды преступности, связанные с проявлением коррупции, [15, с. 591] тем более что и в этимологическом смысле термин «коррупция» понимается не только как продажность, но и как развращенность, порча, упадок. [17, с. 157]

Профессор Б. В. Волженкин считает, что коррупционная преступность — это преступления лиц, официально привлеченных к управлению (государственные и муниципальные служащие и иные лица, уполномоченные на выполнение государственных функций), использующих различным образом имеющихся у них по статусу возможности для незаконного извлечения личной выгоды. [2, с. 406–407]

По мнению А. И. Долгова, коррупционная преступность — это совокупность преступлений коррупционного характера. Такого мнения о коррупционной преступности придерживаются и другие специалисты в области криминологии.

Так, С. Г. Келина считает, что коррупционная преступность выступает как совокупность коррупционных преступлений, в составе которых должны входить многие деяния, совершаемые с использованием служебного положения, в том числе и деяния, предусмотренные статьями 159 и 160 УК РФ, корыстные должностные преступления (статьи 285 и 289), а также деяния, предусмотренные статьями 201 и 204 УК РФ. [9, с. 122]

Н. А. Лопашенко полагает, что коррупционная преступность состоит из коррупционных преступлений, к которым относятся должностные (служебные) преступления, совершаемые в различных сферах деятельности и, в частности, в сфере экономики. [11, с. 93–94] Г. Е. Енюхина видит коррупционную преступность в судебной системе, через коррупционных злоупотреблений, связанных с корыстной и иной личной заинтересованностью должностных лиц, осуществляющих правосудие. [7, с. 20]

Профессор О. Л. Дубовик считает, что коррупционная преступность проявляется в виде противоправных деяний должностных

лиц органов государственной власти, которые выступают в качестве обеспечительной деятельности, гарантируют возможность преступных деяний либо повышают ее выгоду, во всех случаях делая ее более безопасной и рациональной. [6, с. 157]

Н. А. Хиндикайнен отмечает, что «являясь частью коррупции, коррупционная преступность одновременно является частью преступности в целом. Однако коррупционная преступность не сводится к простой сумме совершенных коррупционных преступлений. Исходя из того, что коррупционная преступность находится в области пересечения двух социальных явлений — коррупции и преступности, мы предлагаем следующее определение: коррупционная преступность — это совокупность преступлений, совершаемых публичными лицами, исходя из личной заинтересованности и (или) с целью получения выгоды, условий и причин их совершения и иных факторов, влияющих на степень распространенности данных преступных деяний». [20, с. 7]

Х. А. Умаров, который исследовал проблемы противодействия коррупции в Республике Таджикистан, считает, что коррупционной преступностью является негативное исторически изменчивое социально-правовое явление, представляющее собой совокупность предусмотренных уголовным законодательством преступлений, совершенных лицами, официально причастными к управлению (государственными служащими, иными лицами, уполномоченными на выполнение публичных функций, а также лицами, занимающими аналогичные должности в организациях частного сектора) с использованием имеющихся у них возможностей для незаконного извлечения личных, групповых и корпоративных выгод. [18, с. 10–11]

Профессор М. Д. Давитадзе считает, что коррупционная преступность — это целостная относительно массовая совокупность преступлений различного вида и категорий (тяжкие, особо тяжкие), посягающих на авторитет государственной службы или службы в органах местного самоуправления. [5, с. 55]

Анализ отечественной и зарубежной нормативно-правовой документации и литературы показывает, что существуют принципиально различающиеся подходы в определении коррупционной преступности.

Первый подход связан с частным или полным отождествлением понятий коррупции и коррупционной преступности. Анализ нормативно-правовых актов в области борьбы с коррупцией и специальной литературы показывает, что их авторы не разделяют понятие коррупции от коррупционной преступности. [13, с. 55] В этом плане правильно отмечает А. Л. Репецкая, что «коррупция является более широким понятием, чем коррупционная преступность. Последняя между тем составляет ядро коррупции и позволяет отслеживать основные тенденции ее качественных и количественных изменений». [14, с. 126–127]

Второй подход выражается в некорректном либо спорном расширении содержания понятия коррупционной преступности за счет включения в нее всех преступлений, обязательным признаком которых является совершение деяния должностными лицами и с корыстной или иной личной заинтересованностью (например, превышение полномочий служащими частных охранных и детективных служб, превышение должностных полномочий, из хулиганских побуждений). Например, Х. А. Умаров, анализируя проблему коррупционных преступлений в Республике Таджикистан, отмечает, что к коррупционному преступлению можно отнести любое деяние, предусмотренное нормой особенной части УК Таджикистана, совершенное с использованием должностных полномочий и служебного положения, носящее корыстный умысел. [18, с. 70]

Третий подход заключается в том, что исключает возможность отнесения к числу коррупционных деяний, преступлений непосредственно связанных с ними (например, легализация (отмывание) денежных средств либо иного имущества, полученных противозаконным путем), что не только противоречит международно-правовым документам в области противодействия коррупции, но и существенно ограничивает возможности для

эффективной борьбы с источниками коррупции, прежде всего, с отмыванием преступных доходов.

Таким образом, анализируя мнения ученых по поводу определения понятия «коррупционная преступность» и подходы, которые существуют в этом направлении, можно прийти к заключению о том, что анализируемое явление (коррупционная преступность) представляет собой исторически

изменчивое явление и прежде всего в связи с изменчивостью реакции на нее со стороны государства и общества. В целом подобная историческая изменчивость коррупционной преступности обусловлена как социальными изменениями в обществе, так и изменением уголовного законодательства и практики его применения. [16, с. 126–129]

Литература:

1. Бадалянц Э. Ю. Коррупция: проблемы уголовно-правовой регламентации // Актуальные проблемы борьбы с коррупцией и организованной преступностью / Сборник научных статей по итогам научно-практического семинара в Московском университете МВД России, состоявшегося 29 апреля 2009. Под ред. д. ю. н. проф. Н.Г. Кадников и к. ю. н. М.М. Малыковцева. Московский университет МВД России. — М., 2009. — С. 110.
2. Волженкин Б. В. Коррупционная преступность // Криминология / Под ред. проф. В.Н. Бурлакова, проф. В.П. Сальникова, проф. С.В. Степашина. — СПб., 1999. — С. 406–407.
3. Газимзянов Р. Р. Коррупционная преступность в Республике Татарстан на рубеже веков: криминологическое исследование. Дисс. на соис. канд. юрид. наук. — Нижний Новгород, 2005. — С.15–16.
4. Голубев В. В. Квалификация коррупционных преступлений: монография. — М.: ВНИИ МВД России, 2002. — С. 6.
5. Давитадзе М. Д. Коррупция: вид, причины и последствия // Актуальные проблемы борьбы с коррупцией и организованной преступностью / Сборник научных статей по итогам научно-практического семинара в Московском университете МВД России, состоявшегося 29 апреля 2009. Под ред. д. ю. н. проф. Н.Г. Кадников и к. ю. н. М.М. Малыковцева. Московский университет МВД России. — М., 2009. — С. 47.
6. Дубовик О. Л. Незаконная торговля окружающей средой — новая разновидность коррупционной преступности // Экономическая преступность / Под ред. В.В. Лунеева, В.И. Борисова. — М., 2002. — С. 157.
7. Енюхина Г. Е. Коррупция в судебных органах // Организованная преступность, терроризм и коррупция: криминологический ежеквартальный альманах. — Вып. 1. — М., 2003. — С. 20.
8. Илий С. К., Коваленко В. И. Криминологические особенности и основные направления противодействия коррупционной преступности / Преступность и общество: Сборник научных трудов. — М.: ВНИИ МВД России. 2010. — С. 51.
9. Келина С. Г. Коррупция и уголовный закон // Предупреждение организованной и коррупционной преступности средствами различных отраслей права. Сборник материалов международной научно-практической конференции (Москва, ИГП РАН, 2–3 ноября 2000 г.), круглого стола (Москва ИГП РАН, 17 мая 2001 г.), научно-практической конференции (Москва, ИГП РАН, 29–30 октября 2001 г.) / Под ред. В.В. Лунеева. — М., 2002. — С.122.
10. Ларичев В. Д. Преступность экономической направленности. — М., 2011. — С. 6–7.
11. Лопашенко Н. А. Проблемы уголовной ответственности за коррупционные преступления // Коррупция в органах власти: природа, меры противодействия, международное сотрудничество: Сборник статей / Под ред. П.Н. Панченко, А.Ю. Чупровой, А. И. Мизерия. — Н. Новгород, 2001. — С. 93–94.

12. Лунеев В. В. Коррупция // Криминология: учебник / Под ред. Н.Ф. Кузнецовой, В.В. Лунеева. — М., 2008. — С. 380–381.
13. Потокин И. В. К вопросу о понятии и формах коррупции // Актуальные проблемы противодействия коррупции: материалы международной научно-практической конференции, 14 октября 2010 г. — Белгород: ООНИ и РИД БелЮИ МВД России, 2010. — С. 151 (180 с.).
14. Репецкая А. Л. Современная характеристика и тенденции Российской коррупционной преступности и основные направления борьбы с ней. Известия ИГЭА. — 2011. — № 3 (77). — С. 126–127.
15. Российская криминологическая энциклопедия / под ред. А.И. Долговой. — М., 2000. — С. 591.
16. Сафаров А. И. Проблемы определения общественной опасности должностных преступлений в сфере предпринимательской деятельности // Вестник Таджикского национального университета. Серия гуманитарных наук. — Душанбе, 2014. — № 3/5(142). — С. 126–129.
17. Толковый словарь иностранных слов // Сост. Н.Л. Шестерина. — М., 1998. — С. 157.
18. Умаров Х. А. Противодействие коррупции в Республике Таджикистан: уголовно-правовые и криминологические аспекты. Дис. ... канд. юрид. наук. — М., 2007.
19. Халифаев М. Н. Политико-правовые аспекты противодействия коррупции в Таджикистане. Дис. ... канд. полит. наук. — Душанбе, 2009.
20. Хиндилайнен Н. В. Коррупционная преступность в Российской Федерации. Автореф. канд. юрид. наук. — Ростов-на-Дону, 2004. — С. 7.

ГРАЖДАНСКО-ПРАВОВАЯ ЗАКОННОСТЬ

Сулаймонов Ф. С.,

доцент кафедры международного права юридического факультета Таджикского национального университета, кандидат юридических наук.

E-mail: inter.law@gmail.com

Научная специальность: 12.00.03 — гражданское право, предпринимательское право, семейное право, международное частное право

Рецензент: Рачабов М. Н., кандидат юридических наук, доцент

Аннотация: Принцип законности в своем развитии прошел долгий этап формирования. История свидетельствует о том, что законность как принцип является краеугольным камнем развития общества и его отдельных институтов. При этом принцип законности пронизывает все нормативные правовые акты различного уровня и различной сферы действия. Из этого вытекает, что принцип законности приобретает свою отраслевую значимость и применимость. Следовательно, есть основание полагать, что принцип законности подразделяется на такие разновидности, как конституционный (универсальный) принцип законности и отраслевые принципы законности.

Ключевые слова: законность, отрасль права, Конституция, принцип

CIVIL AND LEGAL LEGALITY

Sulaimonov F. S.,

Assistant Professor of the Department of International Law of the Law Faculty, Tajik National University, Candidate of Legal Sciences

Scientific specialty: 12.00.03 — civil law, entrepreneurial law, family law, international private law

Reviewer: Rajabov M. N., Candidate of Legal Sciences, Assistant Professor

Annotation: The principle of legality in its development has passed a long stage of formation. History shows that legality, as a principle, is the cornerstone of the development of society and its individual institutions. At the same time, the principle of legality penetrates all the normative legal acts of different levels and varying scope. It follows that the principle of legality acquires its industry relevance and applicability. Consequently, there is reason to believe that the principle of legality is divided into species such as constitutional (universal) principle of legality and sectoral principles of legality.

Key words: legality, branch of law, the Constitution, the principle

Одним из условий создания демократического и правового государства является законность, которая понимается как неукоснительное соблюдение и исполнение норм закона. Законность как принцип демократического и правового государства вы-

ступает также как основа конституционного (государственного) строя. Так, согласно ст. 10 Конституции Республики Таджикистан, государство и все его органы, должностные лица, граждане и их объединения обязаны соблюдать и исполнять Конституцию и законы республики.

Принцип законности в своем развитии прошел долгий этап формирования. История свидетельствует о том, что законность как принцип является краеугольным камнем развития общества и его отдельных институтов.

Несмотря на общую характеристику принципа законности как основу конституционного и государственного строя Таджикистана данный принцип (как норма–принцип), в зависимости от круга общественных отношений на регулирование которых он направлен, приобретает ряд отличительных качеств. Так, принцип законности в уголовном законодательстве (ст. 4 Уголовного кодекса Республики Таджикистан), в зависимости от характеристик общественных отношений, регулируемых нормами уголовного права, приобретает уголовно-правовой характер. В частности, согласно принципу законности в уголовном праве, преступность деяния, его наказуемость и иные уголовно-правовые последствия определяются только Уголовным кодексом Республики Таджикистан. Или же: никто не может быть признан виновным в совершении преступления, а также подвергнут уголовному наказанию иначе, как по приговору суда и в соответствии с законом. Принцип законности также закреплен в Гражданско-процессуальном кодексе Республики Таджикистан, где предусматривается, что решения суда по гражданским делам должны быть законными и обоснованными (ч. 1 ст. 200).

Сказанное дает основание полагать, что принцип законности пронизывает все нормативные правовые акты различного уровня и различной сферы действия. Далее из сказанного вытекает что, несмотря на закрепление принципа в конституционной норме (ст. 10 Конституции Республики Таджикистан), в иных отраслях права и законодательства, принцип законности приобретает свою отраслевую значимость и применимость. Следовательно, есть основание полагать, что принцип законности подразделяется на такие разновидности, как конституционный (универсальный) принцип законности и отраслевые принципы законности. Суть вышеуказанной теории заключается в том, что:

- *во-первых*, деление принципа законности на конституционный (универсальный) и отраслевые обусловлено особенностями общественных отношений, которые составляют предмет отдельных отраслей права. Так, если конституционный принцип законности содержит общие положения, обязывающие как государство, так и должностных лиц и иных субъектов соблюдать Конституцию Республики Таджикистан и иные законы Таджикистана, то данная норма при применении к тем или иным определенным общественным отношениям приобретает свои особенности. Именно эти особенности и составляют содержания отраслевых принципов законности. Так, в отношении уголовно-правовых отношений норма, обязывающая государство, должностных лиц и иных субъектов соблюдать Конституцию Республики Таджикистан и иные законы, т. е. конституционный принцип законности, выражается, в частности, в форме определения преступности деяния, его наказуемости согласно нормам Уголовного кодекса Республики Таджикистан. Также, конституционный принцип законности в сфере гражданско-процессуальных отношений выражается, например, в форме принятия решений и иных судебных актов только на основании закона. Следовательно, сказанное дает основание полагать, что кроме конституционного принципа законности, также существует уголовно-правовой принцип законности, гражданско-процессуальный принцип законности и т. д.;

- *во-вторых*, несмотря на деление принципа законности на конституционный (универсальный) и отраслевые, принцип законности остается единым по сути и по содержанию. Сказанное означает, что отраслевые принципы законности — это продолжение и отражение принципа законности в тех или иных сферах общественных отношений. Отраслевые принципы законности ни в коей мере не противоречат сути конституционного принципа законности, а, наоборот, развивают ее положения, конкретизируют их в зависимости от тех или иных особенностей общественных отношений, в сфере которых они будут применяться;

- *в-третьих*, отраслевые принципы законности, хоть и являются продолжением и отражением конституционного принципа законности, однако в любом случае они имеют свои отдельные «предметы регулирования», и этим они отличаются от иных отраслевых принципов законности. Так, если принцип законности в уголовном праве означает определение преступности деяния только на основании норм Уголовного кодекса Республики Таджикистан, то данный принцип никак не может применяться при осуществлении правосудия по гражданским делам. Следовательно, уголовно-правовой принцип законности никак не может быть применен при регулировании общественных отношений, подпадающих под сферу действия норм гражданско-процессуального законодательства.

Отметим, что такая «неприменимость» одних отраслевых принципов законности в отношении к «чужим» общественным отношениям не свидетельствует об их «прихоти», ибо тот или иной отраслевой принцип законности объективно не может быть применен к тем общественным отношениям, которые не относятся к предмету того или иного отраслевого принципа.

Говоря об отраслевых принципах законности, целесообразно рассмотреть вопрос о содержании и особенностях принципа законности в гражданском праве или же о гражданско-правовом принципе законности. Интерес к данному вопросу обусловлен с нескольких позиций: а) если вышеназванные отраслевые принципы (ст. 4 Уголовного кодекса Республики Таджикистан, ст. 200 Гражданско-процессуального кодекса Республики Таджикистан) закреплены в самих отраслевых законодательствах, (Гражданский кодекс Республики Таджикистан (ст. 3) не предусматривает принципа законности); б) в силу того, что Гражданский кодекс Республики Таджикистан не предусматривает принцип законности, можно ли основываясь на этом обстоятельстве, утверждать, что общественные отношения, выступающие предметом гражданского права, не имеют никаких особенностей, так как в ГК не предусматривается принцип гражданско-правовой законности.

Как мы уже отмечали, последняя особенность заключается в том, что существование и применение отраслевых принципов законности есть свидетельство различности общественных отношений, в целях регулирования, которых применяются указанные принципы.

Гражданское право как отрасль права — это совокупность норм, направленных на регулирование имущественных отношений и личных неимущественных отношений, связанных с имуществом, а также охрану личных неимущественных отношений, не связанных с имущественными. Главная характеристика и основное свойство имущественных отношений, регулируемых нормами гражданского права, — это равенство сторон, их имущественная обособленность, а также осуществление своих прав и обязанностей по своему усмотрению. В этой связи диспозитивность гражданско-правового регулирования и есть правовая природа указанных отношений. Также отметим, что главным показателем имущественных отношений — предметом гражданского права — выступает именно диспозитивность сторон при выборе модели правового регулирования своих отношений. Так, стороны свободны в выборе договоров, прав и обязанностей и иных условий, кроме, конечно, тех требований, которые установлены императивными нормами закона. Диспозитивная часть этих отношений имеет ряд своих специфик, которые являются результатом последствий особенностей имущественных отношений, регулируемых нормами гражданского права. Так, если в области договорного права (в обязательно-правовой сфере) гражданское право допускает большую сферу диспозитивности в правовом регулировании, то при вещных правоотношениях такая обширная диспозитивность не применима, хотя закон предусматривает, что правомочия обладателя вещных прав, и то, только обладателя право собственности, осуществляется по усмотрению самого правообладателя — собственника.

Указанное дает основание полагать, что гражданско-правовое регулирование строится на диспозитивных началах, и в

большинстве случаев стороны сами выбирают модель своего поведения. Однако указанное утверждение не означает, что стороны в гражданско-правовых отношениях вправе совершать поступки по своему усмотрению и никаких ограничений в их действиях нет. Конечно же, гражданско-правовое регулирование как часть правового регулирования строится именно на регулировании отношений со стороны норм гражданского права. Следовательно, при регулировании отношений, являющихся предметом гражданского права, именно нормы права определяют сферу свободы участников имущественных отношений. В этом и заключается суть законности в гражданско-правовых отношениях. Также можно отметить, что специфика принципа законности в гражданском праве заключается в предоставлении определенного простора для осуществления участниками гражданско-правового оборота своих субъективных гражданских прав. Пределы данного простора и осуществления субъективных гражданских прав в рамках данного предела и есть осуществление принципа законности в гражданском праве.

Следовательно, гражданское право также «пользуется» принципом законности, и данный принцип в гражданско-правовых отношениях характеризуется в основном тем, что осуществление субъективных гражданских прав должно быть в той мере свободы, которая предусмотрена законом. Так, собственник индивидуально-определенной вещи осуществляет по своему усмотрению владение, пользование и распоряжение указанным объектом, однако осуществление собственника осуществляется только в пределах, установленных законом. Согласно общепринятым воззрениям в науке гражданского права такой «предел» — начало свободы и, следовательно, прав и интересов другого субъекта. Сказанное означает, что собственник вправе осуществлять свое субъективное право собственности только в пределе «до» начал прав и свобод другого субъекта.

Принцип законности в гражданском праве имеет место не только в отношениях собственности, оно применяется и в иных

разновидностях гражданско-правовых отношений. Так, в отношениях обязательственного характера как договорного, так и не договорного типа субъекты указанных отношений также ограничены в осуществлении своих субъективных прав и обязанностей в пределах своей сферы свободы, тем самым они не должны нарушать сферу свободы иных субъектов.

Если исходить из вышеуказанных утверждений, то получается, что принцип законности в гражданском праве отражается именно в процессе осуществления гражданских прав и обязанностей. Однако, как было отмечено выше, принцип законности предусматривает не только соблюдение требований Конституции Республики Таджикистан и иных законов Республики Таджикистан со стороны субъектов гражданских прав, которые выражаются в форме осуществления субъективных прав со стороны участников имущественного оборота в рамках закона, но и соблюдения государством и ее должностными лицами требований Конституции Республики Таджикистан и норм иных законов. Следовательно, принцип законности не только требует активных действий со стороны субъектов физических и юридических лиц как субъектов гражданского права, но и требует аналогичного от государства и ее должностных лиц, а также ее органов. Возникает вопрос: как принцип законности будет применяться именно в ракурсе обязывания государства, ее должностных лиц и органов в соблюдении положений как Конституции Республики Таджикистан, так и норм иных законов? Также в данном вопросе кроется еще другой «подвопрос»: так как принцип законности предусматривает обязанности государства не только как субъекта гражданского права, но и как субъекта политической власти, публичной власти, следовательно, какие особенности данный принцип приобретает в гражданско-правовых отношениях с этой точки зрения?

Отметим, что государство, как субъект гражданско-правовых отношений, участвует наравне с иными субъектами гражданского права (ст. 136 Гражданского кодекса Республики Таджикистан). В этом

аспекте и с учетом правосубъектности государства в гражданско-правовых отношениях принцип законности никаких новых оттенков не приобретает. Касательно участия должностных лиц или же государственных органов Республики Таджикистан и применимости принципа законности в отношениях с их участием отметим, что эти вопросы отдельно не должны рассматриваться, так как должностные лица и государственные органы не самостоятельные субъекты, а являются частью государства Республики Таджикистан как единого субъекта гражданского права.² Следовательно, речь идет о государстве, должностных лицах и государственных органах как носителей политической власти.

Государство³ как носитель политической власти, как источник разработки и принятия норм права и, следовательно, как источник определения пределов осуществления субъективных гражданских прав, также влияет на процесс гражданско-правового регулирования. В данном случае имеется в виду не тот факт, что государство, принимая те или иные законы, определяя нормы права и тем самым правила поведения, влияет на процесс гражданско-правового регулирования, а то обстоятельство, что государство именно как субъект власти не должно игнорировать принцип законности в гражданско-правовых отношениях. Так, это наглядно можно продемонстрировать на примере принципа неприкосновенности частной собственности.

Принцип неприкосновенности частной собственности как основополагающий

принцип гражданского права Республики Таджикистан направлен на защиту частной собственности от вмешательств извне, т. е. со стороны как иных субъектов, так и государства. Однако в основном суть принципа неприкосновенности частной собственности направлен именно на защиту «частников» от публичной власти, от государственного вмешательства в процесс осуществления правомочий владения, пользования и распоряжения по своему усмотрению. Отсюда вытекает, что государство, закрепляя принцип неприкосновенности частной собственности, тем самым взяло на себя обязательство не вмешиваться «во внутренние дела»⁴ собственника: не указывать собственнику, когда и как ему пользоваться и распоряжаться своей вещью; не нарушать право собственности субъекта, используя свою власть. В целом государство не вправе вмешиваться во «внутреннюю сферу» частной собственности. Однако это не означает, что государство вообще не вправе «вмешиваться» во «внутреннее пространство собственника». Государство, осуществляя свою власть в интересах обеспечения прав и свобод других субъектов, в интересах общества, т. е. в целях защиты публичного порядка, вправе вмешиваться в сферу права частной собственности. Однако это не прямое вмешательство, а косвенное, опосредственное, которое не столько направлено на ограничение правомочий собственника, сколько в очертавание границ ее осуществления, определение пределов реализации права собственности. То

² Отметим, что законодательство Республики Таджикистан, в частности ни сама Конституция Республики Таджикистан (ст. 32), ни нормы Гражданского кодекса Республики Таджикистан (ст. 137, ст. 138) до конца не решили вопрос о единстве Республики Таджикистан как субъекта гражданского права (См. об этом подробнее: Сулаймонов Ф. С. Концепция вещных прав в Республике Таджикистан. Д.: Типография Таджикского национального университета, 2016.— С. 110–118).

³ Далее, если иное не будет нами оговорено, под терминами «государство» и «Республика Таджикистан» будет пониматься как государство Республики Таджикистан, так и ее должностные лица и ее органы.

⁴ Под «внутренним пространством собственника» мы в данном случае понимаем ту сферу, где собственник самостоятелен и которая есть суть право собственности как субъективного гражданского права. Эта сфера выражается в свободе по своему усмотрению осуществления правомочий собственника: правомочий владения, распоряжения и пользования индивидуально-определенной вещью. Также условно в противовес «внутренним делам собственника» существует «внешнее пространство собственника», которое определяется пределами и границами осуществления субъективного права собственности.

есть государство, влияя на «внешнее пространство собственника», тем самым влияет во «внутреннее пространство собственника», внутреннее пространство собственника находится в прямой зависимости от его внешнего пространства. Например, согласно ст. 11 Закона Республики Таджикистан «О правовом положении иностранных граждан в Республике Таджикистан», в Республике Таджикистан иностранным гражданам и лицам без гражданства запрещено иметь в частной собственности жилые помещения, дома, т. е. недвижимость, составляющие жилищный фонд государства. Данная норма указывает именно на влияние государства во внешнее пространство и тем самым на ее регуляторный эффект внутреннего пространства собственности. Следовательно, получается, что принцип законности, хоть он и не предусмотрен в нормах гражданского законодательства Республики Таджикистан, однако он воплощается в иных принципах гражданского права и законодательства. Далее отметим, что Конституция Республики Таджикистан также является составной частью гражданского законодательства Республики Таджикистан, и, следовательно, соответствующие конституционно-правовые нормы и принципы, в частности принцип законности, являются составной частью гражданско-правовых принципов. Все это дает основание полагать о гражданско-правовой законности, которая должна пониматься, как правила, отражающиеся в принципах гражданского законодательства Республики Таджикистан и содержания субъективных гражданских прав.

Принцип законности, как было отмечено выше, основывается на том, что государство, ее органы и должностные лица, а также все субъекты должны соблюдать нормы Конституции и иных законов. Следовательно, в данном принципе заложена обязанность государства, ее органов и должностных лиц, а также иных субъектов по соблюдению норм законов, а от других

субъектов, которых нормы закона наделяют соответствующими субъективными правами, требовать соблюдения их прав. В данном случае важную роль в осуществлении принципа законности играет само положение норм права, точнее, ее содержание, ибо в зависимости от того, как определена та или иная норма права по содержанию, зависит и качество правового регулирования тех или иных общественных отношений. Так, если норма права имеет расплывчатое содержание, это обстоятельство приведет к проблеме и ряду спорных моментов в правоприменительной практике и в итоге — к ненадлежащей реализации принципа законности. В этой связи в настоящее время, когда разрабатывается проект нового Гражданского кодекса Республики Таджикистан (далее — проект ГК), необходимо пристально обратить внимание на данный вопрос. Так как, насколько известно нам,⁵ в проекте предусматриваются такие новые институты для имущественного оборота Республики Таджикистан, как владение, вещные права, ограниченные вещные права (хотя и в очень спорном варианте) и т. д.

Отметим, что указанные институты давно известны не только науке гражданского права многих стран мира, но и гражданским законодательствам. Однако этот факт не означает «копирование» норм указанных институтов в проект ГК. Составление проекта ГК и ее дальнейшее рассмотрение требует, чтобы указанные институты, да и все ее институты и нормы, были обоснованы жизнью общества, а не «взяты с воздуха». Так, должна быть обоснована та или иная норма также и с точки зрения правоприменительной практики. Исходя из этого подхода, проект ГК должен отвечать жизненным требованиям общества, он должен быть «народным». Отсюда следует, что проект ГК должен отвечать требованиям развития общественных отношений в Таджикистане, должен решать проблемные моменты развития общества и облегчить

⁵ К сожалению, разработчики проекта ГК не сочли нужным поделиться проектом с общественностью, в частности, с научными кругами несмотря на то, что

указанный законодательный акт является одним из важнейших нормативных правовых актов для общества и каждого его субъекта.

жизнь обычным гражданам. Именно в этих постулатах заключены задачи проекта ГК.

Как было сказано, принцип законности в гражданском праве содержится в принципах гражданского законодательства и составляет суть субъективных гражданских прав. В зависимости от того, как та или иная норма предусматривает вариант правового регулирования конкретного общественного отношения, будет зависеть реализация гражданско-правовой законности. Так, в проекте ГК предусматривается, что владение будет признано как факт, а не как право. Данная точка зрения более чем убедительна, так как владение должно выступать именно как факт, а не как субъективное гражданское право. Однако как быть с защитой незаконного владельца: дать защиту или нет такому владельцу? Если ответить на данный вопрос положительно, каким образом защищать незаконное владение? Если административным путем, то стоит ли думать об изменениях в соответствующие правовые акты и какие из них должны быть подвергнуты изменению? Далее, как быть с самовольной постройкой? В настоящее время гражданское законодательство признает, что одним из условий признания за самовольной постройкой объекта права собственности застройщика выступает получение права пользования земельным участком, на территории которой и построена указанная постройка (ст. 246 Гражданского кодекса Республики Таджикистан). Однако далее закон устанавливает ряд ограничений для реализации указанной нормы: так, если самовольная постройка будет признана в качестве объекта права собственности судом, но она будет, к примеру, нарушать права и интересы других субъектов, то право собственности на нее не будет признано судом. Возникает вопрос: какие конкретные субъективные права иных субъектов могут быть нарушены, если постройка будет сохранена? Далее в проекте ГК предлагается закрепить норму, согласно которой, если застройщик разрешенной самовольной постройкой не принял меры в части «уборки» строительных материалов в указанный срок или разумный

срок, то это означает отказ от права собственности на данные строительные материалы. Честно говоря, более спорного момента в законодательных актах по сравнению с указанной нормой проекта не найдешь. Ибо, как можно отказаться от права собственности? Конечно же, отказ от прав как особая форма осуществления самого субъективного гражданского права существует, но не отказ от права собственности и не в таком варианте. Ибо право собственности — это бесконечное право на вещь, индивидуально-определенную вещь, и до тех пор, пока указанный объект существует, на нее будет направлено субъективное право собственности. Ибо в настоящее время с учетом финансовых сложностей вряд ли можно устанавливать такие условия для осуществления прав собственности.

При надлежащем осуществлении гражданско-правового принципа законности посредством иных принципов гражданского законодательства возникает состояние гражданско-правовой законности. Данное состояние, которое составляет часть законности в конкретном обществе и государстве, отражается в форме надлежащей защищенности субъективных гражданских прав и широкой возможности для осуществления указанных прав.

Однако, как отметили выше, принцип законности предусматривает также соблюдение норм закона со стороны как самого государства, так и ее органов и должностных лиц. В этой связи в деле осуществления принципа законности и достижения эффекта гражданско-правовой законности первостепенное значение имеет содержание норм закона, ее сути и насколько оно отвечает требованиям развитого имущественного оборота. Ибо если та или иная гражданско-правовая норма предусматривает определенный вариант поведения сторон, то в отношении, регулируемого данной нормой, будут участвовать управомоченная сторона и обязанная сторона. В определенных гражданско-правовых нормах обязывающей стороной выступает само государство. Следовательно, от того, насколько правильно и четко отрегулировано конкретное общественное отношение

в той или иной норме права, зависит надлежащее исполнение своих обязательств со стороны обязывающего субъекта, в частности, и самого государства. Такое положение и будет признаваться осуществлением принципа законности и гражданско-правовой законности. Рассмотрим сказанное на примере ст. 32 Конституции Республики Таджикистан. Согласно ст. 32 Конституции Республики Таджикистан «материальный и моральный ущерб, нанесенный личности в результате незаконных действий государственных органов, общественных объединений, политических партий или отдельных лиц, возмещается в соответствии с законом за их счет». Отсюда следует, что ущерб, причиненный государственными органами, юридическими лицами (а именно в таком качестве выступают общественные объединения и политические партии в данных отношениях) или физическими лицами, должен быть возмещен этими субъектами за их счет. Данная конституционная норма исходит из отдельности органов государственной власти от самого государства. Получается, что орган государственной власти, причинивший материальный и моральный вред при исполнении возложенных на него функций со стороны того же государства, несет ответственность самостоятельно, несмотря на то обстоятельство, что реализовал волю государства. Данная конституционная норма также не предусматривает правил о субсидиарной ответственности государства в случае недостаточности средств, выделенных органу государственной власти на то, чтобы он удовлетворил свои определенные потребности.

Однако ГК также предусматривает ряд правил в части регулирования возмещения материального и морального вреда, которые решают указанный вопрос по-иному. Так, ГК определяет в качестве ответчика в данных отношениях самого причинителя (ч. 1 ст. 1115). На первый взгляд, данная норма ни имеет никаких противоречий с указанной нормой Конституции Респуб-

лики Таджикистан (ст. 32), однако если рассматривать вопрос подробнее, то получается, что все-таки определенные противоречия существуют. В частности, категория «причинитель» в контексте ст. 1115 ГК идентична с понятием «субъект гражданского права», которое включает в себя как физических лиц, так и юридических лиц и государство. В этой связи органы государственной власти должны участвовать в данных отношениях или же в форме юридических лиц, или же от имени государства, т. е. участником в данных отношениях будет признаваться само государство. Конечно же, можно здесь констатировать то обстоятельство, что органы государственной власти также имеют право юридических лиц. Но здесь нужно четко различать случаи участия органов государственной власти в имущественных отношениях гражданско-правового характера в качестве юридических лиц и случаи участия органов государственной власти в качестве представителя власти государства в публично-правовых отношениях. Во втором случае ни о каком статусе юридического лица органов государственной власти речи не может идти. Следовательно, если руководствоваться конституционной нормой (ст. 32), то соответствующий государственный орган будет нести ответственность самостоятельно, хотя он и осуществлял волю государства, а по ГК (ст. 1115) ответственность должно нести само государство.

К сожалению, такие моменты не приносят большую пользу в деле развития и становления гражданско-правовой законности как нормального состояния общества в сфере частного имущественного оборота, и в последствие возникает масса нерешенных моментов на практике, неоднородность самой правоприменительной практики, и в конце — нестабильность в реализации и защите субъективных гражданских прав.

К ВОПРОСУ О ГОСУДАРСТВЕННЫХ ГАРАНТИЯХ В СФЕРЕ ТРУДОВЫХ ОТНОШЕНИЙ

Бозоров Р. Б.,

доцент кафедры предпринимательского и коммерческого права юридического факультета Таджикского национального университета, кандидат юридических наук

Научная специальность: 12.00.03 — гражданское право, предпринимательское право, семейное право, международное частное право

Рецензент: Сангинов Д. Ш., кандидат юридических наук, доцент

Аннотация: Данная статья посвящена теоретическим проблемам правового регулирования трудовых отношений в системе трудового права и предоставления государственных гарантий работникам, состоящим в трудовых правоотношениях с работодателем. С учетом анализа действующего трудового законодательства республики и точек зрения о правовой природе трудовых правоотношений, господствующих в юридической литературе, автор предлагает определение понятия трудовых правоотношений.

Ключевые слова: правовые гарантии, трудовые правоотношения, трудовой договор, правило внутреннего трудового распорядка, заработная плата

ON GOVERNMENT GUARANTEES IN THE FIELD OF LABOUR RELATIONS

Bozorov R. B.,

Assistant Professor of the Department of Entrepreneurial and Commercial law of the Law Faculty, Tajik National University, Candidate of Legal Sciences

Scientific specialty: 12.00.03 — civil law, entrepreneurial law, family law, international private law

Reviewer: Sanginov D. Sh., Candidate of Legal Sciences, Assistant Professor

Annotaton: This article is devoted to theoretical problems of legal regulation of the labor relations in the system of labor law and the provision of state guarantees to workers who are in labor relations with the employer. An analysis current labor legislation of the republic and points of view of the legal nature of the labor relations prevailing in the legal literature, the author offers a definition of the concept of labor relations.

Keywords: legal guarantees, labor relations, employment contract, internal regulations, wages

В юридической литературе существуют различные точки зрения ученых относительно понятия правовых гарантий. О. В. Савенкова подчеркивает: «Поскольку гарантия есть результат гарантирования, т. е. определенной направленной человеческой деятельности, постольку гарантия есть

социальные условия — явление или процесс. [8, с. 83–86] Согласно точке зрения Ш. М. Менглиева, существуют следующие разновидности гарантий: [5, с. 12–17] общеполитические, экономические, идеологические и организационные, в качестве специальных автор выделяет юридические га-

рантии. Юридические гарантии, подчеркивает Ш. М. Менглиев, [5, с. 17] «состоят из совокупности провозглашенных в нормах прав, свобод и обязанностей граждан, определяющих порядок их существования в правовых средствах, обеспечивающих их реализацию и защиту, определяющих обязанность государственных органов, общественных организаций, а также должностных лиц по охране прав и свобод граждан, устанавливающих конкретные способы защиты с целью восстановления имущественных и неимущественных прав посредством применения мер ответственности или защиты». Указанные автором сущностные признаки гарантии, безусловно, являются правовыми и указывают на конкретные меры для ее реализации, в том числе в обязанностях должностных лиц, выражающихся в ненарушении прав и свобод граждан.

Н. Г. Доронина подчеркивает, что под гарантиями понимаются конкретные обязательства, принимаемые на себя государством в связи с осуществлением экономической деятельности. [3, с. 86] Аналогичного мнения придерживаются И. Ю. Целовальникова [10, с. 60] и Р. Б. Досыбаева. [14, с. 291–295] Согласно с вышеуказанными точками зрения следует понимать, что под гарантиями понимаются определенные меры, установленные государством, оберегающие гражданина от вероятных нарушений его прав и интересов, в том числе для всемерной их защиты в случае их нарушения.

Вышеуказанные правовые гарантии применяются и в правоотношениях в сфере трудового права, которые закреплены в Трудовом кодексе Республики Таджикистан. Этот нормативно-правовой акт занимает важное место в регулировании трудовых отношений. Значение Трудового кодекса Республики Таджикистан следует оценить, как «главного среди равных», [2, с. 234–267] который регулирует не только трудовые, но и отношения, связанные с трудом. [6, с. 22–24; 1, с. 9] Чтобы раскрыть круг общественных отношений, регулируемых трудовым правом, необходимо обра-

тить внимание на положения ст. 1 Трудового кодекса РТ. В соответствии с упомянутой статьей трудовое законодательство регулирует трудовые и связанные с ними отношения физических лиц, работающих по трудовому договору (контракту) в учреждениях и организациях всех форм собственности, у отдельных граждан, а также лиц, являющихся членами либо участниками организаций. Из данной формулировки вытекает, что трудовые правоотношения возникают тогда, когда заключен трудовой договор между работником и работодателем. Значение трудового договора как соглашения сторон выражается в следующем:

Во-первых, это одна из юридических форм возникновения трудового правоотношения. В современных условиях рынка граждане могут реализовать свое конституционное право на труд различными формами, каковыми могут быть: заключение трудового договора, занятие предпринимательской деятельностью, заключение гражданско-правовых договоров по применению труда и т. д.

Во-вторых, трудовой договор выступает как форма реализации важнейших принципов трудового права, каковыми являются свобода труда и запрет принудительного труда. В современных условиях государство гарантирует гражданам право на труд, одновременно с этим не является правонарушением добровольная их незанятость. В соответствии с положениями Закона Республики Таджикистан «О содействии занятости населения» от 1 августа 2003 года незанятость граждан не может служить основанием для их привлечения к административной, уголовной и иной ответственности. В соответствии с трудовым законодательством республики стороны при заключении трудового договора (контракта) свободны и пользуются равными правами. То есть работник имеет право на выбор профессии, на основе которой он с работодателем заключает трудовой договор (контракт). В этом аспекте, безусловно, права С. Ю. Головина, которая подчеркивает особую роль трудового договора как индивидуального регулятора трудовых от-

ношений. [2, с. 249–256] Запрещение принудительного труда — один из основных принципов трудового права, который закреплен в статье 35 Конституции Республики Таджикистан и получил свое дальнейшее развитие в отдельной статье Трудового кодекса РТ (ст. 8). После обретения независимости Республикой Таджикистан были ратифицированы Конвенции МОТ (Международной Организации труда), в числе которых была ратифицирована Конвенция № 105 «Об упразднении принудительного труда» (1957). Однако вышеуказанная Конвенция и Трудовой кодекс РТ не определяют понятие и формы выражения принудительного труда. Разумеется, что под понятием принудительного труда следует понимать исполнение всякой работы работником помимо его воли, то есть с полным отсутствием свободы труда. Иными словами, работодатель под угрозой применения меры наказания требует от работника выполнения не обусловленной в трудовом договоре (контракте) работы.

Возвращаясь к конструкции трудового правоотношения, следует отметить, что оно занимает центральное место среди других видов правоотношений, регулируемым трудовым правом. К последнему следует относить: организационно-управленческие отношения; социально-экономические отношения в сфере трудовых отношений; участие работников и их представителей в установлении условий труда и применении нормативно-правовых актов о труде; отношения, возникающие на основе трудоустройства; отношения, связанные с профессиональной подготовкой и повышением квалификации непосредственно в организации; отношения по надзору за охраной труда и соблюдением трудового законодательства; отношения по рассмотрению и разрешению трудовых споров. Каждое трудовое правоотношение, пишет В. Н. Толкунова, «характеризуется единым, для этих правоотношений субъектами, содержанием и основанием возникновения, определяющие в целом его самостоятельность в системе правоотношений. Нельзя соединить в одно правоотношение субъекты и содержание различных правоотношений, хотя и

возникающих по поводу труда работников. Каждое из указанных правоотношений сферы трудового права является самостоятельным со своим содержанием прав и обязанностей его субъектов». [9, с. 61]

Трудовые правоотношения — это соглашение между работником и работодателем о личном выполнении первым за плату определенной трудовой функции (выполнение одной или нескольких работ по определенной специальности, квалификации или должности) с подчинением правилам внутреннего трудового распорядка; работодатель обязуется производить оплату труда и обеспечить условия труда, предусмотренные трудовым законодательством и локально-правовыми актами.

Из данного определения следует выявить специфические особенности трудового правоотношения, которые возникают между работником и работодателем.

Во-первых, с заключением трудового договора (контракта) работник включается в штатное расписание организации. Штатное расписание организации — это документ, который имеет обязательные реквизиты с указанием вида профессии, специальности и должности, размера заработной платы, который составляется главным бухгалтером предприятия и утверждается работодателем.

Во-вторых, работник обязуется лично выполнять трудовые функции. Работник должен приступить к выполнению трудовых функций после заключения трудового договора. Иными словами, основанием возникновения трудовых правоотношений является трудовой договор. Далее, работник в течение рабочего времени должен находиться на рабочем месте и лично выполнять работу, обусловленную в трудовом договоре (контракте), и он не имеет право оставить или поручить свои трудовые функции другому лицу.

В-третьих, особенность трудовых отношений заключается в том, что работник обязан соблюдать правила внутреннего трудового распорядка предприятия. Значение Правил внутреннего трудового распорядка состоит в том, что это локально-правовой акт, который принимается совместно

с трудовым коллективом и работодателем. Правила внутреннего трудового распорядка распространяют свое регулирующее воздействие в пределах определенной организации.

И последнее, за выполненную работу работодатель обязан производить оплату труда работника. Трудовой кодекс РТ определяет понятие заработной платы как совокупность вознаграждений, исчисляемых в денежных единицах и (или) натуральной форме, которую работодатель обязан выплатить наемному работнику за фактически выполненную работу, а также за периоды, включаемые в рабочее время. Из сказанного вытекает, что заработная плата относится к основным условиям трудового договора (контракта), и работодатель, независимо от финансового положения, ежемесячно обязан производить оплату труда работника, то есть с выполнением работы, согласно условиям трудового договора, работодатель должен производить оплату труда работника.

Трудовое законодательство республики закрепляет следующие методы регулирования заработной платы: централизованное (государственное) регулирование и договорное (имеющее две разновидности: коллективно-договорное и индивидуально-

договорное) регулирование. На уровне **государственного регулирования заработной платы** устанавливаются основные государственные гарантии в области оплаты труда, каковыми являются: запрещение дискриминации в сфере оплаты труда; государственные гарантии по оплате труда работников; государственные тарифы в области оплаты труда; право на заработную плату и не ниже установленного Президентом Республики Таджикистан ее минимального размера. **Договорное регулирование заработной платы** осуществляется на уровне коллективных договоров или соглашений или на уровне индивидуального трудового договора.

Резюмируя сказанное, следует подчеркнуть, что государственные гарантии непосредственно будут влиять на динамику инвестиционных отношений. О необходимости государственного регулирования трудовых отношений неоднократно подчеркивал Президент Республики Таджикистан Эмомали Рахмон в Посланиях Маджлиси Оли Республики Таджикистан. [7, с. 21] Государственное регулирование трудовых отношений, занятости населения, создание новых рабочих мест, освоение профессии и миграция населения имеют прямое влияние на социальную стабильность и уровень жизни населения.

Литература:

1. Бозоров Р. Б. Трудовое право Республики Таджикистан. Учебное пособие. — Душанбе, 2014.
2. Головина С. Ю. Кодификация трудового законодательства России / Кодификация Российского частного права. Под редакцией Д.А. Медведева. — М., 2008.
3. Доронина Н. Г., Семилютин Н. Г. Правовое регулирование иностранных инвестиций в России и за рубежом. — М., 1993. — С. 86.
4. Досыбаева Р. Б. Гарантии иностранным инвестициям. // Объекты гражданских прав. Материалы международной научно-практической конференции. — Алматы, 2004.
5. Менглиев Ш. М. Защита имущественных прав граждан. — Душанбе: Ирфон., 1989.
6. Миронов В. И. Трудовое право. Учебник. — Санкт-Петербург, 2009.
7. Послание Лидера нации Президента Республики Таджикистан Эмомали Рахмона Маджлиси Оли Республики Таджикистан. — Душанбе, 2016.
8. Савенкова О. В., Туктарев Ю. Е. Понятия и особенности гражданско-правовых гарантий // Известия вузов. — 1999. — № 3. — С. 83–86 (серия «Правоведение»).
9. Толкунова В. Н. Трудовое право. Курс лекций. — М., 2004. — С. 61.
10. Целовальникова И. Ю. Гражданско-правовое регулирование инвестиционной деятельности. Дис. ... канд. юр. наук. — Ростов-на-Дону, 2005. — С. 60.

**КОНСТИТУЦИОННО-ПРАВОВЫЕ ОСНОВЫ ЗЕМЕЛЬНЫХ ОТНОШЕНИЙ
В РЕСПУБЛИКЕ ТАДЖИКИСТАН**

Сохибов М. М.,
ассистент кафедры гражданского права юридиче-
ского факультета Таджикского национального
университета.
E-mail: Sohibov_90@mail.ru

Научная специальность: 12.00.06 — природоресурсное право, аграрное право,
экологическое право

Научный руководитель: Гаюров Ш. К., доктор юридических наук, профессор

Рецензент: Курбонов К. Б., кандидат юридических наук, доцент

Аннотация: В данной статье изложены вопросы развития и урегулирования отношений землепользователей по Конституции Республики Таджикистан, которая выступает основным актом и основой в урегулировании земельных отношений. Дана характеристика земельного законодательства, по которому осуществляется деятельность землепользователей, его взаимосвязи с Конституцией. Автор подробно анализирует отдельные стороны урегулирования земельных отношений и предлагает научные и практические пути для правильной реализации конституционных норм во взаимосвязи с земельным законодательством.

Ключевые слова: земля, земельные отношения, земельные участки, конституционное регулирование, земельное законодательство, защита прав землепользователей, конституционный принцип земельного законодательства

**CONSTITUTIONAL AND LEGAL BASES OF THE LAND RELATIONS IN THE RE-
PUBLIC OF TAJIKISTAN**

Sohibov M. M.,
Junior lecturer of the Department of Civil law of the
Law Faculty, Tajik National University

Scientific specialty: 12.00.06 — nature and resources law; agricultural law;
environmental law

Research supervisor: Gayrov Sh. K., Doctor of Legal Sciences, Professor

Reviewer: Kurbonov K. B., Candidate of Legal Sciences, Assistant Professor

Annotaton: In the given article the questions of development and regulation of land-users relations on the Constitution of Republic Tajikistan are stated, which are the main act and the base in regulations of land relations. It is given the characteristics of land legislation, which is implemented the activity of land-users, its interrelations with Constitution. The author analyzes in details some aspects of regulation of land relations and presents scientific and practical ways for the right implementation of constitutional norms in interrelations with land legislation.

Keywords: land, land relations, parts of land, constitutional regulation, land legislation, protution of land-users' rights, constitutional principle of land legislation

После обретения суверенитета в Республике Таджикистан (РТ) появились новые передпосылки (основания) правового регулирования общественных отношений, и нормативно-правовые акты являются одним из главнейших средств регулирования этих отношений.

Конституция РТ — нормативно-правовой акт высшей юридической силы, закрепляющий основы политической, правовой и экономической систем республики, а также основы правового статуса личности. Основным законом республики — Конституция — был принят 6 ноября 1994 года на всенародном референдуме, и в последствии дважды в него были внесены изменения и дополнения (в 1999 и 2003 годах). [17]

Конституционно-правовое регулирование занимает значимое место в сфере правового регулирования земельных отношений, что предопределено:

- во-первых, особенностями объекта регулирования;

- во-вторых, назначением Конституции как инструмента согласования частных и публичных интересов в сфере землепользования и собственности на землю;

- в-третьих, особенностями предмета и методологии конституционного права как основополагающей отрасли права. [5, с. 73]

Конституционной основой регулирования земельных отношений в РТ является норма, закрепленная в Конституции (ст. 13), в соответствии с которой земля, наряду с другими природными ресурсами, является исключительной собственностью государства, и оно гарантирует ее рациональное использование в интересах народа. Это норма, являясь главным стержнем регулирования всех земельных отношений в республике, впоследствии была закреплена в земельном (ст. 2 ЗК РТ) и гражданском (ст. 239 ГК РТ) законодательствах.

Таким образом, можно утверждать, что основу земельных отношений в Республике Таджикистан закладывает Конституция нашей страны. Конституция является основным законом государства, «Закон всех законов». [9, с. 4–5] По словам россий-

ского ученого С. С. Алексеева, «от постановления конституции зависит судьба системы нормативно-правовых актов государства». [1, с. 180]

А. В. Мицкевич считает, что «Конституция устанавливает основы конституционного строя, права и свободы человека и гражданина, федеративное устройство России, а также систему и полномочия Президента РФ, органов законодательной, исполнительной и судебной власти, отправные нормы местного самоуправления. Ее назначение — обеспечить соблюдение прав и свобод граждан, стабильность государственного строя, экономического и социального развития страны, ее международных отношений». [21, с. 143] С. С. Алексеев, давая характеристику Конституции, подчеркивает, что «Конституция как основополагающий учредительный юридический акт страны — это основной, «заглавный» закон, определяющий правовую основу государства, принципы, структуру, главные характеристики государственного строя, права и свободы граждан, форму правления и государственного устройства, систему правосудия и другие основные устои жизни общества». [2, с. 83]

По мнению А. Голощапова, «особого рода нормативность конституционных принципов заключается в большей степени обобщения. Конституционные принципы оказывают регулирующее воздействие не только в рамках отрасли конституционного права, но и определяют ведущее направление и тенденции правового регулирования общественных отношений, в целом устанавливая основные начала правотворчества и правоприменения». [6] С. А. Боголюбов отметил, что «положения, содержащиеся в Конституции, в полной мере могут рассматриваться в качестве основ регулирования той или иной сферы общественных отношений». [4, с. 20]

А. О. Миняев сделал вывод, что «под конституционными основами следует понимать прежде всего нормы Конституции, непосредственно закрепляющие основы, (начала, устои, базис) устройства общества и государства в целом, а также тех или

иных общественных отношений. Следовательно, среди конституционных положений можно выделить нормы, регулирующие основы общественных экологических отношений. Как известно, в системе права выделяется отрасль права, получившая название «экологическое право», предметом регулирования которой выступают в совокупности указанные отношения. В связи с этим можно говорить о конституционных основах экологического права как совокупности конституционных норм, непосредственно направленных на регулирование основ экологических отношений».

Как Основной закон Конституция РТ имеет высшую юридическую силу, ее нормы действуют прямо (непосредственно). Все остальные законы и нормативно-правовые акты принимаются на основании и в соответствии с ней, и в случае их противоречия Конституции они теряют юридическую силу. Это требование вытекает из статьи 10 Конституции РТ. В этой статье также предусматривается, что государство, его органы, должностные лица, граждане и объединения обязаны соблюдать и исполнять Конституцию и законы республики. Соблюдение и исполнение земельного законодательства — это конституционное требование. Эта статья Конституции РТ закрепляет «принцип законности в урегулировании земельных отношений». Конституция РТ [10]⁶ считается важнейшим источником для развития законодательства. Анализ юридической литературы говорит о том, что в конституциях большинства стран предусмотрены общие и специальные нормы по земельному законодательству.

По мнению Г. Е. Быстрова, [11, с. 27–28] конституционные нормы, являясь фундаментальными нормами в урегулировании

земельных отношений, прямо или косвенно предусматривают впредь заложенные предпосылки для принятия законов земельной отрасли и способствуют развитию земельного законодательства. Такого же мнения придерживается А. Г. Нецветаев. [19, с. 45] Наряду с этим автор отмечает, что конституционные нормы, которые конкретно регулируют земельные отношения, имеют принципиальный характер.

А. Ш. Азимов пишет, что Конституция Таджикистана как высший юридический нормативный правовой акт является источником для иных законов и нормативно-правовых актов в вопросе регулирования общественных отношений, в частности, земельных отношений. Нормы ст. 13 Конституции РТ, которые впоследствии были закреплены в ст. 2 ЗК РТ, гласят: «Земля в Республике Таджикистан является исключительной собственностью государства, и государство гарантирует эффективное ее использование в интересах народа». [3, с. 17]

Ш. М. Исмаилов справедливо указывает, что конституционной основой земельного оборота являются ст. 13 Конституции РТ от 6 ноября 1994 г., устанавливающая исключительную государственную собственность на землю и государственные гарантии эффективного ее использования в интересах народа, а также ст. 12, в соответствии с которой государство гарантирует свободу, равноправие и правовую защиту сельскохозяйственной деятельности всех форм собственности, в том числе частной. [14, с. 76–82]

Гражданское законодательство (ст. 239 ГК РТ) также указывает, что земля находится в исключительной собственности государства, при этом особенности осуществления права собственности на землю

⁶ Хотя во всех определенных нормативах Конституции Республики Таджикистан земельный вопрос не урегулирован, однако конституционные нормативы имеют общий характер, и по этим нормам выявляется суть регулирования того или иного вопроса, в том числе и земельных отношений. Например, статья 17 Конституции Республики Таджикистан предусматривает равноправие мужчин и женщин. Хотя и в этой статье конкретно об этом вопросе не

говорится, но из содержания этой нормы вытекает, что женщины и мужчины равноправны в использовании земли, в том числе имеют равный доступ к земельному участку. Эта конституционная норма предусмотрена в статье 7 Земельного кодекса. Таких примеров очень много в Конституции Республики Таджикистан (подробно будем говорить об этом ниже).

определяются гражданским, земельным и иным законодательством.

В отличие от норм первой группы, нормы второй группы непосредственно не направлены на регулирование земельных отношений, но они либо выступают в качестве общих гарантий прав участников земельных отношений, либо направлены на регулирование смежных общественных отношений.

В Конституции страны существует ряд норм, которые регулируют прямо или косвенно отношения землепользования, а также предусматривают необходимость принятия других нормативных актов. Для того чтобы определить, что Конституция РТ является предпосылкой развития земельного законодательства, мы должны обозначить (назвать) статьи, которые непосредственно связаны с землей.

1. Статья 13 Конституции РТ как фундаментальная норма, показывая конкретное развитие земельного законодательства, отношения собственности и землепользования и других земельных ископаемых, объявляет землю исключительной собственностью государства и гарантирует ее использование в пользу народа (на благо народа). В юридической литературе указывается, что было бы правильнее, если названное имущество вообще признавалось не как исключительная собственность государства, а общенародным богатством. Наряду с этим государство дает право использования земли (и других природных ресурсов) гражданам и юридическим лицам для изъятия, использования и даже для свободы действий в порядке, установленном законом. И все-таки из сути этой конституционной нормы вытекает, что она предусматривает использование земли как гарантированное использование ее на благо народа, и в других отношениях, связанных с ней, эти вопросы регулируются в отдельных законах земельной отрасли. То есть эта статья Конституции РТ, закрепляющая принцип «гарантированного использования земли на благо народа», принимается во внимание как руководящая идея в регулировании земельных отношений и в установлении норм земельного законодательства. Также в

«Программе экономической реформы агропромышленного комплекса РТ» от 9 сентября 1995 года (особенно ч. 3 по земельной реформе) предусмотрен основной вопрос земельной собственности. Надо иметь в виду, что с 1991 года после установления государственной независимости в Таджикистане (как и в других постсоветских странах) усилилась рыночная реформа, в том числе повысилась эффективность экономической деятельности, приватизации государственной собственности. В отличие от соседних стран, где приватизация охватила все виды собственности (имущества), в нашей стране «земля, ее недра, вода, воздушное пространство, животный и растительный мир и другие природные ресурсы являются исключительной собственностью государства, и государство гарантирует эффективное их использование в интересах народа». (ст. 13 Конституции РТ)

Отсюда вытекает, что физические и юридические лица не могут быть собственниками земли, так как она является исключительной собственностью государства. [14, с. 42–43] Как отмечает профессор Ш. М. Менглиев, государство в целях осуществления своей политики установило право собственности на тот или иной объект, в том числе и на землю, которая не может выступать в качестве объекта права собственности других субъектов. Эти объекты используются другими субъектами с разрешения государства. Названный объект не является результатом человеческого труда и признается в качестве природного богатства. [18, с. 76–77]

Авторы Комментария к Гражданскому кодексу РТ (ч. 1) отмечают, что положения Конституции РТ (ст. 13) требуют уточнения. К перечню данных объектов, наряду с другими видами, обязательно нужно вводить землю объектом первичного использования (улица, проспект, переход, дороги, земли побережья, аллеи, парки в населенных пунктах).

2. Статья 12 Конституции РТ предусматривает, что государство гарантирует свободу экономической и предпринимательской деятельности, равноправие и правовую защиту всех форм собственности, в

том числе частной. Отсюда следует, что существование и развитие предпринимательства, дехканского (фермерского) хозяйства как субъекта предпринимательской деятельности невозможно без урегулирования землепользовательских отношений. Основной такой деятельностью является земля. Обоснование дехканского хозяйства тесно связано с получением земельного участка. [16, с. 231] Действующее законодательство республики считает невозможным учет дехканского хозяйства, кроме выделения земельного участка. Надо иметь в виду, что одним из правовых земельных отношений являются экономические отношения о земле [8, с. 712] такие как, налог по другим платежам (платеж за аренду земли), стоимость земли, компенсация ущерба, организация правового рынка использования земли — это та свободная экономическая деятельность, что закреплена в земельном законодательстве. Организация правового рынка использования земли с экономической точки зрения дает возможность землепользователям:

- Оставлять под залог право землепользования и таким образом осуществлять получение кредита в банковских учреждениях.
- Отчуждать и приобретать права землепользования. [16, с. 7]

То есть в этой статье Конституции РТ закреплены следующие принципы: «обеспечение эффективного использования земли», «разнообразие форм хозяйствования на земле, обеспечение равноправного использования земли, ее эффективная деятельность и недопущение монопольной деятельности на правовом рынке землепользования».

3. Сегодня наблюдается большое количество земельных споров в общих и специальных судах, а также в других уполномоченных органах этой области (отрасли). Анализ судебной практики говорит о том, что в некоторых исковых заявлениях грубо нарушаются права землепользователей, и возникает необходимость судебной их защиты. Статья 19 Конституции РТ гласит: «Каждому гарантируется судебная защита». Судебная защита Конституцией РТ

устанавливается как право каждого человека, поэтому каждое право субъекта земли и пользователя, которое нарушается или оспаривается, должно пользоваться судебной защитой. Споры, вытекающие из земельных отношений, рассматриваются в порядке, предусмотренном земельным законодательством Республики Таджикистан (статья 47 ЗК РТ).

В целях одинакового обеспечения конституционных норм РТ, Земельного кодекса, Гражданского кодекса, законов и других нормативно-правовых актов, осуществление которых делает землю в РТ исключительной собственностью государства, и государство гарантирует ее эффективное использование на благо народа, создает все условия для улучшения природной среды, одинакового развития всех форм хозяйствования, а также очень важна роль решений Пленума Верховного Суда РТ, Высшего экономического суда в объяснении норм действующих законов, особенно земельного законодательства. В том числе решение Пленума Верховного Суда РТ «О судебной практике по уголовным делам в отношении самовольного захвата земельного участка, самовольного строительства на нем и незаконного выделения земельного участка» от 25 июня 2012. № 3, решение Пленума Верховного Суда РТ «О некоторых вопросах, которые возникают при рассмотрении судами дел по праву на собственность и самовольному строительству» (некоторые вопросы решения касаются вопроса земельного участка, вообще земельного закона) от 31 августа 2007. № 6. [21]

4. Согласно статье 32 ГК РТ каждый имеет право иметь собственность (имущество) и наследство. Имея в виду эту конституционную норму, одним из главных направлений земельной реформы в Таджикистане в соответствии с Законом РТ «О земельной реформе» является вопрос получения в наследство права на использование земельного участка. Законодательство РТ определило порядок передачи в наследство права пользования земельным участком. Это положение вытекает из Гражданского кодекса РТ, [13] Земельного кодекса РТ и

других законов земельной отрасли. Такое положение установил Земельный кодекс. В пожизненное наследуемое пользование земли предоставляется физическим лицам или коллективам граждан для организации дехканского (фермерского) хозяйства и традиционных народных промыслов, а также гражданам, как приусадебный земельный участок.

Земельные участки, предоставленные на правах пожизненного наследуемого пользования, в случае открытия наследства подлежат перерегистрации.

5. Конституционные нормы по обеспечению защиты (охраны) земли как природного объекта положены в основу развития земельного законодательства. В статье 44 Конституции РТ предусмотрено, что охрана природы — обязанность каждого. Надо иметь в виду, что земля является одним из важных природных объектов, и эта конституционная норма играет большую роль в урегулировании отношений по землепользованию; особенно важна охрана земли как природного объекта и других природных богатств, и на основе этой конституционной нормы принимаются другие законы земельной отрасли и охраны природы.

Действительно, земля — один из главных компонентов природы и является важным богатством государства и общества. Основу богатства всех государств составляет земля и ее богатства. Направленное использование ее приводит к возникновению ряда проблем в обществе, в том числе социальных, экономических, экологических, правовых и даже политических. Эта статья Конституции РТ стала предпосылкой для принципов: «охрана земли как важного природного объекта», «предотвращение нанесения ущерба земле, окружающей среде и обеспечение экологической безопасности, улучшение качества и плодородия земель как важнейшего природного ресурса».

Внесение изменений и дополнений в Земельный кодекс от 1 августа 2012 года берет свое начало в изменениях норм Конституции. В статье 17 установлено, что

мужчины и женщины равноправны. Поэтому женщины, как и мужчины независимо от пола как землепользователи имеют все права на использование земли. Исходя из этого, в статье 7 Земельного кодекса установлено, что обеспечение равноправного доступа к земельным участкам входит в полномочия местных исполнительных органов Горно-Бадахшанской автономной области, областей, городов и районов в зависимости от административных границ в области урегулирования земельных отношений. Это значит, что местные исполнительные органы государственной власти должны принимать меры по предотвращению ограничений женщинам в земельных отношениях. Это статья Конституции гарантирует принцип «обеспечение равноправного доступа мужчин и женщин к земельному участку».

6. Вопрос налога и налогообложения является одним из важных вопросов земельного законодательства. Из требований ст. 45 Конституции РТ вытекает, что «Уплата налогов и сборов, определяемых законом, является обязанностью каждого». Хотя этой статьей не предусмотрены отдельные виды налогов и платежей, однако налоговым законодательством конкретно установлен каждый вид налога. Глава 41 положения 2 Земельного кодекса РТ [21] посвящена земельному налогу. Из требований Земельного кодекса РТ исходит, что использование земли в РТ является платным. Каждый год плата за землю взимается в виде земельного налога, арендной платы в установленные сроки, то есть конституционное положение по налогу устанавливает важные обязанности каждого по оплате налога и другим платежам. Исходя из этого требования Основного закона, в статье 1 Земельного кодекса закреплен принцип платного использования земли. Как отмечает профессор Ш. М. Исмаилов, в статье 45 Конституции РТ предусматривается принцип отрицания обратного действия закона, который обозначает, что законы, устанавливающие новые налоги или обременяющие экономическое положение налогоплательщиков, не имеют обратного действия.

На самом деле это означает, что отягощается положение налогоплательщика или его представителя, не охватываются правовые отношения, возникшие до его принятия. Это положение также касается и субъектов-налогоплательщиков.

7. В Конституции РТ также конкретно указывается вопрос управления и полномочий, касающихся органов, некоторые полномочия органов возлагаются на законы земельной отрасли. Пункт 1 ст. 56 Конституции РТ устанавливает полномочия Маджлиси милли по образованию, упразднению и изменению административно-территориальных единиц. Это полномочия Маджлиси Милли, непосредственно относящееся к использованию земель. А также указаны полномочия Маджлиси намояндагон, Президента, Хукумата, местных хукуматов (властей) в области урегулирования и управления земельными законами. Важна роль органов прокуратуры в контроле точного соблюдения и одинакового исполнения законов земельной отрасли на территории РТ, а также в выявлении и предотвращении земельных правонарушений.

Надо отметить, что развитие законодательства РТ о земле начинается с Конституции РТ, поэтому анализ вышеназванных отдельных статей привел к необходимости принятия некоторых законов земельной отрасли, в том числе Земельного кодекса РТ, Закона РТ «О землеустройстве», Закона РТ «Об оценке земли», Закона РТ «О земельной реформе», Закона РТ «О дехканском (фермерском) хозяйстве», Закона РТ «О личном подсобном хозяйстве», что способствовало принятию других нормативно-правовых актов отрасли.

Для реализации конституционных и других норм земельного законодательства необходимо создать ряд условий (отношений):

- многообразие форм хозяйствования на земле;
- равноправное обеспечение участников земельных отношений в использовании земли и создание единого правового пространства для осуществления предпринимательской деятельности;
- эффективное использование земли;

- создание свободной здоровой конкуренции и ограничение монопольной деятельности как важного условия реформы рыночной экономики;

- усиление экологических требований по отношению к организации собственности земли и землепользования во всех формах хозяйствования независимо от отраслевого подчинения предприятия;

- гарантия судебной защиты и согласованность для защиты земельных прав. [22, с. 72–73]

На наш взгляд, справедливой является точка зрения С. А. Боголюбова и Е. А. Калиновской [13, с. 29] о том, что положения Конституции, регулирующие земельные отношения, содержат нормы, непосредственно посвященные земельным отношениям, и нормы, которые как бы являются отдаленными от земельных отношений, но в то же время они опосредованно участвуют в регулировании земельных отношений.

Исследование конституционных принципов в сфере земельных отношений свидетельствует, что данные принципы в целом нашли свое отражение и получили развитие при регулировании вопросов, связанных с осуществлением государственного управления в области использования и охраны земель. Особенности государственного управления в сфере земельных отношений позволяют выделить не только многообразие его форм, но и разграничение их по определенным признакам.

Таким образом, общий анализ содержания норм Конституции РТ, закрепляющих основы регулирования земельных отношений, позволяет их условно разделить на:

- конституционные положения, устанавливающие основы правового режима земли как природного объекта и природного ресурса;

- конституционные положения, устанавливающие право граждан на землепользование;

- конституционные положения, устанавливающие предметы ведения РТ в сфере регулирования земельных отношений.

Литература:

1. Алексеев С. С. Проблемы теории права: учебник. — Свердловск: СЮИ, 1972. — Т.1.
2. Алексеев С. С. Право: азбука — теория — философия: Опыт комплексного исследования. — М.: Статут, 1999. — 712 с.
3. Азимов А. Ш. Правовые основы предоставления и изъятия земель в Республике Таджикистан //Международный фонд правовых исследований «Аспекты права». Ежемесячный научный журнал. — 2015. — № III (8).
4. Боголюбов С. А. Конституционные проблемы охраны окружающей среды в СССР: дис. ...д-ра. юрид. наук. — М., 1990.
5. Воронина М. Д. Конституционно-правовые основы земельных отношений в РФ. Вестник ЮУрГУ. — 2009. — № 6.
6. Голощапов А. Прямое действие конституционных норм и принципов // Законность — 2004. — № 4 // Справочная правовая система Консультант Плюс: Комментарии Законодательства.
7. Гражданско-правовые сделки (купля-продажа, дарение, мена, залог и др.) с правом на использование и отчуждение земельного участка // Проект USAID «О земельной реформе в Таджикистане». — Душанбе, 2012. — 23 с.
8. Гражданский кодекс Республики Таджикистан //Ахбори Маджлиси Оли Республики Таджикистан. — 1999. — № 12; 1999. — № 6. — Ст. 2005.
9. Достиев А. С. Конституция Республики Таджикистан 1994 года: история разработки, принятия, внесение изменений и основные положения. — Душанбе, 2001.
10. Закон Республики Таджикистан «О приватизации государственной собственности» //Ахбори Маджлиси Оли Республики Таджикистан. — 1997. — № 10. — Ст. 160; 2002. — № 4, ч. 1. — Ст. 167; 2003. — № 12. — Ст. 699; 2009. — № 3. — Ст. 90.
11. Земельное право: /под ред. Г. Е. Быстрова, Р. К. Гусева, А. В. Бабанова и др. — М.: ТК Велби, Изд-во Проспект, 2006.
12. Земельный кодекс Республики Таджикистан //Ахбори Маджлиси Оли Республики Таджикистан. — 2012. — № 4. — Ст. 165.
13. Земельное право: учебник / под ред. С.А. Боголюбова. — М., 2004.
14. Исмаилов Ш. М. Особенности земельного законодательства в Республике Таджикистан // «Экологическое право» — 2009. — №и5/6.
15. Исмаилов Ш.иМ., Латипова Л.иБ., Сиддикова Н.иН. Комментарий к закону Республики Таджикистан «О внесении изменений и дополнений в земельный кодекс Республики Таджикистан» от августа 2012 года №и891 // Проект USAID по Земельной реформе в Таджикистане. — Душанбе, 2012. — 72 с.
16. Исмаилов Ш. М., Шонасридинов Н., Нодиров Ф. М., Гафуров А. Д. Аграрное право Республики Таджикистан: (на тадж. яз.). — Душанбе: Бухоро, 2013. — 340 с.
17. Конституция Республики Таджикистан [Электронный ресурс] от 6 ноября 1994 года, принятая на всеобщем референдуме, с изменениями и дополнениями от 26 сентября 1999 года и 22 июня 2003 года // [http: base. spinform. ru/show_doc. 2213](http://base.spinform.ru/show_doc.2213). (дата обращения: 15.02.2016).
18. Менглиев Ш. М. (Комментарий к статье 13 КРТ) // Комментарий к Конституции Республики Таджикистан / под ред. М.А. Махмудова. — Душанбе: Шарки озод, 2009.
19. Нецветаев А. Г. Земельное право: учебно-методический комплекс. — М.: Изд. центр «ЕАОИ», 2008.
20. Общая теория государства и права. Академический курс в 2-х. Т.2: Теория права / под ред. проф. М.Н.Марченко. — М.: Изд-во «Зерцало», 1998. — 656 с.
21. Свод Решений Пленума Верховного Суда Республики Таджикистан (1992–2011). Душанбе: Конуният, 2011.
22. Сохибов М. М. Земельное право Республики Таджикистан (на тадж. яз.) — Душанбе: Изд-во. Андалеб-Р, 2015. — 492 с.

МЕСТО ТАМОЖЕННЫХ ОРГАНОВ РЕСПУБЛИКИ ТАДЖИКИСТАН В СИСТЕМЕ ОРГАНОВ ИСПОЛНИТЕЛЬНОЙ ВЛАСТИ СТРАНЫ

Соибов З. М.,

ассистент кафедры конституционного права юридического факультета Таджикского национального университета.

E-mail: zayniddin.soibov.92@mail.ru

Научная специальность: 12.00.14 — административное право, административный процесс

Рецензент: Джамшедов Дж. Н., кандидат юридических наук, доцент

Аннотация: Таможенные органы занимают особое место в системе органов исполнительной власти Республики Таджикистан. Они осуществляют государственное управление в таможенной сфере. В соответствии с законодательством Республики Таджикистан таможенные органы обладают определенной компетенцией, которая тесно связана с их правовым статусом. В статье автор анализирует законодательство Республики Таджикистан и определяет место таможенных органов в системе органов исполнительной власти.

Ключевые слова: органы исполнительной власти, таможенный орган, разделение властей, система таможенных органов

PLACE OF THE CUSTOMS AUTHORITIES IN THE SYSTEM OF THE BODIES OF EXECUTIVE POWER OF THE REPUBLIC OF TAJIKISTAN

Soibov Z. M.,

Junior lecturer of the Department of Constitutional Law of the Law Faculty, Tajik National University

Scientific specialty: 12.00.14 — administrative law, administrative process

Reviewer: Jamshedov J. N., Candidate of Legal Sciences, Assistant Professor

Annotation: The customs authorities take a special place in the system of the bodies of executive power of the Republic of Tajikistan. They carry out state administration in the field of customs. In accordance with the legislation of the Republic of Tajikistan, customs authorities have a certain competence, which are closely related to their legal status. In the article the author analyzes the legislation of the Republic of Tajikistan and determines the place of the customs authorities in the system of executive power.

Keywords: the bodies of executive power, the customs authority, separation of powers, the system of customs authorities

В условиях существующей системы разделения властей исполнительная власть является одной из ветвей единой государственной власти. [16, с. 38] Исполнительная власть по своему содержанию отличается от других видов государственной власти и

действует на основе принципов сдержек и противовесов.

Следует различать понятие «исполнительная власть» от «органов исполнительной власти». Исполнительная власть — это самостоятельная ветвь единой государ-

ственной власти наряду с другими ее ветвями. Органы исполнительной власти — это внешняя форма выражения исполнительной власти, [2, с. 189] то есть органы исполнительной власти осуществляют функции, цели и задачи исполнительной власти.

В юридической литературе существуют различные мнения и точки зрения. Одни авторы считают исполнительную власть структурным подразделением государственного аппарата, создаваемым специально для повседневного функционирования в системе разделения властей с целью исполнения законов в процессе регулирования экономической, социально-культурной и административно-политической сферами жизни общества. [5, с. 64] Также есть мнение, согласно которому органом исполнительной власти считается исполнительно-распорядительный орган, реализующий эту власть (орган государственного управления), т. е. проводящий в жизнь законы и подзаконные акты, отнесенных к его ведению, и наделенный полномочиями по применению мер государственного принуждения. [3, с. 67]

По мнению Б. Х. Раззокова, орган исполнительной власти — это самостоятельная институция государства, осуществляющая исполнительно-распорядительную деятельность с целью организации исполнения законов в процессе государственного управления экономической, социальной и административно-политической сферами жизни общества и получившая правоустановительные (нормотворческие) prerogatives в порядке особой легитимации. [15, с. 179] Другой отечественный ученый Х. Ойев считает, что орган исполнительной власти является неотъемлемой частью государственного аппарата, специально созданный для реализации законов в процессе руководства экономической, социально-культурной и административно-политической сферами в системе разделения государственной власти. [12, с. 147]

Наряду с вышеизложенным следует отметить, что понятие исполнительного органа законодательно определено недавно

принятым Законом Республики Таджикистан «О системе органов государственного управления Республики Таджикистан». Согласно данному закону под исполнительным органом государственной власти понимается организационная форма осуществления государственного управления, которая учреждается и действует в системе исполнительных органов государственной власти на основе нормативных правовых актов Республики Таджикистан. [11]

В общем, нет единого подхода к понятию органа исполнительной власти. Анализ специальной литературы показывает, что орган исполнительной власти обладает контрольно-надзорными функциями исполнительно-распорядительной, нормотворческой и правоохранительной деятельностью (юрисдикционной). [3, с. 188]

Органы исполнительной власти осуществляют правоприменительную, исполнительно-распорядительную и организационно-управленческую деятельность. [10, с. 38]

Органы исполнительной власти имеют определенную нормативно установленную систему. Под системой органов исполнительной власти понимается совокупность этих органов и их взаимоотношения, определяющиеся на основе разграничения компетенции между ними. [16, с. 58] Органы, которые входят в эту систему, в основном осуществляют функции государственного управления. [14, с. 118] В системе органов исполнительной власти с учетом сферы общественной жизни создаются определенные органы, которые реализуют государственное управление.

Таможенные органы имеют особое место в системе органов исполнительной власти Республики Таджикистан. Безусловно, таможенные органы Республики Таджикистан осуществляют государственное управление в таможенной сфере. В соответствии с законодательством Республики Таджикистан таможенные органы обладают определенной компетенцией. Реализация компетенции (полномочий, функций и задач) таможенных органов тесно связана с их правовым статусом. В юридической науке категория «правовой статус»

имеет особое значение. Существуют различные подходы к понятию правового статуса. Например, в одном из источников определяется, что правовой статус — описание объема свободы, гарантированной субъектам права определенного типа (индивидуальным, коллективным, институциональным) в обществе и государстве, а также в международных отношениях. [21, с. 812] По мнению О. А. Князева, в широком смысле под правовым статусом понимается юридическое выражение положения личности, при этом в него включают все то, что так или иначе юридически определяет, характеризует реальное положение человека в обществе. [11, с. 64] А также они отмечают, что статус правовым называется, потому что речь идет о юридических возможностях личности: правах, свободах, компетенции, полномочиях, юридических обязанностях и ответственности как субъекта права. По мнению Н. А. Суслова, правовой статус в более узком смысле имеет дифференцированное содержание. Он включает структуру органа и порядок его образования, компетенцию, взаимоотношения с другими, в том числе родственными органами (исполнительными, законодательными и т. д.). [17, с. 16]

Таможенные органы как структурное подразделение системы органов исполнительной власти обладают определенным правовым статусом. Следует различать конституционный, [17, с. 16] финансово-правовой [1, 4, с. 150] и административно-правовой статус этих органов.

В рамках нашего исследования считаем целесообразным рассмотреть административно-правовой статус таможенных органов Республики Таджикистан.

Исследование административно-правового статуса таможенных органов имеет особое значение для использования административных возможностей этих органов. В сегодняшних условиях административно-правовой статус таможенных органов позволяет непреклонно и оптимально реализовать государственное управление административной деятельностью в таможенной сфере.

Вся деятельность таможенных органов Республики Таджикистан связана с их административно-правовым положением. Административно-правовое положение таможенных органов подразумевает, что все они действуют на основе законов и других нормативных актов, реализуют нормотворческую деятельность, совершают действия, возложенные на них нормативными актами, имеют полномочия, а также обладают оперативной самостоятельностью, но в пределах установленной компетенции. [8, с. 67]

Определение административно-правового статуса таможенных органов имеет следующее значение:

- прежде всего, представляет таможенных органов как структурное подразделение органов исполнительной власти;
- определяется их место в системе органов исполнительной власти;
- административно-правовой статус определяет содержание и назначение таможенных органов;
- административно-правовой статус содействует оптимальному осуществлению государственного управления в сфере таможенных со стороны таможенных органов;
- таможенные органы в рамках своего административно-правового статуса принимают административно-правовые акты и осуществляют исполнительно-распорядительную деятельность;
- таможенные органы применяют меры административного принуждения, защищают и обеспечивают права и свободы человека и гражданина.

Когда речь идет об административно-правовом статусе таможенных органов, необходимо определить их место в системе органов исполнительной власти Республики Таджикистана. Таможенные органы по своим особенностям организуются и действуют в системе органов исполнительной власти. Для этого следует определить характер их компетенции. Как известно, органы исполнительной власти по характеру компетенции делятся на органы общей, отраслевой, межотраслевой и специальной компетенции. [5, с. 64] Многие авторы считают, что таможенные органы

как органы исполнительной власти наделены специальной компетенцией. [1, с. 114; 9, с. 153; 18, с. 116] Органы специальной компетенции — это органы, осуществляющие различного рода разрешительные, контрольные, надзорные и регулятивные функции в различных сферах управленческой деятельности. [5, с. 64] Следует согласиться с таким мнением, поскольку таможенные органы являются органами специальной компетенции, так как они осуществляют функции, характерные для органов специальной компетенции.

Республика Таджикистан после приобретения независимости создала свои национальные таможенные органы. В процессе подготовки и принятия законодательных актов в 1992 году начался период формирования таможенных органов. [11, с. 66] Исходя из анализа нормативных источников, следует констатировать, что в целом пять раз были изменены организационно-правовые формы уполномоченного органа по вопросам таможенного дела. Впервые на основе постановления Дивана Министров Республики Таджикистан от 22 января 1992 г. № 14 было создано Главное управление таможенного контроля при Диване Министров Республики Таджикистан. В связи с этим каждый год 22 января в нашей стране празднуется день сотрудников таможни. [6] Государственный таможенный комитет Республики Таджикистан был образован на основе постановления Совета Министров от 22 июня 1993 года. Постановлением Совета Министров Республики Таджикистан от 15 февраля 1994 года Государственный таможенный комитет Республики Таджикистан был преобразован на Таможенный комитет при Правительстве Республики Таджикистан. По предложению МВФ и согласно постановлению Правительства Республики Таджикистан от 24 января 2002 г. [13, с. 12] уполномоченный орган по вопросам таможенного дела был создан в составе Департамента таможенного контроля в составе Министерства по государственным сборам и доходам и государственным платежам Республики Таджикистан. На основе Указа Президента Республики Таджикистан от 30 ноября 2006

года в системе центральных органов исполнительной власти Республики Таджикистан была образована Таможенная служба при Правительстве Республики Таджикистан. [19] Положение Таможенной службы при Правительстве Республики Таджикистан утверждено постановлением Правительства Республики Таджикистан от 28 декабря 2006 № 612 и действует на основе этого документа.

В соответствии с Указом Президента Республики Таджикистан от 19 ноября 2013 «О совершенствовании структуры исполнительных органов государственной власти Республики Таджикистан» организационно-правовая форма уполномоченного органа исполнительной власти в сфере таможни определена как Таможенная служба при Правительстве Республики Таджикистан.

Таможенная служба при Правительстве Республики Таджикистан в системе таможенных органов Республики Таджикистан находится на первом месте и является уполномоченным органом по вопросам таможенного дела. Таможенная служба Республики Таджикистан является функциональным, организационным и методическим центром системы таможенных органов, направляет деятельность всех ее звеньев, способствуя своему развитию, укреплению и целостности. [28, с. 39] На основе Положения о Таможенной службе при Правительстве Республики Таджикистан, утвержденной Постановлением Правительства от 3 марта 2014 года, данный орган является правоохранительным, исполнительным уполномоченным органом государственной власти, обеспечивающим непосредственную реализацию в таможенных целях задач в области таможенного дела в соответствии с законодательством Республики Таджикистан.

Таможенная служба при Правительстве Республики Таджикистан — это центральный и отраслевой орган исполнительной власти, осуществляющий непосредственное руководство таможенным делом в Республике Таджикистан. [20, с. 38] Прави-

тельство Республики Таджикистан осуществляет общее руководство таможенным делом.

Как известно, Таможенная служба при Правительстве Республики Таджикистан является органом при Правительстве Республики Таджикистан. Закон Республики Таджикистан «О системе органов государственного управления Республики Таджикистан» закрепляет понятие органа при Правительстве Республики Таджикистан, на основе которого орган при Правительстве Республики Таджикистан является центральным исполнительным органом государственной власти, выполняющим специальные исполнительные, контрольные, разрешительные и другие функции в установленной сфере деятельности. [7] Таможенная служба при Правительстве Республики Таджикистан как другие органы при Правительстве Республики Таджикистан реализует исполнительные, контрольные, разрешительные и другие функции (в области таможенного дела).

Резюмируя вышеизложенное, можно сделать следующие выводы:

- таможенные органы в системе органов исполнительной власти являются органами специальной компетенции, осуществляющие государственную политику и

государственное управление в сфере таможенного дела;

- уполномоченным органом по вопросам таможенного дела считается Таможенная служба при Правительстве Республики Таджикистан, общее руководство деятельностью которой осуществляет Правительство Республики Таджикистан;

- Таможенная служба при Правительстве Республики Таджикистан осуществляет контроль за деятельностью нижестоящих таможенных органов и реализует государственную политику и государственное управление в области таможенного дела. Таможенная служба при Правительстве Республики Таджикистан как и другие органы исполнительной власти оказывает услуги в сфере таможни, поэтому, как Служба организационно-правовых форм, уполномоченный орган по вопросам таможенного дела соответствует на ее деятельности;

- в законодательство Республики Таджикистан, особенно в Таможенный кодекс, следует внести изменения по поводу разграничения системы и структуры таможенных органов;

- учитывая опыт зарубежных стран, предлагается создать специализированные таможенные органы для улучшения деятельности таможенных органов.

Литература:

1. Бакаева О. Ю. Правовое регулирование финансовой деятельности таможенных органов Российской Федерации. Дисс. ... д. ю. н. — Саратов, 2005. — С. 150.
2. Бахрах Д. Н., Российский Б. В., Стариков Ю. Н. Административное право: Учебник для вузов. — 2-е изд., изм. и доп. — М.: Норма, 2005. — С. 188.
3. Бородин С. С. Громько С. С. Административное право. Общая и Особенная часть: Курс лекции / ГУАП. — СПб., 2007. — С. 67.
4. Ваххобов А. Р. О понятии и структуре финансово-правового статуса таможенных органов Российской Федерации и Республики Таджикистан: сравнительно-правовой анализ // Вестник ТГУПБП № 2 (54).
5. Душакова Л. А., Чепурнова Н. М. Административное право: Учебно-методический комплекс. — М.: Изд. центр ЕАОИ, 2008. — С. 64.
6. Закон Республики Таджикистан «О праздничных днях» от 2 августа 2011 г. № 753 // АМОПТ. 2011 год. — № 7–8, ст. 608.
7. Закон Республики Таджикистан «О системе органов государственного управления Республики Таджикистан» от 16 апреля 2012 г. № 828 // АМОПТ. 2012 год. — № 4, ст. 278.
8. Князева О. А. Административно-правовые и организационные основы деятельности таможенных органов Российской Федерации. Дисс. ... к. ю. н. — Москва, 2008. — С. 64.

9. Мильшина И. В. Организационно-правовые основы государственного управления таможенным делом. Дисс. ... д. ю. н. — Саратов, 2007. — С. 116.
10. Новокшенов И. Б. Административно-правовой статус таможенных органов Российской Федерации. Дисс. ... к. ю. н. — Москва, 1999. — С. 38.
11. Оймахмадов М. Асосҳои фаъолияти гумрукӣ дар Ҷумҳурии Тоҷикистон. — Душанбе. Ирфон. 1998. — С. 66.
12. Ойев Х. Ҳуқуқи маъмурии Ҷумҳурии Тоҷикистон (қисми якум). Душанбе — 2013. С. 147
13. Орифов А., Блиничкина Н. Гумрук. (васоили таълимӣ-методӣ). — Хучанд: Ношир, 2013. — С. 12.
14. Раззоков Б. Х. Государственное управление в Республике Таджикистан: правовые проблемы теории и практики. — Душанбе: «Ирфон». 2007. — С. 118.
15. Раззоков Б. Х. Проблемы теории и практики организации исполнительной власти в Республике Таджикистан. Дисс. ... д. ю. н. — Москва, 2014. — С. 179.
16. Солдатов А. П., Мельников В. А. Административное право Российской Федерации. Учебник. "Феникс" — 2006. — С. 58.
17. Суслов Н. А. Система таможенных органов Российской Федерации: административно-правовой статус и проблемы его совершенствования. Дисс. ... к. ю. н. — Москва, 1999. — С. 16.
18. Томазова О. Е. Проблемы трансформации административно-правового статуса таможенных органов в условиях реформирования системы таможенного администрирования // Вестник БИСТ / № 4 (12), декабрь 2011. — С. 153.
19. Фармони Президенти Ҷумҳурии Тоҷикистон «Дар бораи такмили сохтори мақомоти марказии ҳокимияти иҷроияи Ҷумҳурии Тоҷикистон» аз 30 ноябри соли 2006 № 9. Центральный банк правовой информации Министерства юстиции Республики Таджикистан. Электронная версия "Адлия", 15.03.2015.
20. Хасанов К. Х. История становления и развития организационно-правовых основ деятельности таможенных органов Республики Таджикистан. — Душанбе. Эр-граф, 2009. — С. 39.
21. Юридическая энциклопедия / Отв. ред. Б.Н. Топорник. — М.: Юристь, 2001. — С. 812.

Требования к статьям соискателей, аспирантов, докторантов для публикации в журнале «Государствоведение и права человека»

Минимальный объем подачи материала — четыре страницы текста, набранного в формате Word.

Параметры набора: 14-й размер кегля, Times New Roman, полуторный интервал, поля: верхнее и нижнее — по 2,5 см, левое — по 1,5 см и правое — по 3,5 см

К статье обязательно прилагаются:

- 1) рецензия;
- 2) аннотации на русском и английском языках (до 500 знаков каждая, включая пробелы, точки и запятые);
- 3) ключевые слова (пять — семь основных слов статьи без расшифровки понятий через запятую) на русском и английском языках;
- 4) перевод на английский язык названия статьи;
- 5) перевод на английский язык фамилии, имени, отчества автора статьи;
- 6) электронный адрес автора, номера телефонов;
- 7) указывается научная специальность (код);
- 8) перевод на английский язык фамилии, имени, отчества научного руководителя автора статьи;
- 9) перевод на английский язык фамилии, имени, отчества рецензента статьи.

Список литературы указывается в алфавитном порядке. Страницы должны быть пронумерованы. Статьи принимаются в печатном (подписывается автором) и электронном экземплярах.

Статьи в обязательном порядке рецензируются членами Редакционно-экспертного совета журнала в соответствии с профилем представленной работы и (или) привлеченными редакцией учеными или специалистами согласно порядку рецензирования рукописей. Отрицательная рецензия является основанием для отказа в публикации работы (автору сообщается об этом в письменном виде). Гонорар за публикацию статей не выплачивается. Аспиранты имеют право на бесплатную публикацию статей. Авторы передают редакции исключительное право на использование произведения следующими способами:

- воспроизведение статьи (право на воспроизведение);
- распространение экземпляров статьи любым способом (право на распространение).

Представление материала, поступившего в адрес редакции, является конклюдентным действием, направленным на возникновение соответствующих прав и обязанностей. Согласие автора на опубликование материала на указанных условиях, а также на размещение его в электронной версии журнала предполагается. Редакция оставляет за собой право размещать материалы и статьи журнала в электронных правовых системах и иных электронных базах данных. Автор может известить редакцию о своем несогласии с подобным использованием его материала при представлении статьи. В случае нарушения перечисленных редакционных требований материал может быть возвращен автору на доработку. О внесенных изменениях автор обязан сообщить редакции (письмо в электронном виде). При несоблюдении автором предъявляемых требований редакция имеет право отказать публиковать представленный материал с мотивированным объяснением причин отказа.